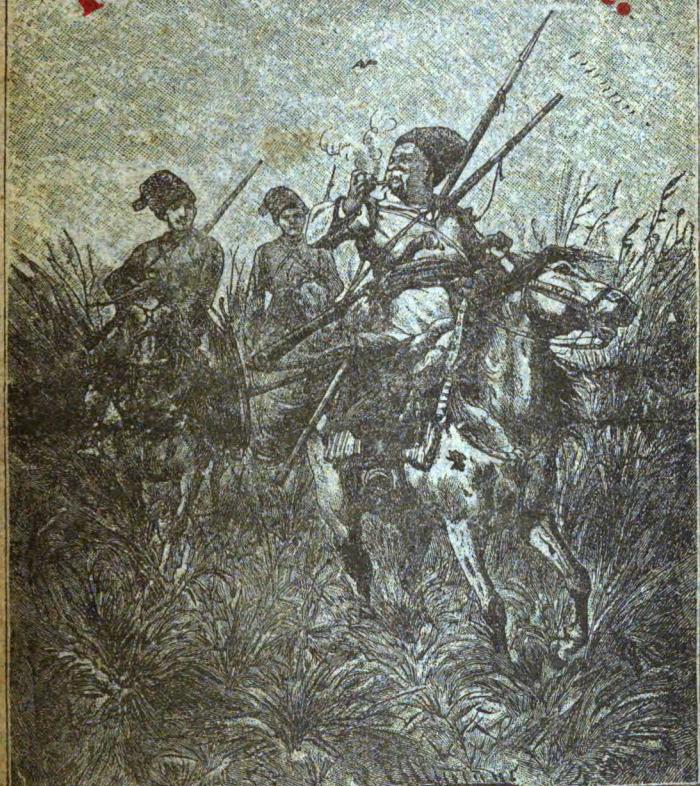

Николай Васильевич Гоголь.

Тарасъ Бульба.

Накладомъ печатнѣ М. Бѣлоуса въ Коломыѣ.
1910.

TARAS ВУЛЬБА
Тарасъ Бульба

ПОВѢСТЬ
ИЗЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНЫ.

Сочиненіе
N. GOGOL'
Н. ГОГОЛЯ.

На галицко-русскій языкъ переведена

Н. Д. Ф. Г—имъ.

КОЛОМЫЯ.
Черенками и накладомъ М. Бѣлоуса.
1910.

Honorable Towne

* $19\frac{1}{3}$ 1809. — † $21\frac{1}{2}$ 1852.

*Въ той часъ була честь, слава,
Войсковая справа;
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пбдъ ноги топтала.
Дума Украинска.*

PG3332

Т3

1910

ПРЕДОСЛОВІЕ.

Передъ 100 лѣтами родився въ Соро-
чинцяхъ на Українѣ зъ батька Василя
и Марії зъ Косаровской Гоголовъ мала ди-
тина, що назвали его Николаемъ. Они мали
свои земельніи добра, а выводяте свою фа-
милію изъ старой русской шляхты Янов-
скихъ. Були колись гетманами и иншими
старшинами въ козацкихъ войскахъ. И хо-
тяй були они дворянами, то малый Нико-
лай любивъ бавитися съ сельскими маль-
чиками и такъ присвоивъ собѣ русскую
народность, що окончивши кіевську акаде-
мію, ставъ писати повѣсти на тлѣ народного
тамточасного житя-бытia. А уже найкрас-
ша изъ всѣхъ его повѣстей есть власне тая,
котру мы теперь перепечатуемъ зъ 1850,
а котра була въ своею часѣ напечатана
въ Россіи и на велико-русскомъ языцѣ.
Кромѣ той повѣсти написалъ покойный
Николай Гоголь славну комедію »Ревизоръ
зъ Петербурга« и »Пропавшая грамота«
и много иныхъ. Такимъ чиномъ покойный

The University of Iowa
LIBRARIES

поклавъ подвалины до великои письменности и отъ него начали другіи писати, що становить нынѣ велика россійска література.

Коли надойшовъ часъ 100-лѣтного рожденія, то пригадали его наслѣдники по перахъ о его памяти и изъ складокъ собрали показную сумму и построили величавый памятникъ, на открытие которого їздили и отъ насъ въ минувшомъ (1909) року колькадесять патріотовъ-любителей русской словесности до мѣста Москви, где на вѣчніи часы той памятникъ поставлено. И мы причиняемся до возвищенія его имени, издаючи его повѣсть, а которого портретъ на передѣ твої книжочки помѣщаемъ най люди читаютъ и узнаютъ его талантъ.

Издатель.

I.

»А ну-но обернися сынку! Ехъ! Якій же ты смѣшный такій! Що то на васъ за поповскіи сукманцѣ? Чи тамъ такъ всѣ ходять въ академії?«

Такими словами встрѣтивъ старый Бульба двохъ сыновъ своихъ, учившихся въ кievской бурсѣ и прѣбывавшихъ уже домовъ къ отцю.

Сыны его ледви що злѣзли зъ коней. Були то два жвавіи молодцѣ, позираючі еще зъ пôдлобья, яко недавно выпущеніи семинаристы. На свѣжыхъ, здоровыхъ лицахъ, засъявся первый пухъ волоса, которого ще не тыкалась бритва. Они були даже засумовались такимъ пріемомъ отця и стояли стопами затопивши очи въ землю.

»Стойте, стойте! дайте мнѣ розглядѣти васъ хорошенько«, продовжавъ онъ, обертаючи ними, »якийсь-то довгіи свитки на васъ! якіи свитки! такихъ свитокъ ще въ свѣтѣ и не бувало. А ну перебѣжись который нибудь зъ васъ! най подивлюся: чи не гримнешъ о землю, запутавшись въ тую спôдницю.«

»Не смѣйся, не смѣйся батьку!« сказавъ на конецъ старшій изъ нихъ.

»А диви: якій ты пышный! а чому жбы то менѣ не смѣятися?«

»А такъ; хоть ты менѣ и батько, а якъ будешъ смѣятись, то ейбогу покалатаю!«

»Ахъ ты сякій-такій сыну! якъ батька?« скавъ Тарасъ Бульба, отступивши удивлясь колька кроковъ назадъ.

»А такъ, хоть и батька. За зневагу ни бачу уже и не уважаю никого.«

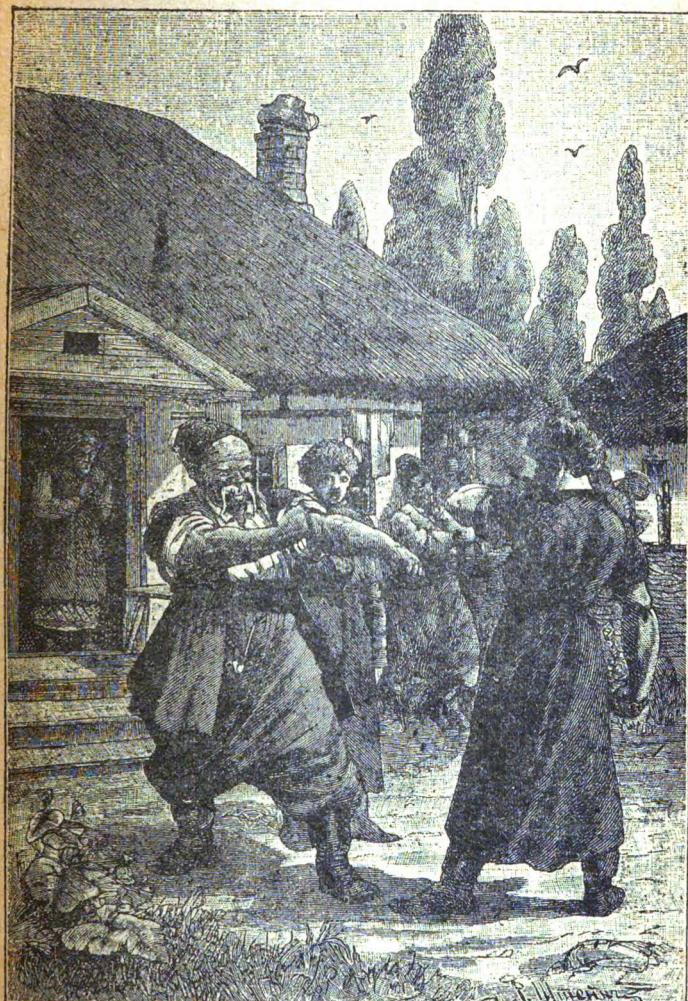
»Якъ-же хочешъ ты со мною битися, та хибань на кулаки!«

»Та ужежъ чимъ ни-будъ.«

»Ну давай на кулаки!« скавъ Тарасъ Бульба закотивши рукавы: побачу я, що зъ тебе за хлопецъ на кулаки!« — И такъ отецъ зъ сыномъ, мѣсто повитанья по давнѣй розлуцѣ, начали садити оденъ другому тузаны, то по ребрахъ, то по спинѣ, то по подъ груды, то отступаючи, то оглядаючись, то зновъ наступаючи.

»Дивѣть-но ся добрѣй люде: одурѣвъ старый! совсѣмъ изъ ума здйшовъ!« говорила блѣдная, худощавая и добрая мати ихъ, стоячи у порога, неуспѣвшая ще обняти ненагляданыхъ дѣтей своихъ, дѣти прїехали домовъ, бѣльше года ихъ не бачила, а онъ загадавъ, катъ знає що, на кулаки битися!« — »Але онъ славно бьется!« говоривъ Бульба, остановившись; ей Богу добре, продовжавъ поправляючись трохи; »такъ що годъ съ нимъ и мѣритися. »Добре сынку! Отъ такъ колоти всякого, якъ мене тизивъ-есь; не спускай никому! а все таки на тобѣ теке смѣшне убранство; що то за мотузокъ на тобѣ висить? А ты, бейбасъ, що стоишъ опустивши руки?« казавъ онъ, обернувшись къ молодшому; »щожъ ты сякій такій сыну, не поборешся со мною!«

»Отъ ще що выгадавъ!« говорила мати, обойнявши въ тое своего молодшого; »ось прїде ему таке въ голову, щобы рѣдне дитя било отца. Та

Тарасъ Бульба вытается съ сынаи »на кулаки«.

буцѣмъ то до того и теперь; дитя молоде прѣхало зъ толькои дороги, утомилось.... (тое дитя мало уже бѣльше двадцати лѣтъ, а ростомъ за добрый сяженъ), ему бы теперь отпочити, та попойсти що-нибудь; а той го заставляе битись!«

»Е, та ты бачу мазунчикъ!« казавъ Бульба: »не слухай сынку матери; она баба, она ничего не знае. Якая вамъ теперь нѣжба? Ваша нѣжба: чистое поле, та вороный кѣнь; то ваша нѣжба! А видите отъ туу шаблю, отъ то ваша матерь! А тамто все дрань, чимъ набивають головы вашій: и академій, и всѣ тіи книжки, буквари и философія, и все то: катъ знае що, я вамъ отъ щось на тое!« Тутъ загнався Бульба такимъ словомъ, что въ письмѣ не уходитъ. »Отъ, лучше, я васъ зъ недѣлѣ отправлю на Запорожье. Тамъ то вамъ наука, тамъ вамъ школа; тамъ только наберется розуму, что ну!«

»Та всего лише оденъ тыждень бути имъ до-
ма? сказала жалостно, со слезами въ очехъ, ходо-
щавая старуха-мати: »и не забавитися имъ, бѣд-
нымъ? и дому рѣдного не познати? и менѣ не на-
дивитися на нихъ? « »Досыть, досыть, стара. Козакъ
не на тое, щобъ съ бабами возитися. Ты бы ще
ихъ собѣ и за пазуху спрятала, або сидѣла бы на
нихъ, мовъ квочка. Иди вже иде, та заставъ намъ
чимъ борше все на столь, що есть. Не треба намъ
пампуховъ, медовниковъ и другихъ лакотковъ: а
тащи намъ цѣлого барана, козу давай, меды соро-
колѣтнї! тай горѣвки до воли, — не тои съ вы-
думками горѣвки, съ розинками и всякими вытре-
беньками, але чистои шумовки, щобъ грала и ши-
пѣла, якъ бѣсь! « —

Бульба повѣвъ сынѣвъ своихъ въ свѣтлию, а
оттамъ проворно выбѣгли двѣ красавицѣ дѣвки, служ-

ницѣ, въ червоныхъ намистахъ, приберавшіи кѣмнаты. Они, якъ видно було, изпужались отъ пріѣзду паничовъ, що не любили спускати никому; а може хотѣли лишь заховати свой женскій обычай: вскрикнуты и кинутися тельмомъ, увидѣвшіи мужчину, тай потому отъ великого стыду довго, закриватися рукавомъ. Свѣтлиця була убрана во вкусѣ тамтого времена, о которомъ живіи слѣды остались только въ пѣсняхъ, та въ народныхъ думахъ, которыхъ вже теперЬ больше не спѣваютъ на Українѣ бородатиі старцѣ-слѣпцѣ въ проводженю тихого бренеканя бандуры передъ лицемъ обступившого народа, во вкусѣ того военного тяжелого времени, коли началися захватки и битвы на Українѣ за унію. Все було чисто, вымощено цвѣтною глиною. По стѣнахъ шаблѣ, нагайки, сѣтки на птицѣ, неводы, ручницѣ, вкусно выробленій порошницѣ, золотая уздечка на коня и пута съ серебряными бляхами. Окна въ свѣтлицѣ були маленьки, съ круглыми, тусклыми склами якіи нынѣ ще видати по старыхъ церквахъ, крѣзь которіи годѣ иначе дивитися, якъ лише поднявши засувне скло. Кругомъ оконъ и дверей були червоніи обводы. На полицяхъ по углахъ збанки, бутлѣ и фляшки зеленои и синои барви, рѣзаній серебряній кубки, позолоченій чарки всякой роботы: венецкой, турецкой, черкесской; зайшли они въ свѣтлицю Бульбы всякими дорогами черезъ третій и четвертій руки, що було дуже звичайно въ тотій удалії времена. Берестовіи лавки кругомъ всей комнаты; великий столъ подъ свѣтними образами въ покутѣ, широкая пѣчъ съ запѣчками, уступами и выступами, покрытая цвѣтными сорокатими зразцями. Все тое було дуже знакоме нашимъ двомъ молодцямъ, приходившимъ щогдѣ на

вакаціі до дому, що не мали єще коней своїхъ и що не въ звичаю було, позволяти школярамъ ъздити верхомъ. У такихъ була лише довга чуприна, щобъ всякий, носившій вже оружье мгъ посѣпати. Лише на отпустцѣ изъ семинаріі пославъ имъ Бульба изъ свого табуна пару молодыхъ жеребцѣвъ.

Бульба при случаю прїѣзда своихъ сыновъ велѣвъ созвати сотниковъ и весь полковый чинъ сколько его было; и коли изъ нихъ двохъ прїшли и ассаулъ Дмитро Товкачъ, Бульбы старый товаришъ, представивъ онъ имъ сей часъ сыновъ, говоря: »Отъ дивѣтъ, якіи молодцѣ, сей часъ ихъ на Сѣчъ пошлю! Гостѣ поздоровили и Бульбу и обохъ молодцѣвъ и сказали имъ, що добре дѣло дѣлають, и що нѣть лучшої науки для молодого човєка, якъ Запорожская Сѣчъ.

Нужъ, панове братъя, садовися всякий, где кому лучше за столь. Ну сынки! передо всѣмъ выпьемъ горѣвки!« такъ говоривъ Бульба: »Боже благослови! Здоровій були сынкій; и ты Андрющю! Дай Боже, щобъ вы на войнѣ завше були удачливій! щобъ бѣсурмановъ били, и Турківъ щобъ били, и Татаровъ, и Ляхи, коли почнутъ що противъ нашої вѣry чинити, то и Ляховъ щобъ били. Ну, подай и твой келишокъ; а що, добра горївка? А якъ то по латиній горївка? То-то, сынку, дурній були латинцѣ: они и не знали, чи есть на свѣтѣ горївка. А якъ того звали, що то латинскій вѣрши писавъ? Я письма не дуже уторопавъ, та не знаю: мабудь Гораций, чи якъ?«

»А ди, якій батько! подумавъ собѣ сынъ Остапъ: »все стара собака знає, та еще прикидається.«

»Архимандритъ любонь вамъ не дававъ и по-

нююхати горѣвки» мовивъ Тарасъ: »а признайтесь, сынки, крѣпко парили васъ свѣжими березовыми вѣнниками по спинѣ и по всѣмъ, що но есть у ко-зака? А може, якъ скоро трохи до розуму прій-шилисьте, такъ, може дѣсталося и плетюхами; круп-ничку, чи не бралося не то, що суботы, але и въ се-реду, и въ четверъ?«

»Ничого, батьку, годѣ вже споминати, що бу-вало; отвѣчавъ Остапъ: »що було, то ся минуло.«.

»Нехай но теперъ попробує!« сказавъ Андрѣй: лишь бы мене кто нынѣ зачепивъ, або попалабъ ся менѣ теперъ яка нибудь татарва, спозналабъ она, що то есть козацкая шабля.«.

»Добре сынку! ейбогу добре! Та коли вже до того прійшло, то — отъ и я съ вами їду! ейбогу їду! Якого чорта менѣ тутъ сидѣти? та гречку съяти, домоводити, глядѣти за овцями, та за свиньми, тай бавитися съ жѣнкою? Тфу! та пропалибъ они: я козакъ: не хочу! Такъ щожъ зъ того, що нема войни? я такъ поїду съ вами на Запорожье, погуляти: ейбогу їду!« И старый Бульба мало по малу гороижився, гороижився, наконецъ розсердив-ся совсѣмъ, вставъ изъ-за стола и величаво поста-вившись, тупнувъ ногою. »Завтра їдемъ! нашо от-кладати? якого бѣса мы тутъ можемъ высидѣти? на що намъ тая хата? по що все тое? тіі горшки?« Сказавши се, разходився старый воевати съ горшками, фляшками — и потовкъ все, що но було на, миснику.

Бѣдная старенька мати, привикша уже къ та-кимъ поступкамъ своего мужа, печально дивилася сидячи на лавцѣ. Она не смѣла ничего и говорити; но учувши о такомъ страшномъ для неи рѣшенію, она не могла удержанатися отъ слезъ; поглянула на

свои дѣти, съ которыми загрожала еи така скорая розлука, и никто бы не мѣгъ описати той силы еи нѣмои горести, которая, видѣлось, трепетала въ еи очехъ и въ затявшихся чертахъ лица.

Бульба бувъ страшно упрямый. Бувъ то одинъ изъ тыхъ характеровъ, которіи могли выводитися лише въ тяжелыхъ временахъ XV-го вѣку на полукочующемъ углу Европы, коли то вся южна первобытная Русь, лишена своихъ князѣвъ, була опустошена, выжжена до тла непрерывными нападами монгольскихъ ордъ; коли, оставивши домъ и кровлю свою, станувъ тутъ отважный мужъ; коли на зарищахъ въ видѣ грозныхъ сусѣдовъ и вѣчной опасности, селився онъ и привыкавъ глядѣти имъ прямо въ очи, розъучившись познавати, чи есть якій страхъ на свѣтѣ; коли военнымъ пламенемъ занявся древлемирный славянскій духъ и завелося козачество — тая широкая разгульная, замашка русской природы, и коли всѣ порѣчья, перевозы, прибережніи долины, свободніи общары засѣялися козаками, которыхъ и числа никто не зналъ, а дерзкіи товариши смѣло могли отвѣчати султанови, желавшому довѣдатися о ихъ числѣ: »Кто ихъ знае! у насъ ихъ по всему степу, що байракъ, то козакъ. Бувъ то точно надзвычайный появъ русской силы: его вышибло изъ народной груди огниво бѣдъ. Вмѣсто прежнихъ удѣловъ, дробныхъ дворовъ, наполненныхъ псарнями и ловчими, вмѣсто враждующихъ и торгующихъ мѣстами малыхъ князѣвъ, возникли грозніи селенія, куренѣ и околицѣ, связаны общимъ небезпеченствомъ и ненавистью противъ нехристіянскимъ ворогамъ. Вѣстить намъ исторія, якъ ихъ вѣчная борба и беспокойная жизнь спасла Европу отъ непрестанныхъ наѣздовъ грозившихъ

все знищити. Король польскіи, очутивши на мѣстѣ удѣльныхъ князѣвъ властителями тыхъ просторныхъ земель, хотя сами отдаленіи и слабіи, поняли значеніе козаковъ и выгоды такои военной торопливої жизни. Они льстили и заохочовали ихъ до такого способу житія. Пôдъ ихъ отдаленою властью гетманы, выбраны зъ посередъ самыхъ козаковъ, преображали околицѣ и куренѣ въ полки и правильніи округи. Не было то строеве собраное войско, такого никто не видавъ; але въ случаю войны и общего движенія, въ дсѣмъ день, та не больше, ставився всякий на кони во всѣмъ своимъ вооруженію, получивши только одного червонца платы отъ короля, и въ двѣ недѣли набралось такого войска, якого бы не въ силахъ були набрати ніякіи рекрутскіи наборы. Скônчилася выправа, то повертали воинъ въ луги и травны свои на днѣпровскіи перевозы, ловивъ рыбу, торговавъ, варили пиво и бувъ вольнымъ козакомъ. Современніи чужеземцѣ справедливо чудовались тогди великой способности народа козацкого. Не буложъ бо и ремесла, якого-бы не знаявъ козакъ: курити горбукъ, зробити вóзъ, намолоти пороху; знали и ковальство, и слюсарство, а до того — и гуляти напропалую, пити и бенькетовати, якъ лише може одинъ Русинъ — все то було ему по руцѣ. Кромѣ реестровыхъ козаковъ, обовязанныхъ все ставитися во время войны, можно було каждого часу, въ случаю болѣшої потребы, набрати цѣліи толпы охочекомонныхъ: досыть було ассавуламъ перейтися по майданахъ и площадяхъ всѣхъ сель и мѣстечокъ и покликати на весь голосъ, вылѣзши на якійнибудь вóзъ: »Ей, вы пивники, броварники, гдѣ вамъ уже пива варити, та валятися по запѣчкахъ, та го-

довати, своимъ толстымъ тѣломъ муhi! Ступайте славы рицарской и чести добувати! Вы, плугатарѣ, гречкосѣи, хлѣборобы, баболюбы, досыть вамъ за плугомъ ходити, та нуряти въ болотѣ вашій жовтіи сафьянній чоботы, та пдбираatisя до жѣночъ и губити силу рицарскую! пора доставити козацкой славы!» И слова такіи були якъ искра хватающаяся сухого дерева. Рольникъ ломавъ свой плугъ, броварники и пивоварѣ кидали свои кадки и розбивали бочки, ремесленникъ и крамарь отрекався своего ремесла и лавки, бывъ горшки дома, и все, що но жило садилось на коня. Словомъ русскій характеръ получивъ тутъ могучій, далекій розмахъ, крѣпкую наружность.

Тарасъ бувъ одинъ изъ самыхъ коренныхъ, старыхъ полковниковъ: весь бувъ онъ созданный для военной тревоги и отличався грубою прямотою своего обычая. Тогда вліяніе Польши начинало уже оказватися на русскому дворянствѣ; выраблялася русская шляхта. Многіи перенимали уже польскіи обычай, заводили роскошь, великолѣпніи прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасови було тое не до соли. Онъ любивъ простую жизнь козаковъ; онъ посваривъ съ тими изъ своихъ товаришей, которіи потягали къ варшавской сторонѣ, называющи ихъ хлопами польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный онъ почитавъ себе законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно ходивъ онъ по селахъ, где только жаловались на арендаровъ и на доклады подымного. Самъ, съ своими козаками побивъ имъ справу, и взявъ собѣ за правило, що въ трохъ случаяхъ всегда належить взяться до шаблѣ, именно; коли комисарѣ не поважали въ чѣмъ старшинъ и стояли передъ ними въ шапкахъ; коли

поглумились надъ православiemъ и не почитали отцёвского закона, и наконецъ, коли вороги були бѣсурманы и Турки, противъ которыхъ онъ счи-тавъ во всякомъ случаю позволительнымъ подняти оружье за вѣру и славу христіанства.

Теперь онъ тѣшивъ себе упередъ гадкою, якъ онъ появится съ двома своими сынами на Сѣчи и скаже: »Отъ дивѣть, якихъ я молодцѣвъ привѣвъ къ вамъ!« Якъ представитъ ихъ всѣмъ старымъ, задубѣлымъ въ битвахъ товаришамъ, якъ поглядить на первіи подвиги ихъ въ ратной науцѣ и бенькетованью, которое такожъ почитовалося за одно изъ головныхъ достоинствъ рыцаря. Онъ зъ разу хотѣвъ бувъ отправити ихъ самихъ; але поглянувши на ихъ свѣжѣсть, рослость, могучу тѣлесну красоту, пробудився въ нѣмъ воинскій духъ его, и онъ рѣшившися ѿхати съ ними самъ на другій день, хотя лише про его упрямую волю безъ того обойтися не было можно. Онъ уже разходився и сварити и давати приказы, выбиравъ коней и зброю для молодыхъ сыновъ, пантруувавъ и въ стайни и стодолѣ, отчувавъ слуги, которымъ було съ ними завтра ѿхати. Ассавулѣ Товкачу передавъ свою власть вразъ съ крѣпкимъ наказомъ, ставитися сей часъ со всѣмъ полкомъ, если онъ только подастъ якуюнибудь вѣсть изъ Сѣчи. Хотя онъ бувъ собѣ трохи напився и хмѣль ще въ его головѣ бродивъ, то таки не забувъ онъ ничего. Онъ давъ приказъ напоити конѣ и всыпати въ ясла самои чельнои пшеницѣ, и прійшовъ утомленый отъ своей роботы.

»Ну, дѣти, теперь намъ спати, а завтра до дѣла, якъ Богъ дастъ щастливо. Та не стели намъ постелѣ: мы будемъ спати на дворѣ.«

Ледви що ночь запала, такъ Бульба всегда

клався спати. Онъ розвалився на коверци и накрывся кожухомъ, бо ночь була холоденька, а Бульба любивъ укрытия теплые, коли спавъ дома. Въ борзѣ захрапѣвъ онъ, а за нимъ весь двбръ; все, що но лежало по всѣхъ кутахъ сопѣло и храпѣло на всѣ заставки; а передъ всѣма заснувъ сторожъ, про тое, що больше всѣхъ напився ради прїезду паничовъ. Одна бѣдная мати не спала; она схилилась къ подушкамъ дорогихъ сыновъ своихъ, лежавшихъ рядомъ; она розчесивала гребенемъ ихъ молоде, розкудряне волосье и обливала слезами; она вся поглядала на нихъ, поглядала всѣма чувствами, все преобразилось въ одно зрѣніе, и не могла надивитись. Она выкормила ихъ своею питомою грудею; она выплекала, вылелѣяла ихъ — и теперь ей приходило лише на одну хвилю ихъ видѣти передъ собою: »Сыны мои, сыны мои милі! що буде съ вами, яка васъ доля ожидає?« сказала она, и слезы остановились въ морщинахъ, змѣнившихъ передъ часомъ колись-то красне лицо ей.

И въ самомъ дѣлѣ була она годна пожаловаться, якъ всякая женщина того неспокойного вѣка. Она ледви хвильку жила любовью, ледви въ первую горячку милостной страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый лукавый прельститель покидавъ ей для шаблѣ, для товаришовъ, для гулянки. Она видѣла мужа два, три разы въ рѣкѣ, а потомъ и чутки о нѣмъ не бувало. А коли видѣлась съ нимъ, коли они жили съ собою разомъ, то якажъ ихъ то жизнь була? Она терпѣла оскорбления и побои; она видѣла зъ милости только оказыванія ласканья, она була якесь то посторонне существо въ тѣмъ соборищу безжennыхъ рыцарей, на которыхъ буйное Запорожье накидало свою барву. Молодость

безъ розкоши мелькнула передъ нею, и еи прекрасное свѣжое лицо и бѣлія перси безъ лобзаній отцвили и покрылись предвременными морщинами. Вся любовъ, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстного въ женщинѣ, все перейшло у неи въ одно материинское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезамы, якъ степовая чайка, вилася надъ дѣтьми своими. А тутъ еи сыновъ, еи милыхъ сыновъ берутъ отъ неи, берутъ на тое, щобъ ихъ сердцемъ не дождатись николи, ни побачити очима. Кто знае, може бути, при первдй битвѣ Татаринъ здтне имъ головы, и она не буде знати, где лежать ихъ тѣла, которіи розшарпае хищная подорожная птица: ахъ! за каждый кусочекъ ихъ тѣла, за каждую каплю крови она отдалабы все. Рыдаючи поглядала она имъ въ очи, который всемогущій сонъ починавъ замыкати, и думала: »А чайже ли бонъ Бульба пропавши, чи не отложитъ отѣзду еще на два три дни; мабудь онъ про тое задумавъ такъ борзо ћхати, что много выпивъ.

Мѣсяцъ зъ высоты небосклонья давно уже озорявъ весь двръ, наполненый спящими, густіи купы вербъ и высокій бурянъ, въ которомъ пôрнувъ частоколъ, окружающій двръ. Мати все сидѣла въ головахъ сыновъ своихъ милыхъ, ни на хвильку не спускала зъ нихъ очей и не думала лягчи спасти. Уже конѣ, почувши розсвѣть, всѣ полягали на травѣ и перестали ћсти; верхній листья вербъ начали шелестѣти и мало по малу струя шелесту спустилась по нихъ до самого низу. Она пересидѣла до самого свѣта неутомлена, и внутренно желала, щобы нѣчъ протягнулась якъ можно найдовше. Изъ степу озвалось звонкѣ ржанье коника; червоніи полосы ясно сверкнули на небѣ. Бульба прокинувся

и вскочивъ на ноги; го-го! памятавъ онъ добрѣ все, что приказовавъ вчера.

»А ну, хлопцѣ, годѣ спати! вже часъ! Пона-пovайte коней! А где стара? (такъ звычайно называвъ свою жѣнку). А ну, борше стара, вари намъ ъсти, бо дорога далека передъ нами«.

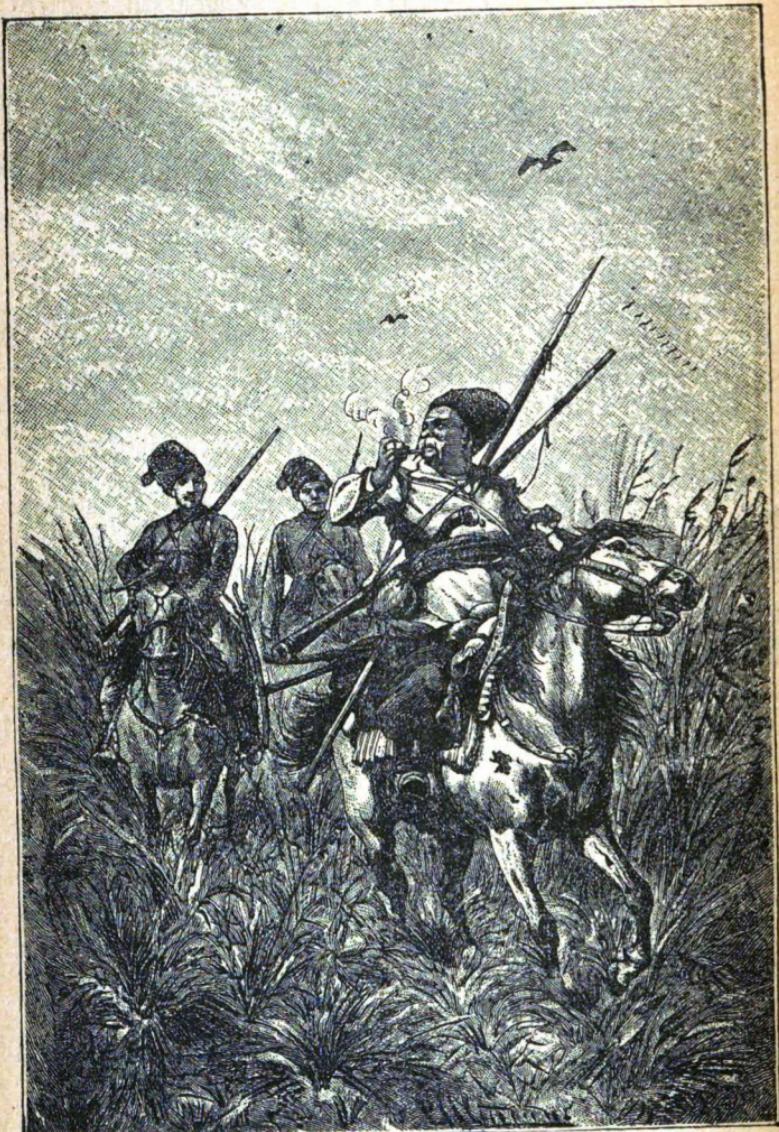
Бѣдная старенька, лишена послѣдной надѣи, сумно печальна поволоклась въ хату. Коли она со слезами обѣдъ варила, Бульба роздававъ свои приказы; самъ товкся по стайнѣ и самъ выбиравъ для дѣтей своихъ найлучши приборы. Бурсаки, якъ стой преобразились: на нихъ явилися, вмѣсто прежнихъ запацьканихъ чоботовъ, сафіяновый красній съ серебряными подковами, синіи шаравары, широкій якъ Чорное море, въ тысячу складокъ и со сборами стягненій золотымъ очкуромъ; до очкура причипленій були подовгастій ремёнчики съ кистями, капшукомъ съ протычкою и всякими приборами до люльки. Чекманъ козацкій, червенный якъ огонь, подперезаный красолитымъ поясомъ, чеканній турецкій пистолѣ стремѣли за поясомъ, шабля брящала по ногахъ. Ихъ лица, еще не дуже обгорѣли, видѣлось, похорошѣли и побѣлѣли; молодій, чорній усики теперь нѣбы ярче отѣняли бѣлизну ихъ и здоровый цвѣтъ молодои крѣпкости; они були совсѣмъ хороший подъ чорными ягнячыми шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мати! она якъ увидѣла ихъ въ той красотѣ, такъ и слова не могла промовити и слезы остановились въ очехъ еи.

»Ну, хлопцѣ, все готово! нема чого баритись« сказавъ наконецъ Бульба: »теперь по обычаю христіянскому, треба передъ дорогою всѣмъ помолитись«.

Всѣ поклонились и помолились, не вынимаяющи и хлопцѣвъ, съ покорою у дверей стоявшихъ.

»Теперь благослови, мати, дѣтей своихъ!« скавъ Бульба: »моли Бога, щобы воевали хоробро; та прославляли своими дѣлами честь рицарскую, щобъ стояли всегда за вѣру Христову, а ни, то нехай лучше пропадутъ, щобы и духу ихъ не було на свѣтѣ! Пѣдойдѣть дѣти къ матерѣ: молитва материиньска и на водѣ и на земли спасае». Мати слаба, якъ мати, обняла ихъ руками, выняла два невеличкій крестики, нарядила ихъ, рыдаючи, на шию. »Нехай сохраняе васъ.... Божая Матѣрь.... не забувайте, дѣтоночки, матери вашей.... пришлѣть хоть вѣсточку о собѣ....« бѣльше она не могла вымолвити.

»Ну пойдемъ, дѣти!« скавъ Бульба. У крыльца стояли осѣдланіи конѣ. Бульба вскочивъ на своего Чорта, который по чортовски вспявся дуба, але скоро почувъ на собѣ двадцатипудовое беремя, бо Бульба не бувъ осьто хлыстикъ, але надзвычайно тяжелый и товстый. Якъ увидѣла мати, що уже еи сыны сѣли на ворониковъ, такъ и кинулась къ меньшому, которого черты лица выражали бѣльше якоись нѣжности: она схватила его за стремя, она припила къ своему лебедикови, припала къ слѣду его и, съ отчаяніемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускакала его изъ рукъ своихъ. Два крѣпкіи козаки взяли ею бережно и занесли въ хату. Але коли выѣхали они за ворота, она со всею лѣгкостею дикои козы, непонятно на еи лѣта, выѣгла за ворота, съ непостижимою силою остановила коня и обняла одного зъ сыновъ съ якоись то помѣшаністю, безчувственнаю горячкою: ею снова отвели. Молодіи козаки ъхали смутно, но стримовали слезы боячись отца своего, который однако, и зъ своей стороны, такожь бувъ невеселый, хотя старався

Тарасъ Бульба съ сынами въ дорозѣ.

того не показовати. День бувъ сѣрый, зелень свѣркала ярко, птиця щебетала якось то въ розладъ. Такъ проѣхавши трохи оглянулися козаки назадъ: хуторь ихъ будъсѣмъ скрывся въ землю, на земли стояли лише два комини ихъ скромной хатины; один лише вершины деревъ видко, деревъ, по которыхъ они неразъ лѣзали, якъ бѣлицѣ, одинъ лише далекій лугъ стелився ще передъ ихъ очима, тотъ лугъ, по которомъ они могли собѣ пригадовати всѣ дѣянія своей жизни, отъ лѣтъ, коли качалися по росистой муравѣ его, до лѣтъ, коли пожидали въ нѣмъ чорнобровои козачки, боязливо летѣвшой черезъ него своими свѣжими быстрыми ножечками. Отъ уже самъ лише журавель надъ кирницею одиноко сторчитъ на небѣ; уже рѣвнина, которую проѣхали, видится издали горою, и все собою закрыла. Прощайте лѣта дитинячї, и игры, и все! —

II.

Всѣ три ўздуцѣ ўхали мовчаливо. Старий Тарасъ думавъ о давнѣмъ, передъ нимъ приходила его молодостъ, его лѣта, его минувшіи лѣта, за которыми пригадавши собѣ всегда плаче козакъ, желаючій, щобы вся жизнь его була молодостію. Онъ думавъ о тѣмъ, кого онъ встрѣтить на Сѣчи изъ своихъ прежнихъ сотоваришь. Онъ вычислявъ собѣ, котріи вже померли, а котріи еще живуть. Слеза тихо крутилась по зрѣницѣ, и посивѣвша голова его уныло понурилась.

Сыны его були занятіи иншими мыслями. Але годѣ нерозказати щось больше и о сынахъ его. Въ дванадцяти лѣтахъ були они отданій въ Кіевску академію, бо бувало звичайно всѣ почтенніи достойники тогдашнього времена почитали за необходиму рѣчъ, дати своимъ дѣтямъ воспитаніе, хотя лише про тое, щобы оттакъ все забути. Они тогда були, якъ всѣ, вступаючій въ бурсу, дикий, выхованій на свободѣ, и тамъ звичайно по трохи братались и получали щось такъ загальнаго, що ихъ дѣлало всѣхъ собѣ подобными. Старшій, Остапъ, начавъ свое, поприще отъ того, що первого року утѣкъ. Завернули его, высѣкли страшенно и засадили за книгу. Чотыре разы закопавъ онъ свой букварь въ землю, а чотыре разы высѣкши его по нелюдски, куповали ему новый. Але безъ похибы бувбы бы онъ

и пятый разъ повторивъ, если бы отецъ не бувъ торжественно обѣцавъ, отдать его на двадцать лѣтъ въ монастырскую службу и не поклявся напередъ, что онъ не увидитъ Запорожья во вѣки, если не выучится въ академіи всѣхъ наукъ. Дивно оно трохи, что такъ говоривъ той самый Тарасъ Бульба, который гудивъ всю ученость и радивъ, якъ мы уже чули, дѣтямъ вовсе не занимatisя нею. Отъ того времени зачавъ Остапъ съ незвычайнымъ стараньемъ сидѣти за скучною книгою и борзо здѣгнавъ другихъ.

Тогдашній способъ ученья страшно не сходився съ образомъ жизни; тіи схолястическіи, грамматическіи, реторическіи и логическіи тонкости очевидно противилися времени, николи не случалися и не повторялися въ жизни. Выучивши ихъ годъ було до чого приволити свои познанія, хотя бы и не такъ дуже схолястическіи. Саміи тогдашніи ученіи больше були отъ другухъ невѣжи, бо були совсѣмъ отдаленіи отъ опыта. Придавши еще до того, что тое рѣчепоспольне устроене бурсы, тое ужасне множество молодыхъ, здоровыхъ людей, все мусѣло имъ впоити дѣлательность совершенно виѣ ихъ учебного занятія. Часомъ пускалося ихъ таки самопасть, часомъ зновъ голодомъ морило, причинялись часомъ многіи потребы возбуджающіяся въ свѣжомъ, здоровомъ, крѣпкомъ молодцю, все то, соединившиясь, родило въ нихъ ту ю предпріимчивостъ, которая познѣйше розвинулась на Запорожью. Голодна бурса шибалася по всѣхъ улицяхъ Кіева и заставляла всѣхъ бути осторожными. Перекупки на базарѣ всегда закрывали своими запасками пироги, бублики, диньки, якъ орлицѣ дѣти свои, скоро лишь увидѣли проходившаго бурсака. Цен-

зоръ, который по своей обязанности мавъ наглядати надъ другими своими сотоваришами, имѣвъ такіи страшніи кишенѣ-бездонѣ въ своихъ шараварахъ, що мѣгъ тамъ помѣстити всю лавку задивившоися куда перекупки. Тіи бурсаки становили совершенно отдельный міръ: до круга высшого, составляющагося изъ польской и русской шляхты, они не були допускани. Самъ воевода, Адамъ Кисѣль, незважаючи на оказываеме покровительство академіи, не вводивъ ихъ въ общество и приказовавъ держати ихъ строго. Впрочемъ, тіи приказы були вовсе излишній, понеже ректоръ и професоры черцѣ не щадили лѣзъ и плетнѣвъ, и часто ликторы, по ихъ приказѣ рѣзали своихъ цензоровъ такъ жестоко, що имъ и колыка недѣль свербѣли посля того шаравары. Многимъ изъ нихъ було тое совсѣмъ пустѣ, и видѣлось не много мѣцнѣйше отъ доброй сивухи съ перцемъ; другимъ, на конецъ, дуже надоѣдало такіи безперестанніи припарки, и они утѣкали на Запорожье, если знали найти дорогу, и если ихъ не перехвачено на пути.

Остапъ Бульба, хотя уже начавъ съ великимъ стараніемъ учiti логику, ба уже и богословіе, ніякъ не спасався отъ неумолимыхъ рѣзокъ. И воистину мусѣло тое неяко ожесточити его характеръ, и надати ему туу твердость, яка всегда отличала козаковъ. Остапъ належавъ всегда до лучшихъ товаришовъ. Онъ рѣдко верховодивъ другими въ дерзкихъ предпринятіяхъ, об обрати чужій садъ або городъ, но за тое бувъ онъ одnymъ изъ первыхъ, горнувшихъ пѣдь знамена якого предпріимчивого бурсака и николи ни въ якомъ случаю не выдававъ своихъ товаришей; ни рѣзги, ни плетнѣ не вымогли на немъ того. Онъ бувъ суровый на всяку иншу

охоту, окрѣмъ вѣйны и розгульной забавы, а по правдѣ онъ николи о иншомъ и не думавъ. Онъ бувъ простодушный съ рѣвными. Онъ имѣвъ доброту въ такомъ видѣ, въ якѣмъ она могла существовати при такомъ характерѣ и въ тогдашне время. Слезы бѣдной матери стрясли душу его, и тое одно лише его засмутило и заставило задумчиво опустити голову.

Меншій братъ его Андрѣй, имѣвъ чувства трохи живѣйши и болѣше розвитіи. Онъ учився охотнѣйше и безъ напряженья, съ якимъ звычайно занимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ бувъ догадлившій отъ своего брата; частѣйше показовався проводителемъ досыть опасного предпринятія, а часомъ, съ помочію своего смыслливаго ума, умѣвъ выкрутитись отъ наказовъ, власне тогди, коли братъ его, Остапъ, отрекшися всякои обороны, скидавъ зъ себе свитку и клався на лавку, и не думаючи просити о помилованье. И онъ такожъ кипѣвъ жаждою подвига, але вразъ съ нею душа его була приступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви обудилася въ немъ сильнымъ житѣемъ, скоро онъ помынувъ осьмнадцатый рѣкъ; женщина частѣйше стала представлятись его горячимъ мечтамъ, а прислушуючися философическимъ диспутамъ, оглядавъ онъ ею въ своей памяти свѣжую, чорноокую, нѣжную; передъ нимъ заедно мелькали еи сверкающіи, упругіи перси, нѣжная, красная, вся обнажена рука, саміи шаты, обплаивающіи окресть еи дѣвичихъ а разомъ мощныхъ членовъ дышали въ мечтахъ его якимсь невыразимымъ солодострастiemъ. Онъ старанно скрывавъ передъ своими товаришами тіи движенья молодой души, про тое, ибо въ тогдашномъ вѣку було стыдно и безчестно думати ко-

закови о женщинѣ и любвѣ, не отвѣдавши битвы. Вообще въ послѣдніи лѣта рѣдше онъ бувавъ предводителемъ якои-нибудь ватаги, але частѣйше бродивъ самъ одинъ где нибудь въ уединеномъ заулку Кіева, потопленомъ вишневыми садами, среди маленькихъ хатокъ, заманчиво, поглядающихъ на улицю. Бувало забираясь онъ на улицю аристократовъ, въ нинѣшномъ старомъ Кіевѣ, где жили русскіи и польскіи дворяне и где дома були выстроевани съ якоюсь то прихотливостію.

Одинъ разъ, коли онъ гдесь бувъ задивився, нагналася майже на него колимага якогось польскаго пана, а сидѣвшій на козлахъ возница съ престрашными усами цвѣгнувъ его досыть справно батогомъ, молодый бурсакъ вскипѣвъ: съ безъумною смѣлостію схвативъ онъ сильною рукою своею за задне колесо, и остановивъ колымагу. Але возница, боявшись сварнѣ нагнавъ конѣ, они сѣпнули — и Андрѣй, щастливо успѣвшіи отхватити руку, гринувъ на землю лицемъ въ грязь. Самый звонкій милогласный смѣхъ розлягся надъ нимъ. Онъ поднявъ очи, и увидѣвъ стоявшу у окна красавицу, якои еще зъ роду не видавъ: — чорнооку, чорнобриву, а бѣлую, якъ снѣгъ, озореный румянцемъ солнца. Она смѣялась зо всеи души и смѣхъ придававъ сверкающу силу еи ослѣпительной красотѣ. Андрѣй оторопѣвъ. Онъ поглядавъ на ю, совсѣмъ занураввшись, сюдѣ не тудѣ обтирающи зъ лица болото, котре еще горше розмузавъ. Що се за красавица?... Онъ хотѣвъ довѣдatisя у дворяковъ, котріи толпами стояли за воротами всѣ въ богатомъ убранствѣ, окруживши выгривающаго молодого бандуриста. Але дворяне собѣ въ смѣхъ, увидѣвшіи его занурану рожу и неудостоила его отвѣта. На-

конецъ довѣдався онъ, що то була дочка прѣхавшого на якійсь часъ Ковенскаго воеводы. Въ слѣдующу нѣчъ съ дерзостею однѣмъ лише бурскамъ власною перелѣзъ онъ черезъ частоколь въ садъ, вылѣзъ на дерево, галузями розложисте и операючися о саму стрѣху дому, зъ дерева хопився на стрѣху и коминомъ перебрався прямо въ спальню красавицѣ, которая въ той часъ сидѣла передъ свѣчкою и вымала изъ ушей дорогіи ковточки. Прекрасная Ляшка такъ испужалась, що и одного слова сказати не могла, але, скоро увидѣла, що бурскъ стоявъ, потупивши очи и не смѣючи въ своей робости и рукою рушити, скоро познала въ немъ тогожъ самого, который бувъ повалився передъ еи очима на улицѣ въ болото, опять смѣхъ овладѣвъ ею. При тѣмъ въ чертахъ Андрѣя ничего не було страшного; онъ увесъ бувъ хорошій собою. Смѣялась она изъ цѣлої души и довго забавлялась нимъ. Красавица була вѣтренна, якъ Ляшка; но очи еи, очи чудесніи, чорні, сверкаючі, скрѣзъ прошибаючі, кидали поглядъ довгій, нибы статочный. Бурскъ не мѣгъ кивнути рукою, онъ бувъ связаный, якъ въ мѣшку, коли дочка воеводи смѣло пѣдойшла къ нему, нарядила ему на голову свою бліскавищную колѣю, повѣсила ему свои ковтки и накинула на него кусейную прозрѣнную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и робила съ нимъ тысячу рѣзныхъ играшокъ съ роскошностею дитини, которую отличаются вѣтренніи Ляшки, и которая повергла бѣдного бурсака въ еще болѣше помѣшанье. Онъ представлявъ смѣшную фигуру роззявивши губу и влѣпивши свои очи въ еи ослѣпительни очи. Стукъ у дверей пробудивъ, и сполошивъ ею. Она казала

ему спрятатися підъ постелю, и якъ только спокойно зробилось, закликала свою комнату, плѣнную Татарку, и приказала ей, осторожно вывести его въ садъ а оттуда выправити черезъ загороду. Але тымъ разомъ бурсакъ нашъ не такъ щастливо перебрався черезъ загороду; проснувшійся сторожъ хвативъ его на самомъ плотѣ порядочно за матню, а прибѣгша дворня била довго еще и на улицы, поки его быстрѣ ноги не спасли. Посля того-то, проходити мимо дому було дуже опасно, бо дворня у воеводы крутилася чередами. Онъ узрѣвъ єю еще разъ въ костелѣ: она замѣтила его и дуже пріятно усмѣхнулась, якъ давному знакомому; онъ видѣвъ єю еще разъ мимольотомъ, и послѣ того воевода Ковенскій скоро выѣхавъ, и вмѣсто прекрасной, чornoокони Lяшки выглядало изъ оконъ якесь товсте лицо. Отъ вамъ, о чемъ думавъ Андрѣй, похиливши голову и потопивши очи въ гриву своего коня.

А тымъ часомъ степъ уже давно принялъ ихъ въ свои зелени обнятія и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и лише чорніи козацкіи шапки мелькали меже еи колосямъ.

»Е, е, е, що же то вы, хлопцѣ, такъ притихли? сказавъ наконецъ Тарасъ, очунявшись отъ своей задумчивости:« буцѣмто чernцѣ! Ану, разомъ! Всѣ думки на пропасть! Берѣть люльки въ зубы, та закурѣть, та приспорѣть коней, та полетѣмъ такъ, щобъ и птиця не угналась за нами.«

И козаки, сложивши трохи къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и чорныхъ шапокъ годѣ доглянути; одна лише фаля потолоченої травы показавала ихъ слѣды.

Солнце выглянуло давно на синое небо и живительнымъ, согрѣвающимъ свѣтломъ своимъ обляло степъ. Все, що смутно и сонно было на души у козаковъ, вмигъ злетѣло сердця ихъ встрѣпнулись, якъ птицѣ.

Степь, чимъ дальше, тымъ ставалась красша. Тогда увесь югъ, вся тая просторонь, котра соста-
вляє нинѣшну Новороссію, до самого Чорного моря,
була зеленою дѣвочою пустынею. Тамъ не прохо-
дивъ никуда плупъ по неизмѣримыхъ волнахъ бы-
линнои природы; однѣ лише конѣ, укрываючись
въ бурянѣ якъ въ лѣсахъ, вытоптовали ихъ. Ничо
въ природѣ не могло бути лучшого отъ нихъ. Вся
поверхнѣсть землѣ представлялась зелено-золотымъ
океаномъ, по котрому сверкали милионы рѣжныхъ
цвѣтівъ. Скрѣзъ тонкіи, высокіи стебла травы про-
зирали синіи и темніи волошки, а жовтый дрокъ
выстрѣливъ своимъ торонкимъ вершкомъ выше всѣхъ
цвѣтівъ; бѣлая кашка пестрѣла на поверхности
своими сорокатыми шапочкиами; а колосъ пшеницѣ,
Богъ знае откѣль засѣянный похилявся надъ гущею.
По подъ тонкіи коренѣ шныряли куропатвы, вы-
тягнувиши свои шеї. Воздухъ бувъ наповненъ ты-
сячю розныхъ птичихъ голосовъ. На небѣ непод-
вижно взносилися яструбы, разпластавши свои
крыла и невзрушимо влѣшивши свои очи въ траву.
Крикъ взлѣтаючой тучи дикихъ гусей отдавався
гдѣсь въ сторонѣ, Богъ знае въ якому далекомъ
озерѣ. Изъ травы подоймалась мѣрными взмахами
чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ во-
здуха; генъ-генъ она пропала въ высотѣ и лише
блыкае одною чорною точкою; отъ перевернулась
крылами и блеснула передъ солнцемъ.... Ехъ! чортъ
васъ бери, степи, якіи вы хороши!....

Наші подорожні остановлялись лише на кілька хвиль для попасу; тоді щахавшій съ ними отрядъ изъ десяти казаковъ, злѣзавъ изъ коней, отвязавъ деревляній боклажки съ горѣлкою и тыкви, уживаній въ място посудинъ. Щли лише хлѣбъ съ саломъ або коржи, пили толькo по однѣй чарцѣ, лише для покрѣпленя, бо Тарасъ не позвалявъ николи напиватися въ дорозѣ; и такъ щахали въ дальшу путь ажъ до вечера. Вечеромъ увесь степъ совершенно перемѣнявся: вся пестрая присторонь си охвативалась послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣла, такъ, що було видно якъ тѣнь перебѣгала по ней, и ставалась темно-зеленою: испаренія подймались густѣше; кожда цвѣтка, кождая травка выпускала воню, и увесь степъ курився запахомъ. По небѣ темносиніомъ, мовьто великанскою кистью, змальованій були широкіи полосы изъ рожового золота; зрецька бѣлѣли платками легкіи прозристіи облаки, и самий свѣжій, обlestный, якъ морскіи волни, вѣтрець ледви колысався по вершинахъ травы, ледви ласкотавъ по лицяхъ. Вся гудьба, наповнява день, утихала и змѣнялась въ другую. Пестріи суслики выповзовали изъ норъ своїхъ, становились на задніи лапки и оголошали степъ свистомъ. Трощине кониковъ ставалось чутнѣйше. Тамъ чути изъ якого нибудь озера крикъ лебедятъ, що якъ серебро отдавався въ воздухъ. Подорожні остановлялись среди поля, выбрали собѣ нѣчлѣгъ, розложили огонь и приставили котель на кулешу, скоро окропъ закипѣвъ и пара взнеслася дымомъ. Попоивши лягли козаки спати, пустивши на траву спутаній конь. Розложились на своїхъ свитахъ и завинувшись въ свиты. Прямо на нихъ поглядали, звѣзды, месяцъ обдѣй-

нявъ все своимъ бѣлымъ свѣтломъ. Чули они своимъ ухомъ весь безчисленный міръ наськомыхъ, наполняющихъ траву, весь ихъ тряскъ, свистъ, краканье, все тое звучно роздавалось середъ ночи, очищалось въ свѣжомъ ночнѣмъ воздухѣ, и доходило до слуха гармоническимъ. Ели-же кто изъ нихъ пѣдойнявся въ ночи и споглянувъ наоколо себе то представився ему степъ усѣянный блестящими искрами свѣтящихся червовъ. Часомъ небо въ рѣжныхъ мѣстцахъ свѣтилося дальnymъ заревомъ выгоряющи по лугахъ и рѣкахъ сухои тростины, и темная керелица лебедѣвъ тягнувшихъ на сѣверъ заразомъ освѣчалась серебряно-рожковымъ свѣтломъ, и тогда здавалося, что красніи платки лѣтали по темнѣмъ небѣ.

Подорожніи ѿхали безъ перервы. Нигде не падались имъ дерева: все той же бесконечный, вольный, прекрасный степъ. Часами лишь въ сторонѣ синѣли вершины отдаленого лѣса, тягнувшагося берегомъ Днѣпра. Одинъ лише разъ показавъ Тарасъ своимъ сыномъ на маленькую чорнѣючуся въ дальнѣй травѣ точку, сказавъ: »А дивѣтъ, дѣти, онъ скаке Татаринъ!« Маленька головка съ усами выставила прямо на нихъ узенькии очи свои, понюхала воздухъ, якъ гончая собака и мовь серна, пропала, звѣтритивши козаковъ и увидѣвши, что ихъ было тринадцать хлопа. »А ну, хлопцѣ, попробуйте дѣгнати Татарина! ать! и не пробуйте, во вѣки не поймете: у него кѣнь быстрѣйшій отъ моего чорта«. Однакожъ Бульба бубъ осторожный, боячись засады. Пріѣхали они до невеличкои рѣчки (звалась она Татаркою и впадала въ Днѣпръ), кинулись въ воду съ кѣньми и плыли довго долѣвъ нею, щобъ скрытии слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, пустились въ дальну дорогу.

Въ три дни послѣ того були они вже недалеко мѣстця, котре було цѣлью ихъ ѿзди. Въ одно воздухъ похолоднѣвъ, они почули близдѣсть Днѣпра. Отъ онъ сверкае и темною полосою отдалився отъ небосклона. Онъ котився холдными волнами и розстелявся що разъ близше и близше и обхвативъ наконецъ половину всей поверхности земли. Було то тое мѣстце Днѣпра, где онъ дотыль спрѣтый порогами, занявъ наконецъ свое и шумѣвъ, якъ море, розлившиись по воли, где вносящіися въ серединѣ его островы, вытѣсняли его еще дальше изъ береговъ и волны его стелились по самой земли не встрѣчаючи ни утесовъ, ни вышинъ. Козаки позлѣзали зъ коней, вѣшли на поромъ и черезъ три годины плаванья були уже у береговъ острова Хортицѣ, где була тогди Сѣчъ, котра такъ часто перемѣняла свое жилище.

Купа народа сварилась на берегу съ перевозниками. Козаки оглядѣли коней, Тарасъ набундужився, стягнувъ на собѣ поясъ, и гордо муснувъ по усахъ. Молодіи сыны его такожъ оглянулись отъ ногъ до головъ съ якимъ то страхомъ и удовольствиемъ и всѣ разомъ вѣхали въ передмѣстье, зъ одній гоны отъ Сѣчи. При вѣздѣ оглушили ихъ пятьдесятъ ковалскихъ молотовъ, котрій въ двадцяти-пяти кузняхъ, выжолобаныхъ въ земли и покрытыхъ дернами, гремотѣли. Сильніи гарбарѣ сидѣли подъ навѣсомъ хатъ на улицы и мняли своими жилястыми руками воловіи шкѣры, крамарѣ сидѣли съ купами кременѣвъ, кресилами и порохомъ; Орманинъ розвѣшивъ дорогіи сукна и матеріи, Татаринъ обертали на рѣжнахъ бараный послѣдокъ; Жидъ, выставивши впередъ свою голову цѣдивъ изъ бочки горѣвку. Но первы, кто попався имъ на встѣчу, бувъ

то Запорожецъ, заснувшій мертвѣцки середъ дороги и розкинувшій ноги и руки. Тарасъ Бульба не мѣгъ не остановитись и не полюбоватись надъ нимъ.

»Ей якъ важно розвернувся! фу, якая пышна постава!« сказавъ онъ остановивши коня. Въ самомъ дѣлѣ було то зрелице занимательне: Запорожецъ, якъ левъ, розтягнувся на дорозѣ: задерта гордо чу-прина захватила на побѣ аршина земли, шаравары изъ дорогого кармазину були запацкани дегтемъ, щобъ показати, що ему дороге и байдуже. Полю-бовавши, Бульба перебрався дальше по тѣсной улицы, котра була загорожена рѣжными ремесника-ми, справляющими свое ремесло и людьми всякихъ племенъ, наповнявшихъ тое передмѣстье Сѣчи, котре подобало на ярмарокъ и тоторе одѣвало и кор-мило Сѣчъ, знаочу лише гуляти и бити.

Наконецъ минули передмѣстье и увидѣли коль-ка розкиненыхъ куреней, покрытыхъ дернемъ, або по татарски войлокомъ. Иншіи установленій були пушками. Нигде не було видно огорода, або тыхъ низенькихъ домиковъ на деревянныхъ стовпцяхъ, якіи були въ передмѣстю. Невеликій окопъ и засѣкъ, нехороненій никимъ, показовали рѣшительну без-печнѣсть. Колька жвавыхъ Запорожцѣвъ, лежавшихъ съ люльками на самой дорозѣ, поглянули на нихъ досыть рѣвнодушно и не двигнувшись зъ мѣстца. Тарасъ осторожно перебѣхавъ съ сынами своими по-меже нихъ, сказавши: »здоровій були панове!« — »Здоровій були и вы!« отвѣчали Запорожцѣ. Всюда по всемъ полю розноцвѣтными купами пестрѣвъ народъ. По смуглыхъ лицяхъ було спознати, що всѣ були задубѣлі въ битвахъ, и вытревали во всякихъ невыгодахъ. Такъ отъ вамъ оная Сѣчъ! Отъ тое гнѣздо, откиль вилѣтаютъ всѣ тіи гордіи

и крѣпкій, мовь львы! отъ откиль розливаеся воля и козачество на всю Украину! Подорожніи выѣхали на просторную площадь, где звѣчайно сбиралася рада. На досыть великой перекиненой бочцѣ сидѣвъ Запорожецъ безъ сорочки; онъ державъ ею въ рукахъ и помаленьки зашивавъ на ней дѣры. Имъ опять перегородила дорогу цѣла толпа музыкантовъ, середъ которыхъ отплясовавъ молодой Запорожецъ тропака, заломивши чортомъ свою шапку и выкидающи рукавами. Онъ кричавъ лише: »скоршѣ, скоршѣ грайте музыканты! не жалуй Ѹома горѣвки пра-вославнымъ христіянамъ!« И Ѹома съ подбитымъ окомъ мѣривъ безъ числа каждому, кто приступивъ по великому келишку. Около молодого Запорожца витинали досыть спрѣтно четыре старыхъ ногами, уганяли, мовь вихоръ, на сторону, впростъ на голову музыкантамъ, и знова, опустившись, неслись, въ присѣды и выбивали круто и крѣпко своими серебряными подковами, мовь тѣкъ, убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю окружность, а въ воздухъ далеко отдавались гопаки и тропаки, выбиваній звонкими подковами жотвыхъ чоботовъ. Но одинъ живше выкриковавъ и летѣвъ вслѣдъ за дригими въ танцѣ. Чуприна розвивалася по вѣтру, вся отрыта була сильна грудь; теплый зимовий кожухъ бувъ надягненый на рукавы, а пѣтъ лився зъ него якъ зъ ведра. »Та здойми хоть хожухъ!« сказавъ наконецъ Тарасъ: »видиши, якъ паритъ.« — »Годѣ!« кричавъ Запорожецъ. »Про що?« — »Не можно, у мене уже така натура: »що скину, то пропью.« А шапки уже давно не было на молодцю, ни пояса на кафтанѣ, ни вышиваного платка; все пошло, куда належало. Толпа, чимъ дальше, росла бѣльша; до плясающихъ приставали другіи,

и не можъ було видѣти безъ внутреннаго движенія,
якъ вся толпа вытинала танецъ найвѣльнѣйшій,
найшаленнѣйшій якій коли видавъ свѣтъ и который,
по своихъ мощныхъ изобрѣтателяхъ, понесъ на-
званіе »козака«.

»Ехъ, кобы менѣ не конь!« вскрикнувъ Тарасъ:
»пустивъ бымъ ся, ейбогу пустивъ бымъ ся самъ
въ танецъ.« А меже тымъ, и межъ народомъ було
доглянути и степенній, по заслугахъ всею Сѣчью
почитаніи, сивіи, старіи чубы, котрій бували не разъ
старшинами. Тарасъ скоро встрѣтивъ множество
знакомихъ лицъ, Остапъ и Андрѣй чули лише при-
вѣтнья: »А, то ты, Печерица! Здоровъ бувъ Козо-
лупе! Откиль Богъ несе тебе, Тарасе? Ты якъ сю-
да зайдовъ, Долото? Здоровъ бувъ Кирдяга! Здо-
ровъ Густый! Чи думавъ я тебе видѣти, Ременю? И
рыцарѣ сбравши со всего неспокойного міра
восточной Руси, цѣловались взаимно, и вразъ вне-
слись гадки, »А що Касьянъ? що Бородавка? що
Колоперъ? що Пѣдситокъ? и Тарасъ Бульба учувъ
лише въ отвѣтъ, що Бородавку повѣсили въ Толо-
панѣ, що зъ Колопера шкодру здерли підъ Кизи-
кирменомъ, що Пѣдситкова голова посолена въ боч-
цѣ и отправлена въ самый Царигородъ. Понуривъ
голову старый Бульба и раздумчиво говоривъ: »добрі
були козаки.«

III.

Уже около тыждня Тарасъ Бульба живъ съ своими сынами на Сѣчи. Остапъ и Андрѣй мало занимались военною школою. Сѣчъ не любила затруднять себе военными упражненіями и теряти времѧ: молодѣжь выучовалася и образовалася въ ней однѣмъ опытомъ, въ самомъ огни битвы, котрой и такъ були безпрерывнѣ. Козаки почитали собѣ скучнымъ занимати промежутки наукою якойнибудь дисциплѣны, окрѣмъ стрѣльбы до цѣли, тай зѣрѣдка конной скачки и гонбы за звѣромъ въ степахъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ въ признаку широкою размета душевной волѣ. Вся Сѣчъ представляла незвычайное явленіе: бувъ то якійсь безперервный бенькетъ, баль, почавшійся шумно, немаючій ни конца ни мѣры. Гдекотрой занимались ремеслами, другіи мали крамы и торговали; але большая часть гуляла отъ рана до вечера, если въ кешеняхъ бренчала возможность, и добутое добро еще не перешло въ руки крамаровъ и шинкардовъ. То обще бенькетованье мало въ собѣ щось очаровательного. Не було то ось якенибудь сборище гулякъ, напивающихъ зъ бѣды; але було то якесь шалене разгулье веселости. Всякій, що лишь прійшовъ сюди, забувъ и кидавъ все, що его доси занимало. Онъ можно сказать, плюнувъ на все прошедшее и съ жаромъ фанатика, а отдався

воли и товариству такихъ, якъ самъ, что не мали ни родины, ни хатины, ни рѣднѣ, окомъ вольного неба и вѣчной охоты души своей. Тое проводило тую шаленую веселость, котра бы не могла родитися ни зъ якого другого источника. Бесѣда и балаканье, якіи отбувались среди собравшойся толпы, лѣниво отыхающей на земли, бували часто такій смѣшній и дышали такою силою живота розказа, что треба було мати лише холоднокровное душелице Запорожця, щобы сохранити во все время неподвижне выраженье твари и не моргнути ни усомъ — рѣзкая черта, котрою отличается до нынѣ отъ другихъ братей своихъ южный Русинъ. Веселость була пьяна, шумна, але при всемъ тѣмъ не була то чорна плюгава корчма, где мрачно искажеными чертами веселія забивається человѣкъ; бувъ то тѣсный кругъ школьніхъ товаришовъ. Розличье було лише въ тѣмъ, що вмѣсто сидѣти за книжкою и слухати толкованья учителя, они наступали набѣгомъ въ пять тысячей коней, вмѣсто луга, где гралися въ герегу, у нихъ була безграницна, нехоронена степовая присторонь, на противъ котрои Татаринъ выставлявъ свою быстру голову и нерухомо, понуро поглядавъ Турокъ въ зеленої чалмѣ своей. Тое було розличье, що вмѣсто насильної волї, котра ихъ сгромаджовала въ школѣ, они тутъ сами собою кинули отцѣвъ и матерей, и утѣкали зъ рѣдныхъ домовъ своихъ, що тутъ були такіи, у которыхъ вже мотався и посторонокъ коло шеи и котріи, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ розгулѣ; що тутъ були тіи, котріи по благороднѣмъ обычая не могли удержати въ кишенѣ своей копѣйки; що тутъ були тіи, котріи доси червонецъ почитовали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ

жидовъ, кешенѣ можно було выворотити безъ всякої обавы, щобы що нибудь згубили. Тутъ були всѣ бурсаки, котрій не зтерпѣли академическихъ лозъ, и котріи не вынесли изъ школы ни одной буквы; але разомъ съ тими, були тутъ и тіи, котріи знали, що то такое Гораций, Цицеронъ, и римская республика. Тутъ було много достойниковъ, котріи потому отличались въ королевскихъ войскахъ; тутъ було множество образованихъ партизановъ, котріи мали благородное увѣренье, що все рѣвно, где бы нибудь воевати, аби лишь воевати бо неприлично благородному человѣку безъ битвы. Много було и такихъ, котріи прійшли на Сѣчъ съ тымъ, щобы потому сказать, що они були на Сѣчи и уже задубѣли рицарѣ. Но кого тутъ було? Тая чудная рѣчъ поспольна була именно необходимостию того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всяке время могли найти тутъ роботу. Одній лише обожатель женщинъ не могли тутъ найти ничего, бо даже на передмѣстье Сѣчи не смѣла показатися ни одна женщина.

Остапови и Андрѣю видѣлось дуже дивнимъ, що изъ такої безчисленної тьмы, народа, яка находилась на Сѣчи, не попытавъ ихъ кото нибудь: Отколя тіи люде, кото они, якъ ихъ зовутъ? Они прійшли сюда, якъ будто-бы повертаючи въ свой собственный домъ, съ котримъ ось и не давно розстались. Пришедшій ставився лише передъ самимъ Кошевымъ, котрый звичайно запитовавъ: »Здоровъ бувъ; що, во Христа вѣруешъ?« — »Вѣрюю!« отповѣдавъ приходившій. — »И въ Тройцу святую вѣруешъ?« — »Вѣрюю!« »И до церкви ходишъ?« — »Ходжу!« — »А ну перекрестись!« Пришедшій крестився. »Ну хорошо!« отповѣдавъ Кошевый: иди же,

до котрого самъ знаешь куреня. Тымъ кончилася вся церемонія. И вся Сѣчь молилася въ однѣй церкви и готова була хоронити ею до послѣдной капли крови, хотя и слухати не хотѣла о постѣ и воздержанію. Лише користолюбніи Жиды, Ормяне и Татаре осмѣялись жити и торговати на предмѣстяхъ, бо Запорожцѣ николи не любили торговатися, а килько рука виняла грошей изъ кешенѣ, только и платили. Впрочемъ доля тыхъ користолюбцѣвъ була дуже жалка; они подобали на тыхъ, котріи селились у підніжья Везувія, для того, бо якъ скоро Запорожцамъ не стало грошей, то разбивали ихъ лавки и брали даромъ. Сѣчь составала о мало не изъ шестидесяти куреней, котрый совсѣмъ подобали на отдельніи независиміи республики, а еще больше на школу и бурсу дѣтей, живущихъ изъ всего готового. Никто ничимъ не заводився и ничего не державъ у себе: все було въ рукахъ куренного атамана, котрый за тое звычайно носивъ имя »батька.« Въ его рукахъ були гроши, одежа, весь харчъ, саламаха, каша тай дрова на топливо; ему отдавалося гроши до схову. Не рѣдко бувала сварня меже куренями: въ такомъ случаю дѣло тойже часъ доходило до битки. Куренѣ высыпалися на площадь и оденъ другому кулаками ломивъ ребра, поки одинъ не пересиловали другихъ и не взяли верхъ, и тогда начиналась гульба. Така вамъ була тая Сѣчь, только прелестна для молодыхъ людей. Осталъ и Андрѣй кинулись, со всѣмъ жаромъ юношай въ тое разгульное море, и забули вмигъ и отцевскій домъ и бурсу и все, что впередъ гонило ихъ гадками и отдались новой жизни. Все зaimало ихъ: разгульніи обычай Сѣчи, простая справа и законы, котрый видѣлись имъ

зразу трохи строгі среди такої своєвільної республіки. Якщо козакъ прогрѣшився на чужомъ имѣнію, укравъ якунибудь дурницю, считалось тое вже поганьбленемъ всего козачества: его, якъ безчестного, привязали до соромного стовпа и клали быля него палку (костуръ), котрою всякий проходящій обовязанымъ бувъ ударити що силы, поки тымъ способомъ не забили его на смерть. Довжника, що не плативъ, приковували ланцею до пушки, где долженъ бувъ сидѣти, поки кто нибудь изъ товаришовъ не рѣшився его выкупити и заплатити долгъ за него. Но больше всего взрушило Андрѣя страшна казнь вызначена на смертоубийство. Тутъ-же при немъ выкопали яму, вергли туда живого убійцю, а на него сложили трумну съ тѣломъ нимъ убитого, и потомъ обохъ засыпали землею. Довго потому все чудився страшный обрядъ казни и все представлявся той заживо засыпаный человѣкъ разомъ съ ужасною трумною.

Вборзѣ оба молодіи козаки стали на хорошимъ счету козацкої дружби. Часто разомъ съ другими товарищами свого куреня, або и съ цѣлымъ куренемъ вилѣтали они въ степы стрѣляти на безчисленній степовіи птицѣ, оленѣ и козы; або выходили на озера, ставы, рѣки и потоки, закидати сѣти и хватки на рибу для продовольства всего куреня. Хотя и не было тутъ науки, котрою пробуєся козакъ; то они уже стали замѣтными межи другими молодыми прямою отвагою и удачливостію во всемъ. Бойко и метко стрѣляли въ цѣль, переплывали Днѣпръ противъ води, — дѣло, за которое новичокъ пріймався торжественно въ козацкіи круги. Але старый Тарасъ готовивъ нову дѣятельностъ. Ему не по душѣ була таکа

порожная жизнь — розгодного дѣла хотѣвъ онъ.
Ему все на думку приходило, якъ бы двигнути
Сѣчъ на отважне дѣло, где-бы можна було розгута-
литься, якъ подобає рицарю; наконецъ прійшовъ
онъ одного дня до кошевого и сказавъ ему прямо:
»А що, атамане, пора бы вже погуляти За-
порожцямъ.«.

»Годѣ, нема где погуляти« отповѣвъ кошевый,
вынявши изъ рота маленькую люльку и сплюнувши
на сторону.

»Якъ то нема где? можна пойти на Туреч-
чину, або на Татарву.«

»Не можно ни въ Туреччину, ни на Татарву«
отвѣчавъ кошевый, встремивши опять холодно-
кровно въ ротъ свою люльку.

»Якъ то не можна?«

»Такъ: мы обѣцяли султану миръ.«.

»Ба тажъ онъ бисурманъ; а Богъ и письмо
святе каже бити бисурмановъ.«.

»Не маємъ права. Если не були бысьмо кля-
лися еще нашою вѣрою, то може бы и можна було
бы, а теперъ нѣть, не можна. »Якъ же не можна!
Якъ же ты говоришъ; не маємъ права? А ди у мене
два сыни, оба молодіи люде. Еще ни разу ни тотъ,
ни другій не бувъ на войнѣ, а ты говоришъ — не
маємъ права, а ты говоришъ, не потреба ити За-
порожцямъ.«.

»Ну, та вжежъ не слѣдуе зъ того.«.

»Такъ може слѣдуе, щобы дурно пропадала
козацкая сила, щобы человѣкъ загибавъ, якъ соба-
ка, безъ доброго дѣла, щобы ни отчинѣ, ни всему
христіянству не було отъ него ніякої пользы.
Такъ на щожъ мы жіемъ, на якого чорта мы
жіемъ, розтолкуй менъ тое. Ты человѣкъ умный,

тебе не даромъ выбрали на кошевого, розтолкай менѣ, на що мы жиемъ?»

Кошевый и словомъ не отповѣвъ на тое пытанье. Бувъ то упрямый козакъ. Онъ помовчавши трохи и сказавъ: »а на вѣйну все таки годѣ ити«.

»Такъ не пойдемъ на вѣйну?« запытавъ опять Тарасъ.

»Нѣть«.

»Такъ уже и думати о тѣмъ нема що«.

»Нема що и думати«.

»Погодижъ ты, чортобѣ сыну!« сказавъ Бульба про себѣ: »ты еще мене познаешь!« и постановивъ тутъ же отомстити кошевому.

Змовившись съ одnymъ и другимъ пôдпоивъ ихъ, и пôдхмеленій козаки въ кольканадцать хлопа, повалилося прямо на площадь, где бувъ привязанный до стовпа котель, котрымъ звычайно скликовано на раду: не найдовши палочокъ, котрый всегда були схованій у довбуша, они вхопили по полѣнови и стали тарабанити. На галасъ первый явився довбушъ, высокій человѣкъ съ одnymъ окомъ, тай на тое страшно заспаний.

»Кто то смѣє бити въ котлы?« закричавъ онъ.

»Мовчи! возьми свои ковты, та колоти, коли тебѣ кажутъ!« отповѣли пôдгулявшіи старшины.

Довбушъ вынявши тотчасъ изъ кешень ковты, котрый взявъ съ собою, знаючи красненько звычайный конецъ такихъ произшествій. Котлы загремотѣли и борзо на площади мовъ чмелѣ, стались сбирати чорній купы Запорожцѣвъ. Всѣ собрались въ кругъ и посля того якъ довбушъ въ третій разъ выбивъ, показались наконецъ старшины: кошевый съ палицею въ руцѣ, знакомъ своего достоинства, судія съ войсковою печатью,

писарь съ чернилицею и ассалъ съ жезломъ. Кошевый и старшины сняли шапки и розклянялись на всѣ стороны козакамъ, котрй гордо стояли подпершись руками въ боки.

»Що значитъ тое собранье, чого хотите панове?« сказавъ кошевый. Сваръ и крики не дали ему говорити.

»Клади палицю! клади, чортовъ сыну, сей часъ палицю! не хочемо тебе болѣше!« кричали изъ череды козаки. Гдекотрй изъ тверезыхъ куреней хотѣли, якъ видѣлось, противитися; але пьяній и тверезій пойшли заразъ на кулаки. Крикъ и шумъ бувъ общимъ.

Кошевый хотѣвъ бувъ говорити, але знающи, що розярившаяся, своевольна толпа може за тое его убити на смерть, що завсегда бувае въ подобныхъ случаяхъ, поклонився дуже низько, положивъ палицю и скрывся въ толпѣ.

»Чи кажете, панове, и намъ положити знаки достоинства? спытали судія, писарь и ассалъ, и готовились тутъ же положити чернилицю, войсковую печать и жезло.

»Нѣть, вы оставайтесь!« закричали изъ толпи; »намъ треба лише кошевого прогнati, бо онъ баба, а намъ, треба человѣка на кошевого!«.

»Когожъ выберете теперь на кошевого? сказали старшины.

»Кукубенька выбрати!« кричала часть.

»Не хочемо Кукубенька!« кричала друга: »рано ему; еще молоко не обѣхло!«.

»Шило нехай буде атаманомъ!« кричали одній.

»Шила поставити на кошевого!«

»Иди до чорта съ Шиломъ!« кричали со сваромъ другіи: »що онъ за козакъ, коли онъ про-

крався, собачай сынъ, мовъ Татарынъ. До чорта, въ мѣшокъ Шило пяницию!«

»Бородатого, Бородатого посадѣмъ на кошевого!«

»Кликнѣтъ Кирдягу! шепнувъ Тарасъ Бульба гдекотрымъ.

»Кирдягу! Кирдягу!« кричала толпа: »Бородатого, Бородатого! Кирдяга, Кирдягу: Шила, до чорта съ Шиломъ! Кирдягу!«

Всѣ кандидаты, учувши выкліканій свои имена, въ-тойже часъ вышли изъ толпы, щобы не дати ніякої причины думати, же они помогали личнымъ участьемъ своимъ до сварнѣ.

»Кирдягу! Кирдягу!« загудѣло сильнѣйше отъ другихъ; »Бородатого!« дѣло принялись доказовати кулаками, и Кирдяга восторжествовавъ.

»Идѣть за Кирдягою!« закричали. Людей десять козаковъ отдѣлилось тутъ же изъ толпы; гдекотрѣй изъ нихъ ледви держались на ногахъ, такъ були ся обжльопали и отправились прямо до Кирдяги обявити ему о его выборѣ.

Кирдяга, хотя пристарѣлый, но розумный козакъ, давно уже сидѣвъ въ своимъ курени, буцѣмъ то онъ не зновъ, що ся стало. — »Що, панове, чого вамъ треба!« запытавъ онъ.

»Иди, тебе выбрали на кошевого.«

»Змилуйтесь, панове!« сказавъ Кирдяга: »где менѣ бути достойнымъ такой чести! где менѣ бути кошевымъ! Та у мене нѣть только розуму отправляти такую должностъ. Нѣбы-то уже никого лучшаго взяти не можно въ цѣломъ войску?«

»Ходи же, кажутъ тебѣ!« кричали Запорожцѣ. Два хлопы хватили его за подбоки, и якъ онъ ни оперався ногами, то такой наконецъ притащили

По предложенію Бульбы козаки выбираютъ старого
Кирдягу кошовымъ.

на площадь, провадженого со сваромъ и пôдштуркованаго зъ заду кулаками, колѣнами и упоминаньями; »не противися же, чортовъ сыну, прймай же честь, собако, коли тебѣ даютъ ею!« — Такимъ способомъ увели Кирдягу въ кругъ козацкій.

»Що панове!; загудѣли на весь народъ тії, що привели его: »чи згода вамъ на тое, щобы сей козакъ бувъ у васъ кошевымъ?«

»Всѣмъ згода!« закричала толпа, и отъ крику довго гремѣло усе поле.

Одинъ изъ старшинъ взявъ палицю и передавъ ю нововыбраному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотъ же часъ отказался. Старшина передавъ по вторе, Кирдяга отказался по вторе: и оттакъ за третимъ разомъ взявъ палицю въ руки.

На похвалу — на охоту розлягся крикъ по всей толнѣ, и зновъ загудѣло отъ козацкого крику все поле. Тогди выступило изъ середины народа четыре самыхъ старыхъ, сивоусыхъ, сивочупрінныхъ козаковъ (дуже старыхъ не було на Сѣчи, бо никто изъ Запорожцівъ не умиралъ своею смертю) и взявши кождый въ жменю землѣ, дощемъ тогди въ болото розтворенои, положили ему на голову. Стекла зъ головы его мокрая земля, потекла по усахъ и по вилицяхъ и замурала цѣле лицѣ болотомъ. Але Кирдяга стоявъ, не порушивши и дяковавъ козакамъ за оказаную честь. Такимъ способомъ кончився шумный выбѣръ, котрому незнati, чи були и другi такъ радi, якъ Бульба, одно для того, що отмовивъ передущому кошевому, а потомъ для того, що Кирдяга бувъ старый его товаришъ и бувавъ съ нимъ въ однихъ и тыхъ самыхъ сухопутныхъ и морскихъ походахъ, дѣлящи труды и оскорби военной жизни. Толпа розходилася праздновати

выбörъ и началась гульня, якои еще не видали Остапъ и Андрѣй. Винніи шинки були всѣ рознесені; медъ, горѣвка и пиво забирались просто безъ грошей; шинкарѣ були уже и тому радѣ, що остались сами цѣлї. Вся нôчъ прошла въ крикахъ и спѣвахъ, прославлявшихъ подвиги, а взойшовшій мѣсяцъ довго ще видѣвъ толпы музыкантовъ, волочившихъ ся по улицяхъ съ бандурами, торбанами, круглыми балалайками и церковныхъ пѣвцѣвъ, котрый держались на Сѣчи для пѣнія въ церквѣ и для прославленья запорожскихъ дѣлъ. Наконецъ хмѣль и утомленье подужали крѣпкіи головы. И видно было не-бавомъ, якъ то тамъ, то на другомъ мѣстци ва-лявся козакъ; тамъ товаришъ обнявши товариша, розчувствовавши и даже розплакавши, валились оба на землю. Тамъ гурмою улеглась цѣла купа; тамъ выбиравъ іншій, якъ бы ему лѣпше положи-тись, а лѣгъ прямо на деревяну колоду. Послѣдній, котрый бувъ съ твердою головою, выводивъ еще якіись безсвязніи рѣчи; наконецъ и того пôтряла хмѣльна сила, и той повалився и заснула вся Сѣчъ.

IV.

На другій день уже Тарасъ Бульба нараджався съ новымъ кошовымъ, якъ двигнути Запорожцѣвъ на яке нибудь дѣло. Кошовыи бувъ умный и хитрый козакъ, знаяши вздовжъ и поперекъ Запорожцѣвъ, и зразу сказавъ: »не можно клятвы переступити, ніякъ не можно.« — А потому, подумавши, придавъ: »ничо, можно, клятвы мы не переступимъ, а такъ где що придумаемъ. Нехай лише сберется народъ, та не то, щобъ по моему приказу, а просто своею охотою. Вы уже знаете, якъ то зробити. А мы со старшинами сейчасъ прибѣжимо на площеадь, буцѣмто мыничого и не знаемъ.«

Не минула и година посля ихъ розговора, якъ уже гріянули въ котлы. Найшлись заразъ подхмеленіи и нерозумніи козаки. Міліонъ козацкихъ шапокъ высыпалося на площеадь. Поднявся голосъ: »що? зачимъ? зъ якои причини скликали соборъ?« Никто не отповѣдавъ. Наконецъ въ одномъ и другомъ кутѣ дало ся чути: »Отъ пропадає даромъ козацкая сила! нема вѣйны! Отъ старшины забундюжились, що ажъ гидко, заплыли тукомъ очи! Нема, видно, правды на свѣтѣ!« Другіи казаки слухали зразу, а потому и сами стали говорити: »Ба правда, нѣть правды на свѣтѣ!« Старшины мовь подурѣли бѣзъ такихъ рѣчей. Наконецъ выйшовъ

кошовый на передъ и сказавъ: »Позвольте, панове Запорожцѣ, рѣчъ держати.«

»Держи!«

»Ото хотѣвши разсудити тую рѣчъ, панове добродѣйство, треба вамъ знати, а може и сами лучше знаете, що многіи Запорожцѣ позадовжались въ корчмы Жидамъ и своимъ братъямъ столько, що ни одинъ чортъ теперь вѣры не дастъ. Потому зновъ разсудивши тое, выиде тая рѣчъ, що есть много такихъ хлопцѣвъ, котрѣ еще и на очи не бачили, що то таке вѣйна, отжежъ то молодому чоловѣку, и сами знаете, панове, безъ вѣйны годѣ жити. Якій и Запорожецъ изъ него, коли онъ ще ни разу не бивъ бисурмана?«

»Ейбогу! красно говоритъ,« подумавъ Бульба.

»Не думайте, панове, щобы я впрочемъ казавъ тое для того, щобы нарушити миръ; хрань Боже, я только такъ тое говорю; притомъ же у насъ церква Божая, грѣхъ сказать, яка она: Отъ сколько лѣтъ уже, якъ Богу дяковати, стоить Сѣчъ, а до сего часу, не то уже, щобы внѣшність церкви, але саміи внутренніи образы безъ всякого убранства; нехай бы кто хоть золотую ризу догадався имъ выковати; въ церковцѣ только лишь окрасы, що отказали старій козаки, алежъ и даяніе ихъ не богате було, бо они ледви не все пропили еще за життя свого. Такъ я все веду рѣчъ тую не про тое, щобы начати вѣйну съ бисурманами, бо мы обѣцяли султанови миръ, и намъ бы великий бувъ грѣхъ, для того, що мы клялися по законѣ нашомъ.«

»Щожъ онъ крутить такое?« сказавъ про себе Бульба.

»Отже, такъ видите, панове, що вѣйны не

можно починати; про рицаскую честь не годится. Але по мому лихому розумови, отъ що я думаю: отпустити съ човнами одныхъ молодыхъ, нехай трохи посѣпають береги Наталії. Якъ думаете, панове? ...

»Веди, веди всѣхъ!« закричала со всѣхъ сторонъ толпа: »завѣру мы готови положити головы!«.

Кошовий испужався; онъ ніякъ не хотѣвъ движенья всего Запорожья; здрвати миръ, видѣлось ему въ тѣмъ случаю дѣломъ неправымъ.

»Позвольте, панове, ще одну рѣчъ держати.«

»Досить!« кричали Запорожцѣ: »лучше не скажешъ.«

»Коли такъ; то нехай буде и такъ. Я слуга вашої воли. Вже то рѣчъ дойстна, и зъ письма извѣстно, що голось народа — голось божій. Вже годъ розумнѣйше выдумати, якъ що весь нардѣй выдумавъ. Лише отъ що: вамъ извѣстно, що султанъ не оставитъ безнаказанно тое удовольство, котримъ потѣшатся молодцѣ. А мы тымчасомъ були бы на готовѣ, и сили у насъ були бы свѣжі, тогдѣ никого не побояли бы ся. А во время отлучки и Татарва може напасті — они турецкіи собаки, въ очи не кинутся и до газды въ хату не поважатся прйтти, але съ заду укусятъ за літку, тай болино укусятъ. А коли уже на тое прйтло, щобъ казати правду, то у насъ и човнівъ немац столько въ запасѣ, тай пороху не намелено въ та-
комъ количествѣ, щобъ можно було всѣмъ отпра-
витися. Але я, позвольте, я всему радъ, я слуга ва-
шей воли.«

Хитрый атаманъ замовчавъ. Козаки стали переговорюватися, куренній атаманы нараджовалися;

пьяныхъ на щастье было не много и протое рѣшился послухати розумной рады.

Въ тойже часъ отправилося колька людей на противо проложеный берегъ Днѣпра до войсковои скарбницѣ, где въ неприступныхъ тайникахъ въ очертѣ, скрывалася войсковая казня и часть добутыхъ у непріятеля оружій. Другіи кинулись до човнѣвъ оглядѣти ихъ и снаряджати въ дорогу. Вмигъ толпою народа наповнился берегъ. Кольканадцять плотниковъ показались топорами въ рукахъ; старіи обгорѣліи, широкоплечіи, крѣпконогіи Запорожцѣ съ просивыми усами и чорноусіи, закотивши шаравары, стояли по колѣна въ водѣ и стягали човна съ берега крѣпкими линвами. Другіи таскали готовіи сухіи бервена и всякую деревью. Тамъ подлатавали дошками човенъ; тамъ, перевернувши его горѣ дномъ конопатили и смолили; тамъ привязовали къ бокамъ другихъ човнѣвъ по козацкому обычаяу связки довгои очеретины, щобъ незатопило човнѣвъ морскою волною; тамъ дальше по всему побережью розложили варты и кипятили въ мѣдяныхъ банякахъ смолу на заливанье суденъ. Бували и старіи поучали молодыхъ. Стукъ и робчий крикъ подойнявся по всей окружности; увесь колибався и двигався оживленый берегъ.

Въ тое время побольшій поромъ начавъ прикаливати къ берегу. Стоявша на нимъ толпа людей еще изъ далека махала руками. Були то козаки въ обрваныхъ свиткахъ. Безпорядный нарядъ (у многихъ ничего не было окромъ сорочки и коротенькой люльки въ зубахъ) показовавъ, что они або только що убѣгли якой нибудь бѣды, або що до того загулялись, же прогуляли все, что лишь было на тѣлѣ. Изъ середины ихъ выступивъ и поставивъ

впередъ присадистый, плечистый козакъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Онъ кричавъ и махавъ рукою сильнѣйше отъ другихъ, но за стукомъ и крикомъ робочихъ не було чути его словъ:

»А съ чимъ прїехали?« сказавъ кошовыи, когда поромъ садивсь къ самому берегу. Всѣ робочіи оставивши свои роботы, поднявши топоры, долота перестали стукотѣти и поглядвали въ ожиданю.

»Съ бѣдою!« кричавъ съ порома присадистый козакъ.

»Съ якою?«

»Позвольте, панове Запорожцѣ, рѣчъ держати.«

»Говори!«

»Або, може хотете собрати раду?«

»Говорижъ, мы всѣ тутъ!... Народъ увесъ стиснувся въ одну купу.

»А вы, знать ничего не чували о тѣмъ, що ся дѣе въ гетманщинѣ?«

»А щожъ?« спытавъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

»Е! що? Видно, вамъ Татаринъ заткнувъ клей-тухомъ уха, що вы ничего не чули.«

»Говори, що тамъ дѣяся?«

»А, таке дѣяся, що и родились и крестились, а не видали такого.«

»Та говори намъ, що дѣяется, собачай сыну!« закрычавъ одинъ изъ толпы, якъ видно, годъ ему було тревати довше.

»Такая бѣда нынѣ завелась, що уже церкви святіи теперь не нашій?«

»Якъ то не нашій?«

»Теперь у жидовъ они въ ареднѣ. Если жидови впередъ не заплатишъ, то и служби Божой нельзя правити.«

»Що ты правиши?«

»И если розсобачій жидъ не положитъ значка нечестивою рукою на святой пасцѣ, то и паски святити не можно.«

»Онъ бреше, панове братъя, не може бути того, щобъ нечистый жидъ клавъ значокъ на святой пасцѣ.«

»Слухайте! еще не тое розкажу: и ксьондзы ъздятъ теперь по всей Українѣ въ тарадайкахъ. Та не то бѣда, що въ тарадайкахъ, але то бѣда, що запрягають уже не конай, а православныхъ христіянъ. Слухайте! ще що розкажу: уже говорять, що жидовки шлють собѣ юбки изъ поповскихъ ризъ. Отъ вамъ, які дѣла водятся на Українѣ, панове! А вы тутъ сидите на Запорожью, та гуляете, та видно, Татаринъ такого задавъ вамъ страху, що у васъ уже ни очей, ни ушей, ничего нѣтъ, и вы не чуете, що дѣлається на свѣтѣ.«

»Стой, стой!« перервавъ кошовий, который доси стоявъ, потупивши очи въ землю, якъ и всѣ Запорожцѣ, который въ важныхъ дѣлахъ николи не отдавались первому порыву, но мовчали, и тымчакомъ въ тишинѣ сбирали всю грозную силу негодованья. »Стой! и я скажу слово: а щожъ вы, такъ бы и побивъ чортъ вашого батька, щожъ вы дѣлали? хибань у васъ шабель не було, чи що? Якже вы попустили такому беззаконію?«

»Е, якъ попустили такому беззаконію! а по-пробовали бы вы, коли пятьдесятъ тысячъ було однихъ Ляховъ, та годъ и грѣха таити, були та-тожъ собаки и меже нашими, що приняли ихъ вѣру.«

»А гетманъ вашъ, а полковники, що робили?«

»Наробили полковники такихъ дѣль, що сохра-
ни Боже всякого.«

»Якъ!«

»А такъ, що уже тепер гетманъ спечений
въ мѣдяномъ быку, лежить въ Варшавѣ, а пол-
ковниківъ руки и головы розвозять по ярмаркахъ
на показъ всему народу. Отъ що наробили пол-
ковники!«

Колебнулась вся толпа. Сначала на хвилю
пронеслося по всему берегу молчаніе, подобне тому,
котре установляєся передъ свирѣпою бурею, и по-
томъ вразъ піднялись розговоры, и увесь загово-
ривъ берегъ.

»Якъ, щоби жиды держали на арендѣ христі-
янскіи церкви! щоби ксьондзы запрягали въ голо-
блѣ православныхъ христіянъ! Якъ, щоби попустити
такіи мученія на русской землѣ отъ проклятихъ
недовѣрковъ! щоби отъ такъ поступали съ пол-
ковниками и гетьманомъ! А пропасть имъ, того не
будеть!« Такіи слова давались чути по всѣхъ кон-
цяхъ. Зашумѣли Запорожцѣ и почули свои силы.
Тутъ уже небуло волненія легкодушного народа;
а волновались характеры самій тяжелій и крѣпкій,
котрій не скоро гороижилися, але розороиживши, упорно и довго хоронили въ себѣ внутренній жаръ.
»Перевѣшати всю жидову!« роздалось изъ толпи:
»нехай не шіютъ изъ поповскихъ ризъ юбокъ
своимъ жидовкамъ; нехайже не ставятъ значківъ
на святыхъ паскахъ; перетопити ихъ всѣхъ по-
ганцївъ въ Днѣпрѣ!« Слова тіи, отъ когосьто изъ
толпи произнесеній, пролетѣли громомъ по всѣхъ
головахъ, и толпа рунулась на передмѣстье съ жаж-
дою вырѣзати всѣхъ жидовъ.

Бѣдніи сыны Израила пострадавши все при-

существо своего и такъ слабого духа, ховались въ пустыхъ горблочныхъ бочкахъ, въ печахъ, тай подлѣзали подъ юбки своимъ жидовкамъ; але козаки всюди ихъ находили.

»Ясневельможніи паны!« кричавъ одинъ высокий и довгій, якъ хворостина, жидъ, высунувши изъ купы своихъ товаришовъ, жалкую свою пику, выкривлену страхомъ: »ясневельможніи паны! лише слово дайте намъ сказати, одно слово; мы таکе скажемо вамъ, що ѿци николи не чували, таке важне, що годъ сказати, яке важне!«

»Ну, нехай скажутъ!« сказавъ Бульба, который всегда любивъ выслушати обвиняемого.

»Ясніи паны!« обозвався жидъ: »такихъ пановъ еще николи не видано, ейбогу! николи; такихъ добрыхъ, хорошихъ и хорообрыхъ не було еще на свѣтѣ.« Голосъ его дрожавъ и умиравъ отъ страху. »Якъ бы то могло бути, щобы мы думали про Запорожцівъ ѩо нибудь нехорошого. Тіи совсѣмъ не наши, ѩо тримаютъ аренды на Українѣ! ейбогу не наши, то совсѣмъ не жиды: то чортъ знає ѩо. То таке, ѩо лишь плюнути на него, тай покинути. Отъ и они скажутъ то же само. Може неправда, Шлойма, або ты Шмуль?«

»Ейбогу правда!« отвѣчали изъ толпи Шлойма и Шмуль въ подраныхъ лапсадакахъ, оба блѣді, мовь глина.

»Мы еще николи« продовжавъ высокій жидъ: »не змавлялись съ непріятелями; а католиковъ мы и знати нехочемо; нехай имъ чортъ приснится! мы съ Запорожцями, мовъ рѣдніи братья...«

»Якъ? щобъ Запорожці були вамъ братья?« обозвався одинъ изъ громады: »не дождетеся, про-

клятіи жиды! до Днѣпра съ ними, панове, всѣхъ потопити поганцѣвъ!«

Тіи слова були знакомъ; жидовъ розхопили по рукахъ и начали швирити въ волны; жалкій крикъ роздався со всѣхъ сторонъ; но срогій Запорожцѣ лише смѣялись, видячи, якъ жидовскіи ноги въ панчоахъ и патинкахъ бовтались на водзусѣ. Бѣдный ораторъ, выклікавши самъ на свою шею бѣду, выскочивъ изъ кафтана, за который були его ухватили, въ однѣмъ сорокатомъ лапсардаку, хопивъ за ногу Бульбу и жалкимъ голосомъ моливъ: »Великій господине, ясневельможный пане! я зnavъ и брата вашого, покойного Дороша, бувъ то воинъ красота усemu рицарству. Я ему осьмсотъ цехиновъ давъ, коли було треба выкупитися изъ неволи у Туркдовъ.«

»Ты зnavъ брата?« — запытавъ Бульба.

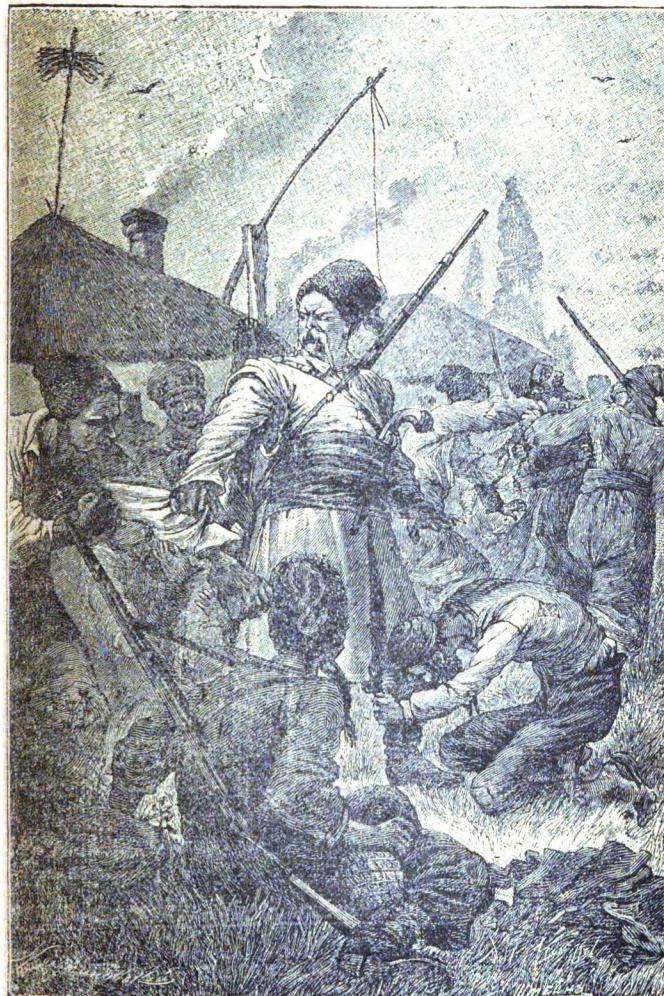
»Еїбогу зnavъ! велиcodушный бувъ то панъ.«

»А якъ тебе зовутъ.«

»Янкель.«

»Хорошо« сказавъ Тарасъ, и потому подумавши, обернувшись до козаковъ и сказавъ: »повѣстити жида буде єще часъ, коли буде треба, а на нынѣ отдайте его менѣ.« Сказавши тое, повѣвъ Тарасъ его до своего обозу, биля которого стояли его козаки. »Ну, залѣзъ підъ вѣзъ, лежи тамъ и не рушися; а вы, братцѣ, не выпускайте жида.«

Сказавши тое пойшовъ бінь на площеадь, где уже давно вся толпа собиралась. Въ одинъ мигъ кинули всѣ берегъ, направу човнбвъ, бо вже теперь наставлявся сухопутный, а не морскій походъ, и не човна, та козацкіи чайки, але возы тай конѣ приспособлялись. Теперь уже всѣ хотѣли въ походѣ, и старіи, и молодіи; всѣ зъ совѣта всѣхъ старшинъ

Бульба спасае жида Янкля изъ рукъ
озлобленныхъ козаковъ.

куренныхъ, кошового и зъ воли всего Запорожского войска постановили прямо ити на Польшу, отомстити все лихо и посorumленie вѣры и козацкой славы, набрати добычи зъ мѣстъ, попалити села и хлѣбы и пустити далеко по всему степу о собѣ славу. Тутъ всякий оперезувався и вооружався. Кошовый вырѣсъ на цѣлый аршинъ; то уже небувъ той робкій исполнитель вѣтренныхъ желаній вольного народа, а бувъ то всеволодный деспотъ, знаючій лише повелѣвати. Всѣ своевольній и гуляки рыцарій стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивши головы, не смѣючи подняти очей, коли онъ роздававъ повелѣнія, тихо, не съ крикомъ и не торопячись, но съ розвагою, якъ старый и глубоко опытный въ дѣлѣ, приводившій не первый разъ въ исполненіе розумно загаданый подвигъ.

»Оглянтеся, оглянтеся хорошенко всѣ!« такъ говоривъ онъ: »подправьте возы, прилагодѣйте ма-зницѣ, попробуйте оружье. Не забирайте много съ собою одежи; по сорочцѣ и по двое шараварь на козаку, по горшку саламахы и опиханого проса (пшона), больше щобъ не было у никого. Про запасъ буде на возахъ все, що нужно. По парѣ ко-ней щобъ было у каждого козака. Взяти двѣстѣ парѣ воловъ, про тое, що при переправахъ и тря-савинахъ нужній будуть волы. Порядку держѣтсѧ, панове, больше всего. Я знаю, суть меже вами та-кіи, що при первой лучшей корысти, пустятся сей-же часъ дерти китайку и дорогіи аксамиты собѣ на онучай. Покиньте къ чорту таку понаду, прочь кидайте всякии юбки, берѣтъ одно лише оружье, коли попадетесь добре, берѣтъ червонцѣ та серебро, бо они емкого свойства и пригодятся въ всякомъ случаю. Та отъ то вамъ панове, впередъ говорю:

если кто въ походѣ напьеся, то ніякого на него
нема суда; якъ собаку прикажу его пришморгнути
до воза, будь онъ кто нибудь, хоть бы найдоблест-
нѣйшій козакъ изъ всего войска; якъ собака буде
застрѣленый на мѣстци и лишеный безъ всякого
похорону на жиръ птицамъ, бо пьяница въ походѣ
не годенъ христіянскаго похорона. Молодіи, слу-
хайте во всемъ старыхъ! Если кого цупне куля,
або и шморгне шабля по головѣ, або по чemu ни-
будь иному, не давай такъ великой уваги на тое;
розмѣшай набдй пороху въ чарцѣ сивухи, духомъ
выпїй, и все перейде, не буде пропасницѣ горячки;
а на рану, если она не дуже велика, приложи просто
земли, замѣсивши ею впередъ слинаю на долонѣ,
то и присохне рана. Нутежъ за дѣло, за дѣло, хлопцѣ,
та не торопячись берѣтесь за дѣло!«

Такъ говоривъ кошовыи, а якъ только скон-
чивъ рѣчъ свою, всѣ козаки въ тойже часъ принял-
лись за дѣло. Вся Сѣчъ отверезилась и нигде нельзя
було доглянути хоть одного, пьяного якъ будьто
ихъ не бувало николи меже козаками. Одній обте-
совали обѣдя колесъ, другіи подправляли оси до
возовъ; тіи сносили мѣшки съ провіяントомъ на возы;
на другіи валили оружье; тамтіи заганяли коней
и воловъ. Изъ всѣхъ сторонъ роздавались брень-
канье шабель, реванье воловъ, скрыпъ завертаемыхъ
возовъ, говоръ и яркій крикъ и принуканье, и въ бор-
зѣ генъ-генъ далекій вытягнувся козачій тaborъ
по всему полю. И ледви хотѣлобы ся кому только
бѣгчи, щобъ отъ головы его ажъ хвоста перебѣгъ.
Въ деревлянной невеличкій церквѣ отправлявъ свя-
щенникъ молебенъ, окропивъ всѣхъ всятою водою;
всѣ цѣловали крестъ. Якъ рушився тaborъ и по-
тягнувшись изъ Сѣчи, всѣ Запорожцѣ обернули головы

назадъ: »Прашай, наша мати« сказали они мовъ въ одинъ голосъ: »нехайже тебе хоронить Богъ отъ всякого нещастя!« Пробѣжджаючи передмѣстье, Тарасъ Бульба узрѣвъ, що жидокъ его, Янкель, уже розложивъ якійсь крамъ съ навѣсомъ и продававъ кременій, свердлики, порохъ и всякихъ войсковій снадобья, потребный на дорогу, тай колачъ и хлѣбъ. »Якій чортовъ жидъ!« подумавъ про себя Тарасъ, и подѣхавши къ нему, сказавъ: »Дурный, що ты ту сидишъ? хибань хочешъ, щобъ тя застрилили, мовъ воробця?« Янкель въ отвѣтъ на тое подойшовъ къ нему близше, махнувъ обома руками, буцѣмто хотѣвъ объявити ему щось тайного и сказавъ: »нехай панъ лишь мовчить и никому не каже, меже козацкими возами есть одинъ и мой вѣзъ; я везу всякий нужный запасъ для козаковъ и по дорозѣ буду доставляти всякий провіантъ по так旤 дешевої цѣнѣ, по якой еще ни одинъ жидъ не продававъ; ейбогу такъ, ейбогу такъ.« — Стиснувъ плечами Тарасъ Бульба, удивившись жидовской натурѣ и почвалавъ за таборомъ.

V.

Не за довго, такъ прошибло весь польскій югозападъ страхомъ мовь громомъ. Всюди носилися вѣсти: »Запорожцѣ, появились Запорожцѣ!« Всякій, кто мôгъ спастися, спасався, все рушилось и разбѣгалось въ тѣмъ нестройнѣмъ, къ удивленію безпечнѣмъ вѣку, коли не строилось ни крѣпостей, ни замкѣвъ; але просто, якъ кому попало, ставивъ на часъ соломяну хатину свою человѣкъ, думающи, что не стратилося на ню ни роботы, ни грошей, бо однакъ оно буде знесено до тла татарскимъ набѣгомъ! Все схаменулоль: той мѣнявъ волы и плугъ на коня и оружье и отправлявся до полкѣвъ; другій забираясь, зaimавъ скотъ и уносивъ що лише можно было унести. Попадались где куда на дорозѣ и таکіи, котріи встрѣчали (хотя бездѣльно) вооруженюю рукою гостей; але больше було такихъ, котрій удирали завчасу. Всѣ знали, что тяжка була справа съ тою вѣчною вѣйною закаленою толпою, знакомою пôдъ именемъ запорожскаго войска, котре и среди своего своеѣльного неустройства заключало не чуване устройство во время битвы. Кônнота Ѣхала не отяжая, и не пôдпаляя коней, пѣши ишли тверезо за возами, и весь таборъ подвигався лише по ночахъ, отдыхая днемъ и выбирая для того пустынѣ, незаселеніи мѣстца и лѣсы, которыхъ тогда еще було досыть. Впередъ були высыланий

лазутчики и звѣздуны, пôдглядати и вывѣдовати; где, шо и якъ. И часто вѣ тыхъ мѣстцахъ, где ніякъ козаковъ неожидали, появились они несподѣвано, и все тогда прашало сѧ съ жизнью, пожары обхватили села; скотъ и конѣ, котрѣ годѣ було зайняти за войскомъ були забитї тутъ же на мѣстци. Видѣлось, болѣше банкетовали козаки, якъ ишли походомъ. Дубомъ сталобы нынѣ волося отъ тыхъ страшнихъ познакъ свирѣпства полудикого вѣка, котріи лишали за собою всюда Запорожцѣ. Избитіи дѣти, обрѣзаній перси у женщинъ, обдерті шкодры зъ нôгъ по колѣна у выпущенныхъ на свободу — словомъ, грубою монетою отплачовали козаки прежніи довги. Прапатъ одного кляштора учувши, шо они ся сближаютъ, приславъ отъ себе двохъ монаховъ, щобъ сказать, шо они не такъ поступаютъ, якъ належитъ, шо меже Запорожцями а правительствомъ стоитъ согласie, шо они нарушаютъ свою обязанность къ королю, а разомъ и всякое народное право. »Скажи бискупови отъ всѣхъ Запорожцѣвъ,« сказалъ кошовый: »щобы онъ ничего не боявся: то козаки ще лише зажигаютъ и розкуруютъ свои люльки.« И небавомъ величественне опатство обхвативъ сокрушительный пламень, и колосальными готическими окнами его садивъ мовь зъ пекла. Утѣкаючі толпи монаховъ, жидовъ и женшинъ якъ стой умноголюдили тіи города, где яка нибудь була надежла на залогу и городовое рушенье. Высылана часомъ отъ правительства запознившаяся помощь, состоявшая изъ немногихъ полковъ, або не могла найти ихъ, або не маючи отваги, повертала назадъ при первой встрѣчи и утѣкала на лихихъ коняхъ своихъ. Случалось, шо многіи военачальники королевскіи, тор-

жествовавши доси въ прежныхъ битвахъ, рѣшались соединивши свои силы, стати грудею противъ Запорожцѣвъ. И тутъ то бѣльше всего пробовали себѣ молодіи козаки, чужавшияся грабительства, и корысти у безсильного непріятеля, а горѣвшіи желаніемъ показати себѣ передъ старыми, помѣрятия въ рукопашъ съ бойкимъ и хвастливымъ ляхомъ, красовавшимся на горделивомъ кони съ лѣтающими по вѣтру откидными рукавами контуша.

Потѣшна була наука; много уже они добыли себѣ конно зброя и дорогихъ шабель и оружей. Въ одинъ мѣсяцъ стались изъ дѣтваковъ мужами и со всѣмъ переродились; черты лица ихъ, въ которыхъ доси видна була якаясь-то юношеская мягкость, стали теперь грозній и сильній. А старому Тарасу любо було видѣти, якъ оба сыны его були одинъ изъ первыхъ. Остапови, видѣлось, бувъ изъ роду написаный битвенный путь и трудное знанье вершити ратніи дѣла. Ни разу не задумавши и не смутивши ни отъ якои пригоды, съ холонокровьемъ, не выданымъ на двадцаты-дво-лѣтному молодцю, въ одинъ мигъ мѣгъ буль бнъ змѣрити всю опасность и усе положеніе дѣла, и тутъ же находивъ средство, якъ ухилитись отъ неи, но ухилитись такъ, щобы потому дойстнѣйше преодолѣти ю. Уже испытаною увѣренностю стали теперь означатися его движенія и въ нихъ не можно было не узрѣти дарованій на будущого начальника. Крѣпостію дышало его тѣло, и рыцарскіи его ячества пріобрѣли силу льва. »Съ часомъ буде зъ него добрый полковникъ!« говоривъ старый Тарасъ: »айбогу буде лепскій полковникъ, та еще то такій, що и батька за поясъ заткне!«

Андрѣй весь погрузившися въ очаровательную

гудьбу куль и мечей. Онъ не знаявъ, что то такое обгадувати и обчисляти, або вымѣрити завчасу свои и чужкіи силы. Шаленую нѣгу и упоене онъ видѣвъ въ битвѣ; щось першественного зрелось ему въ той хвилѣ, коли розгорится у человѣка голова, въ очехъ все мелькае и мѣщаеся, летять и головы, съ громомъ падаютъ на землю и конѣ, а онъ несется, якъ пьяный въ свистѣ куль, блеску шабель и въ собственномъ жару, нанося всѣмъ удары и не чая нанесеныхъ. И не разъ дивився старый Тарасъ, видячи якъ Андрѣй, побуждаемый одnymъ лише запальчивымъ увлеченіемъ, устремлявшися на то, на що бы николи не отважився холоднокровный и розумный, и одnymъ бѣшенымъ натискомъ своимъ производивъ такіи чудеса, которымъ не могли не изумитися и старіи въ бояхъ. Дивився старый Тарасъ и говоривъ: »И тотъ добрый воякъ, чотрь бы не взявъ его; не Остапъ, не Остапъ, але такожъ буде добрый козакъ.«

Войско постановило прямо ити на городъ Дубно, где ходили слухи, було много казны и богатыхъ обывателей. Въ повтора дня зайшли Запорожцѣ и показались передъ городомъ. Жителѣ рѣшились боронитися до послѣдныхъ силъ и послѣдної крайности, и волѣли лучше погибати на площадяхъ и улицахъ передъ своими порогами, нижели впустити непріятеля въ дома свои. Высокій земляный окопъ окружавъ городъ, а повыше осыпу стремѣла або каменная стѣна або дома служивши за батеріи, або наконецъ дубовый частоколь. Залога була сильна и чувствовала важность своего дѣла. Запорожцѣ жваво були вдерлися на окопы, але були встрѣченій сильною картечовою стрільбою. Мѣщане и городскіи обыватель не хотѣли такожъ

дармовати и стояли купою на городскомъ окопѣ. Зъ очей ихъ глядѣла отчаянная противнѣсть; даже женщины рѣшились участвовать, и жбурляли на головы Запорожцямъ каменѣ, бочки, горшки, окропъ и мѣшкі съ пѣскомъ, щобъ имъ очи ослѣпiti, Запорожцѣ не любили мати дѣло съ крѣпостями; тому искусству они не дуже знали ладъ вывѣсты. Кошевый казавъ отступити и сказавъ: »Нично, панове братья, мы отступимъ; но бодай бы я бувъ поганый татаринъ, а не христіанинъ, если мы пустимъ ихъ хоть одного изъ города, нехай зъ голоду собаки выздохаютъ до одного.« Войско отступивши, облегло весь городъ, и ничего дѣлати, занялось опустошеньемъ окрестностей, выжигаючи окружній села, стырты немолоченои пашнѣ и напускаючи табуны коней на нивы, еще не позжати и не покошеніи, где якъ нарочно, стелилось тучное колосье, плодъ незвычайного урожая, надгородившаго въ ту пору щедро всѣхъ земледѣльцевъ. Съ ужасомъ видѣли изъ города, якъ истреблялись средства ихъ существованія. А въ то же время Запорожцѣ, прятанувши окресть всего города въ два ряды свои возы, разположились такъ same, якъ на Сѣчи, куренями, курили свои люльки, мѣнялись добытымъ оружиемъ, грали въ чехарду, въ четъ и нечетъ и поглядвали съ убийственнымъ холоднокровіемъ на городъ. Ночю зажигались ватры; кашевары варили въ каждомъ курени кашу въ огромныхъ мѣдяныхъ казанахъ; у горѣвшихъ всю ночь огней стояла безсонная стражъ.

Але не задовго стало Запорожцамъ скучно довгимъ бездѣствiемъ, а особливо скучно тверезостю, котрой ніякои, по ихъ имѣнію, не було причины. Кошевый повелѣвъ удвоити порцю вина, что

бувало часами въ войску, если не було трудныхъ подвиговъ и движений. Молодымъ и особенно сынамъ Тараса Бульбы не сподобалась такая жизнь. Андрющеви очевидно кучилось. »Дурна голова, говоривъ Тарасъ Бульба: терпи козаче атаманомъ будешъ; не тотъ еще добрый воинъ, котрый не стративъ духа въ важнѣмъ дѣлѣ, але тотъ добрый козакъ, кто на бездѣлѣ нескучится, все вытерпить, и хотя ты ему що хочь, а днъ все таки на своеемъ«. Але не сгодитися молодому легкодухови со старцемъ. Иншіи правы у обохъ и иншими очима глядятъ они на тоже самое дѣло.

А тымчасомъ пôдоспѣвъ Тарасовъ полкъ, приведеній Товкачемъ; съ нимъ були еще два ассаулы, писарь и другіи полковіи чины; всѣхъ же козаковъ набралось больше четырехъ тысячъ. Було меже ними не мало и охочекомонныхъ, котріи сами безъ всякого позыва двигнулись своею волею, якъ лише учули, на чемъ дѣло стоить. Ассаулы привезли сынамъ Бульбы благословеніе отъ старухи матери и каждому по кипарисовому образцю изъ Межегорскаго Кіевскаго монастыря. Нарядивши на себе святіи образки оба братя мимовольно задумались, пригадавши собѣ старую мати свою. — Щось то вѣщue и говорить имъ тое благословеніе?... Чи благословеніе на побѣду надъ ворогомъ и потому веселый поворотъ въ отчину съ добычею и славою на вѣчніи пѣсни бандуристамъ, або може.... Но будущее не извѣстно, и стоитъ оно передъ человѣкомъ подобно осѣнному туману, пôднявшому ся изъ степовой пустары. Безумно лѣтаютъ въ нимъ вверхъ и внизъ, трѣпающіяся крильцятами птицѣ, не разпознаваючи въ очи одинъ другого — голубка не видитъ ястrebа, ястrebъ не видитъ голубки, и

никто не знае, якъ далеко онъ лѣтае отъ своей погибели....

Остапъ уже давно занявся своимъ дѣломъ и давно отойшовъ въ куренѣ; Андрѣй же, самъ не знающи отъ чого, чувствовавъ якуюсь то духоту на сердцю. Уже козаки повечеряли, уже давно по-вечерѣло, липнева чудная нѣчь обняла воздухъ; але онъ не отходивъ въ куренѣ, не клався спати, и глядѣвъ пильно на всю бувшую передъ нимъ картину. На небѣ безчисленно мелькали тонкимъ и острымъ блескомъ звѣзды. Поле далеко було занято порози-каными возами съ высячими мазницами, облитыми дегтемъ и со всякимъ добромъ и засобами, набраными у ворога. Биля возовъ, подъ возами и геть дальше отъ возовъ, всюди були видній разметавшияся на травѣ Запорожцѣ — всѣ они спали въ картиныхъ положеніяхъ кто подмостивъ собѣ подъ голову опалку, або шапку, або сперся просто на боку свого товариша. Шабля самопаль, лулька съ короткимъ цибушкомъ, съ мѣдянymi бляшками, протичками и кресаломъ висѣла почти у каждого пояса. Тяжеліи волы лежали, подвернувши подъ себе ноги, великими бѣловатыми массами и казались издалека сѣрыми каменями, роскиданими по отлогостяхъ поля. Со всѣхъ сторонъ изъ травы ставъ уже подниматися густый хропъ спящаго воинства, на который отзвивались зъ поля звонкими ржаніями жеребцѣ, негодующи на свои спутаніи ноги. А въ тойже часъ щось величествен-наго и грозного примѣщалось къ красотѣ липневой ночи. Було то зарево вдали догаравшихъ окрест-ностей. Въ однѣмъ мѣстци пламя спокойно и величественно стелилось по небесамъ, въ другомъ щось чорного вразъ вырвалось вихромъ, свистало и ле-тѣло въ верхъ подъ саміи звѣзды, а оторваніи щипки

сыпали миллионы искръ, котрѣ подъ самыми дальными небесами гасли; тамъ обгорѣлый черный кляшторъ, якъ суровый картезіанскій монахъ, стоявъ грозно, выказывая при каждомъ отблеску мрачне свое величіе; тамъ горѣвъ монастырскій садъ, казалось, було чути, якъ дерева шипѣли, обвиваючися дымомъ, а скоро розтлѣвъ огонь, то онъ заразъ освѣчавъ фосфорическимъ лилово-огненнымъ свѣтломъ дозрѣліи сливы, або обертали жовтѣющиіи груши въ червоное золото, и тутъ же среди нихъ чорнѣло высѣвшее на стѣнѣ зданія або на древесной галузы мертвѣ тѣло бѣдного жида или монаха, погибающе разомъ съ строеніемъ въ огни. Надъ огнемъ вились въ далеку птицѣ, котрѣ видѣлось увисли купою темнихъ мелкихъ крестиковъ на огненномъ полі. Обнаженый городъ казалось уснувъ; кроквы, платвы, дахи, частоколь красѣли отблесками отдаленыхъ пожаровъ.

Андрѣй обойшовъ козацкіи ряды. Ватры у которыхъ сидѣли стражи, уже догорювали и готовились за хвильку погаснуть, и самая стражъ спала, якъ видно, перекусивши чого нибудь во весь козацкій апетитъ. Онъ подивлявся немнога такой безпечности, подумавши: добре, что нема близко сильного непріятеля и нѣтъ кого опасатись. Наконецъ и самъ онъ поддѣшовъ къ одному изъ воздухъ, выльзъ на него и лѣгъ на спину, подложивши сложеніи руки подъ голову; но не мбъ заснути и довго поглядавъ на небо: оно все було открыто передъ нимъ; чисто прозрѣнно було въ воздухъ; гущина звѣздъ, составляюча молочной путь, поясомъ оперезувала объемъ воздуха, она вся була залита свѣтломъ. Временами Андрѣй якъ будто забувався, и якійсь легкій туманъ дрѣмоты заслонявъ на мигъ передъ нимъ небо

и потомъ опять очищалось оно и зновъ становилось видно. Въ тое время, показалось ему, мелькнувъ передъ нимъ якійсь чужій образъ человѣческого лица. Думающи, что то була простая сонна злуда, которая сейчасъ исчезне, открывъ онъ болѣше свои очи и увидѣвъ, что къ нему точно наклонилось якесь знидѣле, высохле лицо и дивило прямо ему въ очи. Довгѣ, чорне якъ уголь волосье несплетене, разтрѣпане лѣзло изъ пѣдъ темнои, закиненои на голову хусты; и дыкій блескъ очей, мертвенная смуглota лица, выступаючого рѣзкими чертами, заставила бы скорѣше подумати, что то бувъ призракъ. Онъ схватившя невѣльно рукою за самопаль и воскликнувъ громко: »Кто ты? коли духъ нечистый, пропади зъ очей; коли живый человѣкъ, то не жартуй — убью зъ одного прицѣлу.«

Въ отвѣтъ на тое, привидѣніе приложило палецъ къ губамъ и видѣлось, молило о молчаніе. Онъ опустивъ руку и ставъ внимательно глядиватися, довгомъ волосью, шеи и полуобнаженной груди познавъ онъ женщину. Она була якась чужениця: все лице еи було смугле, изнуренне недугою; широкіи скулы выступали сильно надъ опавшими щеками узкіи очи пѣдомались дугою къ верху. Чимъ болѣше онъ вдивлявся въ черты еи, tymъ болѣше находивъ въ нихъ щосьто знакомого. Наконецъ не вытерпѣвъ онъ попытати: »Скажи, кто ты? Менѣ бачится, что я тебе уже зная або видѣвъ где?«

»Два лѣта тому назадъ въ Киевѣ.«

»Два лѣта тому назадъ, въ Киевѣ?« повторивъ Андрѣй, стараясь перебрати все, что еще лишилось въего памяти отъ прежной бурсацкой жизни. Онъ поглянувъ еще разъ на ню пильно и вскрикнувъ

разомъ въ весь голосъ: »Ты Татарка! служница панночки, воеводиной дочки!...«

»Пстъ!« шепнула Татарка, сложивши съ умоляющимъ видомъ руки, дрожа всемъ тѣломъ и обернула въ сейже часъ голову назадъ, щобъ увидѣти, чи не пробудився кто нибудь отъ такого сильного голоса.

»Скажи, скажи, зачимъ, и якъ ты сюда прійшла? говоривъ Андрѣй нетерпеливо отъ внутреннаго волненія: »где панночка, чи жива еще она?«

Она теперь въ городѣ.«

»Въ городѣ« — произнесъ онъ, опять ледви не вскрикнувши, и почувствоавъ, что вся кровъ охлынула ему сердце: »а чогожъ еи въ городѣ бути?«

»Того, что самъ старый панъ въ городѣ: онъ уже побвтора года, якъ сидить воеводою въ Дубнѣ.«

»Щожъ она, отдалася? Говоришъ, якая ты дивна, ѩо она теперь...«

»Она другій день ничего не Ѣла.«

»Якъ?«

»Ни у кого зъ городскихъ жителей нема уже давно куска хлѣба, всѣ давно Ѣдятъ одну землю.«

Андрѣй оставленѣвъ.

»Панночка видѣла тебе изъ городской башты разомъ зъ Запорожцами. Она то сказала менѣ: иди, скажи рыцарю: если онъ тяmitъ мене, ѩобъ прішовъ къ мнѣ: а сли не тяmitъ, ѩобъ давъ тебѣ кусокъ хлѣба для старенькои моей матери, бо я не хочу видѣти, якъ при менѣ умре мати. Нехай лучше я впередъ, а она посля мене; проси и хватай его за колѣна и ноги. У него такожъ старая мати, ѩобъ ради еи давъ хлѣба!«

Много всякихъ чувствъ пробудилось въ моло-

дой груди козака, но одно прошибло мовъ громомъ сердце его.

»Но якъ же тутъ ? якъ ты прїшла ?«

»Подземнымъ ходомъ«.

»Або есть подземный ходъ ?«

»Есть«.

»Где ?

»Ты не выдаси, рыцарю ? Спустившись въ яръ и перешовши потокъ, тамъ где тростинникъ«.

»И выходить въ самый городъ ?

»Прямо къ городскому монастырю«.

»Пойдемъ, пойдемъ сейчасъ !

»Но ради Христа и Святой Матери, кусокъ хлѣба !

»Буде ; стой тутъ биля воза, або лучше, положись на вѣзъ ; тебе никто не увидитъ, всѣ спятъ : я сейчасъ вернусь.

И пойшовъ Андрѣй къ возамъ, где були запасы принадлежащіи ихъ куреню. Сердце его билось сильно. Все минувшее, что було закрыто, заглушено нынѣшними козацкими подвигами, суровою военною жизнею, все сплыло разомъ на верхъ, потопивши, въ свою очередь, все что було теперь. Опять появилась ему, мовъ то изъ темной морской пучины, гордая женщина ; зновъ сверкнули въ его памяти прекрасніи руки, блескавки очей, усмѣхающіяся уста, густое темноорѣховое волосье, перстнями розыпавшееся по грудямъ, и всѣ упругіи, въ согласнѣмъ сочетанію созданіи члены дѣвического стана. Нѣть, они не погасли, не исчезли изъ груди его, они посторонились лише, щобъ дати на время просторъ другимъ могущимъ движеніямъ. Но часто, часто мучивъ ними глубокій сонъ молодого козака ; и проснувшись довго лежавъ онъ безсон-

ный на ложу не умѣя вытолковати тому причины.

Онъ йшовъ, а битіе сердця становилось сильнѣйше при одной мысли, что увидить еи опять, и дрожали молодіи колѣна єго. Прійшовши къ возамъ, совсѣмъ забувъ яке ему тутъ дѣло, стоявъ довго, разглядая себе, зачѣмъ ему тымка повернула, что ему нужно было дѣлать. Наконецъ вздрогнувшись весь, мовъ изъ переполоху, и прошибла его тая мысль, что она умирає изъ голоду. Кинувся къ возу, схвативъ килько спорыхъ хлѣбовъ подъ паху и зновъ подумавъ, чи не буде разовый ячмѣнникъ, годный для сильного, непереберчивого Запорожца, грубымъ и не приличнымъ еи нѣжному сложенію. Но щожь? — годѣ! — Але пригадавъ онъ собѣ, что учора сваривъ кошовыи на кашоварѣвъ за тое, что зварили всю гречаную муку въ одинъ разъ на лемѣшку, коли бы еи стало було на тричи. Въ повной увѣренности, что найде въ казанахъ доволи, вытащивъ онъ походный казанецъ своего батька, и отправився съ нимъ къ кашовару ихъ куреня, который спавъ межи двома десятиведреными куренными казанами, подъ нижниже було еще трохи приску. Заглянувши въ нихъ онъ изумѣвся, увидѣвши, что где подѣлася кулеша. Треба було не человѣческихъ силь, чтобы всю зѣсты, тымъ больше, что въ ихъ курени считалось менѣе людей, якъ въ другихъ. Заглянувъ онъ до казандѣвъ другихъ куреней, але — нигде ничего не було. Прійшла ему до головы звычайна поговорка: «Запорожцѣ, мовъ дѣти; коли мало — зѣдятъ, а коли много — такожъ ничего не оставлять.» Що дѣлать? Бувъ однакожъ гдестьо, видится, на возѣ батькового полка мѣшокъ зѣблымъ хлѣбомъ, що нашли, ограбивши кляшторскую

пекарню. Онъ прямо пôдйшовъ къ отцевскому возу, но на возѣ его не было: Остапъ ввязъ собѣ его пôдъ голову, и розтягнувшись на землѣ, хропѣвъ на усе поле. Андрѣй сѣпнувъ мѣшокъ одною рукою, такъ что голова Остапа упала на землю, а онъ самъ здрався изъ просоня, и сидя съ замкненими очима, закричавъ, что было силы: »Держьте, держать чортова Ляха! та ловѣть коня, коня ловѣте!« — »Мовчи, бо тя убю«, закричавъ изъ переляку Андрѣй, замахнувшись на него мѣшкомъ. Але Остапъ уже и безъ того не продовжавъ своей бесѣды, утихъ, и захрапѣвъ такъ, что отъ дыханія стелилась трава передъ ротомъ. Андрѣй робко оглянувшись на всѣ стороны, щобъ узнати, чи не пробудивъ кого нибудь изъ козаковъ, сонный бредъ Остапа. Одна лише чубатая голова пôднеслась трохи у со-сѣдного куреня, и повѣвши очима, скоро опустилась опять на землю. Переждавъ Андрѣй двѣ хвильки и отправивъ наконецъ съ своимъ тягаромъ; Татарка лежала, ледви жива. »Вставай, ходѣмъ! всѣ спятъ, не бойся!... Пôдймешъ ты тотъ одинъ мѣшокъ съ хлѣбами, если менѣ буде непоручно забратись со всѣми?« Сказавши тое Андрѣй задавъ собѣ мѣшки на плечи, взявъ въ руки тіи хлѣбы, що хотѣвъ було Татарцѣ дати нести, и понагнувшись трохи пôдъ тягаромъ, ишовъ отважно по меже ряды спящихъ Запорожцѣвъ.

»Андрѣю!« закликавъ старый Бульба въ тое время, когда онъ проходивъ мимо него. — Сердце его заумерло, — онъ остановивъ и весь дрожа, тихо произнесъ: — »А що?«

»Съ тобою баба?... ей ображу тя, вставши, на всѣ боки! Но доведутъ тебе бабы до добра!« Сказавъ, тай оперся головою на локоть и ставъ

Андрѣй, сынъ Бульбы, проходитъ помежи спящихъ козаковъ съ татаркою, служанкою знакомои ему ляшки, дочки воеводы.

пильно розглядати хусткою обмотану Татарку.

Андрѣй стоявъ ни живъ, ни мертвъ, несмѣючи поглянути въ лице отцю. И коли потому поднявъ очи и поглянувъ на него, увидѣвъ, що старый Бульба уже спавъ, положивши голову на долонь.

Андрѣй перекрестився и сердце очунялось отъ того, що бувъ испужався, борше, якъ було задерев'ло. А когда повернувъ очима, щобъ поглянути на Татарку, то стояла она передъ нимъ подобна темной гранитной статуй, вся обтулена хусткою, а отблескъ отдаленого зарева озоривъ лише одни еи очи помутившися мовъ у мертвца. Андрѣй сѣпнувъ си за рукавъ, и обое пшли разомъ, безперестанно вглядаясь назадъ, и наконецъ спустилися отлогостю долбъ жолобиною по при яръ, по егоже дну лѣниво просмикався потокъ, поросшій осокою и усыпанный купинами.

Спустившись въ жолобину скрылись совершенно изъ виду всего поля, занятого запорожскимъ таборомъ. Когда оглянувся Андрѣй, то увидѣвъ, що позади его крутою стѣною, больше якъ въ хлопа, возносилася покатость, на вершинѣ си шевелились колька стебелокъ полевого быля, и надъ ними поднималася въ небѣ луна въ видѣ въ укосъ оберненого серпа изъ яркого червоного золота.

Здрявшійся у степу вѣтрецъ дававъ знати, що уже недалеко къ досвѣту. Но нигде не було чути отдаленого пѣвня: ни въ городѣ, ни въ розширеныхъ отлегlostяхъ не осталось давно ни одного пѣвня. По невеличкому перекладѣ перебралисъ они черезъ потокъ, за котримъ взносився противоположный берегъ, трохи вищій отъ того изъ заду, выходившій совершенно облазомъ. Казалось въ тѣмъ мѣстци бувъ крѣпкій и надежный самъ собою у-

голь городской крѣпости, покрайней мѣрѣ тутъ бувъ земляный окопъ и выглядала изъ за него городская осада. Но за тое дальше зводилася товстая кляшторская стѣна. Обрывистый берегъ весь обрѣсъ буряномъ и по невеличкѣй жолобинѣ меже нимъ и потокомъ росла высока тростина въ хлопа въ завышки. На вершинѣ облаза виднѣ були остатки плota, обнимавшаго бувшій колись огородъ; передъ нимъ виднѣ були широкіи листы лопуха, изъ за него сторчала лобода, дикій колючій бодякъ и подсолнечникъ, поднимавшій выше всѣхъ свою голову. Тутъ Татарка скинула изъ себе черевики и погнала босакомъ, подобравши осторожно свою спѣдницю, про тое, что було грузко и наполнено водою. Пробираясь межъ тростинникомъ, остановились передъ наваленымъ хворостомъ и фашинемъ. Отгорнувши хворость, надыбали родъ земляной челюсти, мало що болѣшой, якъ въ хлѣбной печи. Татарка наклонивши голову, вѣшла первая, вслѣдъ за нею Андрѣй, нагнувшись сколько можно, шобъ можно було побратись съ своими мѣшками, и скоро очутились обое въ совершенной темнотѣ.

VI.

Андрѣй ледви двигався въ темнѣй и узкѣй землянѣй скалубинѣ, поступая вслѣдъ за Татаркою и таща на собѣ мѣшки хлѣба. »Скоро буде намъ видно« сказала проводница: »мы подходимъ къ мѣстцю где я поставила свѣтилникъ« И точно темній земляній стѣны начали по не многу озорятися. Такъ достигли они невеличкой площади, где видѣлось, була часовня, бо видно, къ стѣнѣ бувъ приставленый узкій столецъ въ видѣ жертвенного престола, и надъ нимъ виденъ бувъ почти совершенно потерявшійся образъ католической Мадоны. Невеличка серебрянна лямпа передъ нимъ висѣла и туй — туй що но не загасла. Татарка поклонилась и подняла зъ земли оставленыи мѣдяный свѣтилникъ на тонкѣй высокѣй ножцѣ, съ висѣвшими окрестъ неи на гачкахъ щипцями, шпилькою для поправленя огня и гасильникомъ. Взявшіи его, зажгла огнемъ отъ лямпы. Свѣтло ухопилося и они идуши разомъ, то освѣщаясь сильно огнемъ, то накидаясь темною якъ уголь тѣнью, напоминали собѣ картины Жирарда *della notte*. Свѣжее, кипящее здоровьемъ и юностію прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность съ изнуреннымъ и блѣднымъ лицемъ его сопутницѣ. Проходѣй ставъ по трохи ширшій, такъ що Андрѣю можно было розпрямитися. Онъ съ цѣкавостію розглядавъ тіи земляній стѣны.

Такъ, якъ и въ пещерахъ кіевскихъ, видній були и тутъ углубленія выжлобані въ стѣнахъ, и стояли гдекуда гробницы ; мѣстцями попадались даже саміи, просто человѣческіи кости, отъ сырости размягченій, и разсыпавшіися въ порохъ. Видно и тутъ такожъ були святіи люди и укрывались такожъ отъ мірскихъ бурь, горя и обольщеній. Сырость мѣстцями була дуже сильна, а подъ ногами ихъ була совершенная вода. Андрѣй долженъ бувъ часто останавливаться, щобъ дати отдохнути своей сопутницѣ, котра що хвиля уставала утомленіемъ. Невеличкій кусокъ хлѣба, проглодженій нею, ставъ єю лишь колоти въ животъ : такъ була отвикла отъ всякої пищи, и часто уставала, не могла изъ мѣстця двигнутись.

Наконецъ передъ ними показалася маленькая желѣзная дверь. »Ну слава Тебѣ Господи, мы прійшли« сказала слабымъ голосомъ Татарка, и приподняла була руку, щобъ заковтати, тай не мала силь. Андрѣй ударивъ мѣсто неи сильно въ дверь задуднѣло и роздалось громкимъ гомонемъ, зъ котрого познати було, що за дверью була больша просторонь.

Гомонъ той измѣнився, отбивши, якъ видѣлось, о высокіи своды. За хвилю за двѣ зазвенѣли ключи и ктось, казалось, зходивъ по сходахъ. Наконецъ дверь отчинилася ; ихъ впустивъ мнихъ стоявшій на узенькой лѣстницѣ за дверьми съ ключами и свѣчкою въ рукахъ. Андрѣй мимоходно остановивши увидѣвши каѳолического монаха, возбужавшаго такое ненавистное презрѣніе въ козакахъ, котри съ ними поступали враждебнѣйше, якъ съ самими жидами. Монахъ такожъ трохи отступивъ назадъ увидѣвши запорожскаго козака ; но

слово сказала Татарка, и тое его успокоило. Онъ посвѣтивъ имъ, заперъ за ними дверь, вывѣвъ ихъ полѣствицѣ на верхъ и они очутилися пѣдь высокими темными сводами кляшторского костела. У одного изъ жертвенниковъ, обставленного высокими подсвѣчниками и свѣщами, лежавъ на колѣнахъ священникъ и молився. Около него съ обоихъ сторонъ было два клячущихъ молодыхъ крылошановъ въ лиліовыхъ довгихъ сукняхъ съ бѣлыми кружевыми комжами по верху и съ пацерками въ рукахъ. Онъ молився о посланіи чуда: о спасеніи города, о покрѣплениі уже падающаго духа, о посланіи терпеливости, о удаленіи искусителя, подшептывающаго ропотъ и малодушный, робкій плачъ на земскіи нещастія. Колько женшинъ, подобающихъ болѣе на провѣднія, клячѣли въ пекорѣ опершись и совершиенно положивши изнеможеніи головы на ставши передъ ними стѣльцы и темній деревяній лавки; колькохъ мужей, прислоняся у превеликихъ стовбовъ, на которыхъ опералися боковіи своды печально стояли на колѣнахъ.

Окно надъ жертвенникомъ съ цвѣтными склами озарилось рожевымъ румянцемъ ранка, и упали отъ него то синій то жовтій и всякого цвѣту круги свѣтла и освѣтили внезапно темную церковь. Весь жертвенникъ въ своеемъ далекомъ углубленіи вразъ показався въ сіяніи; дымъ кадилницѣ остановився въ воздухѣ дугою освѣченнымъ облакомъ. Андрѣй не безъ изумленія приглядываясь изъ своего темного угла на чудо, произведене свѣтломъ. Въ тоежъ время величественно загудѣвъ органъ и наповнивъ цѣлый костель; голосъ его становився густѣйшій и густѣйшій, разростався, перешовъ тяжелый лоскотъ грома и потомъ нагле, завѣвши небесную

музыку, понесся высоко подъ сводами поющими звуками дѣвичого голоса, и потому опять звернувшись въ густый ревъ и громъ, и — затихъ. И довго ще носився громовыи лоскотъ, дрожа подъ сводами, а Андрѣй дивився съ полуутвертыи ротомъ и чудовався величественной музыцѣ.

Въ тоже время казалось, сѣпнувъ ктось его за полукафтана : »Пора!« сказала Татарка. Такъ перешли черезъ церковь, нѣзамѣченіи никимъ, и вышли потомъ на площадь попри церковь. Зоря уже давно румянилась на небѣ ; все возвѣщало всходъ сонца. Площадь четырегранчаста була совершенно пуста; но гдекуда лишеній деревянніи столики показовали, что тутъ, ледви може недѣлю тому назадъ, була торговиця всякого харчу. Помостомъ, котрого тогди робити не було звычаю, була засохшая груда грязи. Кругомъ площади стояли невеликій каменныи и глиняныи одноподровий домы съ видными въ стѣнахъ деревянными сваями и стовбами на всю высоту стѣны ; на вскдѣ перекрещеніи такожъ деревянными сваями, якъ вообще ставили домы тогдашній обывателъ, що можна видѣти и по сесь день въ гдекотрыхъ мѣстахъ Литви и Польши. Всѣ почти були покрыты непомѣрно высокими крышами съ множествомъ слуховыхъ оконъ и продушинъ. На одной сторонѣ по при саму церковь, выше отъ другихъ, взносилось совсѣмъ отличное зданіе, вѣроятно, городовыи магистратъ или яке нибудь правительственне мѣстце. Оно було въ два подра, а верхъ его надстроенъ бувъ во два луки бельведеръ и тамъ стояль часовый. Площадь видѣлась мертвая ; но Андрѣеви причулось якесь слабе стогнаніе. Розглядая, замѣтивъ днъ на другой сторонѣ группу изъ двохъ либо трехъ людей, лежавшихъ

почти на земли, не мога подвигнутися. Онъ влѣпивъ очи внимательно, щобъ розглядѣти, чи то заснувшіи були, или умершіи и въ тое время пѣткнувшись на щось лежавшаго подъ ногами. Було то мертвѣцо женщины, сколько видѣлось, Жидовки. Бачилася ще бути молода, хотя въ изнужденныхъ и искаженыхъ чертахъ еи годѣ було того долянути. На головѣ ей бувъ красный шовковый платокъ; перлы въ два ряда украшали еи наушники. Биля неи лежало мале дитя: судорожно схватило оно рукою за изсохлую грудь еи и скрутивши еи своими пальцями отъ невѣльной злости, не найдовши въ ней молока. Оно уже не плакало и не кричало, и лише по тихо опускающейся и подоймающейся животинѣ его можна було спознати, що оно еще не умерло, або по крайней мѣрѣ еще лише живеть послѣднимъ диханіемъ. Оттакъ повернулись они улицю и спинились надъ одnymъ бѣснующимся, который, увидѣвши у Андрѣя таку дорогоцѣнну кормъ, кинувся на него, мовъ тигръ, чепившился его, крича: »хлѣба!« Але силь у него не було рѣвныхъ бѣщенству; Андрѣй тронувъ его: и бѣль полетѣвъ на землю. Состраданіемъ взрушенъ, штурнувъ Андрѣй ему одинъ бохонецъ; а той на него кинувся мовъ скажена собака, погрызъ, покусавъ его, и тутже на улицѣ во страшныхъ судорогахъ отдавъ духа, отвыкши давно не пріимати корму до устъ. Почти за кождымъ шагомъ проражали ихъ страшніи жертвы голоду. Казалось, якъ будьто, не мога изтерпѣти мученій въ домахъ, многіи выбѣгали на улицю: чи не знайдется въ воздусѣ чого нибудь питающаго силы. У воротъ одного дома сидѣла старуха, и годѣ було за ню сказать, чи заснула она, чи умерла, чи просто

забулась: але она уже не чула и не видѣла ничего и опустивши голову на грудь сидѣла недвижима на однѣмъ мѣстци. Изъ крыши другого дому высыпало на посторонку зашморгнене, вытягнувшееся, высохле тѣло. Бѣдняка не мѣгъ знести до конця страданій голода, и лучше ему было произвольнымъ самоубийствомъ прискорити свою кончину. При видѣ такихъ поражающихъ свидѣтельствъ голоду, не вытерпѣвъ Андрѣй попытати Татарку: »Чи они уже во истину совсѣмъ ничо не нашли, чимъ бы ще удержати жизнь; если человѣкови пріѣде послѣдняя крайность, тогда и ничего дѣлать, онъ довженъ кормитися тымъ, що ему доси мерзилось: онъ може тогда живитися тыми творенями, котрѣ запрещенъ закономъ, все може тогда пойти въ снѣдь«.

»Все перейшли«, сказала Татарка: »всю скотину: ни коня, ни собаки, ни кота, ни даже мыши не найдешъ во всѣмъ городѣ. У насъ въ городѣ не бувало ніякихъ запасовъ: все привозилося изъ сель«.

»Но якже вы, умирая такою лютою смертію, все еще думаете обронити городъ?«

»Таже, оно може бути, же воевода и здавъ бы городъ, але вчера рано полковникъ, що въ Бужанахъ, пустивъ въ городъ ястреба съ письмомъ, щобъ не отдавали города що онъ иде на выруку съ полкомъ, та ожадає лише другого полковника, щобъ ити обомъ разомъ. И теперъ що хвилья ждуть ихъ... але отъ мы прїшли къ дому«.

Андрѣй уже зъ далека видѣвъ домъ, совсѣмъ не подобаюшій на другіи, якъ видѣлось, строенный якимъ нибудь италіянскимъ архитекторомъ: бувъ онъ ставленый изъ красивыхъ тонкихъ цеголь во

два подра. Окна нижного обиталища були уятіи въ высоко выстающи гранитні карнизы; все верхне подро состояло изъ невеликихъ луковъ составляючихъ галлерю; межи ними видній були рѣшетки съ гербами; на углахъ дому були такожъ гербы. Наружная широкая лѣствица, изъ крашеныхъ цеголь выходила на саму площеадь. Долгъ лѣствицъ сидѣло двохъ стражниковъ, котрій мовъ измальованій и сорозмѣрно держались одною рукою за стоявшіи биля нихъ алебарды, а другою пѣдрерили наклоненій головы и видѣлось, такимъ образомъ больше подобали на изваянія, якъ на живіи существа. Не спали они и не дрѣмали, но бачилось були бесчувствительній ко всему; они не звернули и уваги на тое, же ктось входивъ по лѣствицѣ.

Выйшовши вверхъ лѣствицѣ вздрѣли они болато убраного всего отъ ногъ до головы вооруженого воина, съ молитвенникомъ въ рукахъ. Онъ бувъ повѣвъ по нихъ утомлеными своими очима, але Татарка сказала ему одно слово, тай онъ опустивъ ихъ зновъ въ открытіи стороны своего молитвѣнника. Оттакъ вступили они въ первую комнату досить просторонную, которая служила пріимною или переднею; она була вся наповнена сидѣвшими въ розныхъ положеніяхъ пѣдъ стѣнами воинами, слугами, псырниками, пивничными и прочею дворнею, необходимою для показанія сана польского вельможи. Чути ще було чадъ загашеної свѣчки; двѣ другіи еще горѣли въ двохъ великанскихъ, о мало не въ чоловѣка въ завышки, пѣдсвѣчникахъ, стоявшихъ по серединѣ хаты, хотя уже давно черезъ закрачене широкое окно заглядавъ бѣлый день. Андрѣй уже бувъ хотѣвъ ити прямо въ широкую дубовую дверь, украшеную гербомъ и мно-

жествомъ рѣжныхъ оздѣбъ; але Татарка сѣпнула его за рукавъ и указала маленькую дверь въ боковой стѣнѣ. Тою вѣйши они на коридоръ, а оттакъ въ комнату, котру бѣ начавъ внимательно разглядовати. Свѣтло прозирающе скрбзы скалубину ставнѣ, ткнуло где що малиновый занавѣсь, позолоченый карнизъ и живопись на стѣнѣ. Тутъ Татарка казала Андрѣю остановитися, отчинила дверь въ другую комнатау, изъ которой блеснуло свѣтло огня.

Онъ учувъ шепотъ и тихій голосъ, отъ котрого все затремтѣло у него. Онъ видѣвъ скрбзы разтворену дверь якъ мелькнула быстро стройная женъсская особа съ довгою роскошною косою, спыавашою на подніяту руку. Татарка вернулась и казала вѣйти. Онъ того уже не тымивъ, якъ вѣйшовъ, и якъ за нимъ запералася дверь. Въ комнатѣ горѣли двѣ свѣчки, лямпа теплилася передъ образомъ; подъ нимъ стоявъ высокій столикъ, по обычаяу каѳолическому, со ступенками для приклоненія колѣнѣ во время молитвы. Але не того шукали очи его. Онъ повернувся въ другую сторону и увидѣвъ женщину, якъ казалось застыгшую и окаменѣвшую въ якомъсто быстромъ движениі. Видѣлось, якъ будьбы то собою хотѣла кинутися къ нему и вразъ остановилась. И бѣ остався также изъумленымъ передъ нею. Не такоюжъ бо выражавъ бѣ себѣ еи увидѣти: то була не она, не та сама, которую бѣ зналъ прежде; ничего не было въ ней подобающаго на туу самую; але во двое прекраснѣйша, чудеснѣйша була она теперь, якъ прежде; тогда было въ ней щось то не доконченого, недовершенного; теперь было то произведеніе, отъ котрого художникъ отнявъ послѣднюю кисть. Тамто

була прелестна, вѣтренная дѣва, тая була сама красавица, женщина во всей розвившоїся красѣ своей. Повное чувство выражалось въ еи поднятыхъ очехъ, не отрывки, не начерки, але все чувство. Еще слезы не успѣли въ нихъ высохнути и обвекли ихъ блищащею влагою, проникающою въ само ядро души; грудь, шея и плечи уялись въ тіи прекрасніи границѣ, котрый назначеній въ повнѣ розвившоїся красотѣ; волосье, котре прежде разносилось легкими кучерями по еи лицу и стелилось по лебедой шеи, теперь уялось въ густую роскошную косу, еиже часть була подобрана стяжками, а часть розплылась въ всю довжь руки и тонкими, довгими, прекрасно волнующимися волосами упадала на грудь: казалось, всѣ чёрты еи змѣнились до едной. Напрасно силувався онъ отглядѣти въ нихъ хоть одну изъ тыхъ, котрый носились въ его памяти; — но годѣ, ни одной. Хоть якъ велика була еи блѣднота, то она таки не помрачила чудесной красы еи, ба противно, придала еи щось такъ стремительное, неотразимо побѣдноносное. И ощущивъ Андрѣй въ своей душѣ благородѣйную боязнь и ставъ неподвиженъ передъ нею. Она, видѣлось такожь була поражена видомъ козака, стоявшаго передъ нею во всей красѣ юношеского мужества, котрый уже въ самѣй неподвижности своихъ членовъ обличавъ розвязнную вольность движеній; ясною твердью сверкало живе око его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣло лице жарѣло всею яркостю дѣвочаго огня, и якъ шовкъ лоснувся молодый черный усь.

»Нѣть, я не въ силахъничимъ отвѣдячити тобѣ великодушный рыцарю«, сказала она, и весь дрожавъ серебряный звукъ еи голоса. »Одинъ Богъ

може надгородити тобъ: нѣтъ, не менѣ то, слабой женщинѣ...» и опустила свои очи; прекрасными, снѣжными полукружьями надянулись на нихъ повѣки, охороненій довгими мовы стрѣлы, вѣсницами; наклонилося все чудесное лицо еи, и легкій румянецъ отѣнивъ его знизу. Не зная Андрѣй, что сказати на тое; онъ хотѣвъ бы выговорити все, что но есть на душѣ, выговорити такожъ такъ горячо, якъ оно було на душѣ — и не мѣгъ. Почувствовавъ онъ щось то, что загородило ему уста; звукъ лишився слова; почувствовавъ онъ, что не ему, воспитаному въ бурсѣ и въ военной кочевой жизни, отвѣчати на такіи рѣчи и сердився на свою козацкую натуру.

Въ тое время вѣйша въ комнату Татарка. Она уже успѣла накрасти крышками принесеного хлѣба, несла его на золотомъ блюдѣ и поставила передъ своею панною. Красавица глянула на ю, на хлѣбъ и возвела очи на Андрѣя — и много увидѣвъ Андрѣй въ солодкихъ очахъ тыхъ. Той умиленый взорокъ: въ немже изнеможенѣе и безсиліе выразити всѣ чувства, душу ей обнявши, бувъ больше доступенъ Андрѣю, якъ всякихъ словеса. Его душѣ зновъ стало легко; бачилось, все развязалось у него. Душевній движенія и чувства, котрій досиль будьто кто удержовавъ тяжкою уздою, теперь возрадовалися бути освобождеными, на волюпущеными и уже хотѣли выльятыся въ неукротыміи потоки словъ. Якъ вразъ красавица, обернувшись къ Татарцѣ, неспокойно запытала:

»А мама? ты отнесла еи?«

»Она спить.«

»А отцю?«

»Отнесла; онъ казавъ, что пріиде самъ благодарити рыцаря.«

Въ тѣмъ взяла она хлѣбъ и поднесла, щобъ укусити его къ роту. Съ неизъяснимымъ наслажданіемъ поглядавъ Андрѣй, якъ она ломала его пышными пальцами своими и ъла; и вразъ пригадавъ себѣ бѣснующагося отъ голода, который духа отдавъ въ очахъ его, проковкнуши кусокъ хлѣба. Онъ поблѣднѣвъ и схвативши еи за руку закликнувъ: «Досить, не ъжь больше! ты такъ давно не ъла, тобѣ хлѣбъ смертію буде.» И она опустила тутъ же свою руку; положила хлѣбъ на блюдо и мовь покорне дитя, дивилася ему въ очи. О нехайбы тое выразило хоть будь чie слово.... но не въ силѣ выразити ни рѣзець, ни кисть, ни высокомогучее слово того всего, что увидишъ часомъ въ воззроку дѣвы, ани такожъ того умильного чувства, которое оволодѣе глядящимъ въ такіи воззроки дѣвы.

»Царице души моей!« вскрикнувъ Андрѣй, повный сердечныхъ и душевныхъ и всякихъ избытковъ: »що лишь забажашъ, що лишь собѣ пригадашъ, прикажи менѣ! задай менѣ службу самую невозможную, якая только есть на свѣтѣ — я готовъ исполнити все! Скажи менѣ зробити, чого не въ силахъ здѣлати ни оденъ чоловѣкъ — я исполню, я погублю себе. Погублю, погублю! и погубити себе для тебе, клянусь святымъ крестомъ, менѣ такъ солидко, що.... але нѣтъ, годѣ сказать того! У мене три хуторы, половина табуновъ отцевскихъ мои, все, що принесла отцю мати моя, тай що отъ него складае она, — все мое! Нема ни у кого теперь изъ козаковъ нашихъ такого оружья, якъ у мене: за одну рукоять моей шаблошки даютъ менѣ лучшій табунъ и три тысячи овецъ. И всего того отрекуся, кину, вержу, сожгу затоплю, если скажешь лишь одно словечко, или только моргнешь своею тонкою,

чорною бровію! но знаю, що може бути, плету я пустії рѣчи и не до складу, та не иде менѣ, проведшому жизнь въ бурсѣ тай на Запорожью, моя бесьда такъ, якъ говорятьъ обычайно тамъ, где буваютъ королѣ, князи и все, что лишь есть лучшого въ великоможнѣмъ рыцарствѣ. Виджу, що ты иное творене Бога, нижели мы всѣ, и далекъ за тобою другіи боярскіи жены и дочки-дѣвицѣ.«

Съ возрастающимъ изумленiemъ, вся напружившись въ одинъ слухъ, не выпустивши ни одного словечка, слухала дѣвица отверстую, сердечную бесьду, въ котрой, мовь въ зеркалѣ, отражалась молодая, повная силь душа, и каждое простое словечко тои бесѣды, отдане голосомъ, изъ самого сердца проходящимъ, облеклося въ силу доборной бесѣды. И подалось впередъ все прекрасное лицо еи, она отгорнула далеко назадъ досадніи волосы, и довго глядѣла на него съ отвертими устами; потому хотѣла щось сказать и вразъ остановилась, и вспомнила, що совсѣмъ иное значенье ведеся зъ рыцаремъ, що отецъ, братя и вся отчина его стоять за нимъ строгими мстителями, що страшніи Запорожцѣ облагаютъ городъ, що лютой смерти въ жертву обречений всѣ они съ своимъ городомъ.... и око еи зновъ наповнилось слезами; она хопила шовкомъ вышиваный платокъ, накинула собѣ его на лицо, и въ хвилю ставъ онъ весь промокшій; и довго сидѣла, схиливши свою прекрасну голову назадъ, закусивши своими перловыми зубами коралевій уста мовбы даремно почула якое укушеніе ядовитой гадины, не здбаймаючи платка изъ лица, щоби не увидѣвъ рыцарь еи сокрушительной печали.

»Скажи женѣ лишь одно слово!« сказавъ Андрей и взявъ еи за атласную руку. Сверкаючій огонь

прошибъ его всѣ жилы отъ того, что лишь доткнувся, и стись руку, лежавшую безчувственно въ его руцѣ.

Але она мовчала, и не отнимала платка отъ лица, но оставалась неподвижна.

»Чому же ты такъ печалбешъ? скажи менѣ, чому ты печалбешъ?

Кинула она прѣдъ себѣ платокъ, отгорнула падающее на очи довгое волосье и вся розплылася въ жалостной бесѣдѣ, розказуючи тихимъ голосомъ, подобно тому, якъ вѣтеръ розколысавшись въ прекрасный погодный вечеръ, пробѣжитъ вразъ по гущи надводного тростника, — зашелестять, зазвучать и понесутся вразъ унывно тонкіи звуки, и ловить ихъ съ непонятною банностю остановившіяся пустникъ, не чуя погасающаго вечера, ни гомонящихъ веселыхъ спѣванокъ, изъ жнива поверташившихъ роботниковъ, ни отдаленого лотоку гдеъ тамъ проѣзжающаго воза.

»Чижъ не годна я, щобъ о мнѣ вѣчно сожалѣти? чижъ не нещастна ненька, що мя на свѣтъ породила? ахъ гёркая доля прїшла на мене!... Лютая судьбо моя! Всѣхъ ты укорила къ ногамъ моимъ: найдостойнѣйшихъ дворянъ изъ всѣго шляхетства, найбогатѣйшихъ пановъ, графовъ и чужоземныхъ бароновъ, и всѣхъ, що но есть цвѣту нашего рыцарства. Всякъ бувъ раднѣсбѣнкій мене любити, и за велике щастье бувъ бы собѣ почитавъ любовь мою. Лишь бы менѣ уподобалося махнути рукою, а самый краснѣйший лицемъ и уродою ставъ бы моимъ супругомъ. А ни одного полюбити не присудила менѣ лукава судьба моя, ни къ одному не гнулось сердце мое; ни заманене сердце мое, мимо найуродлившихъ витязей земли нашей, причароване къ чужому, къ ворогу нашому. За щоже Пречистая

Дѣво, Мати Божая! за якіи грѣхи, за якую тяжкую злобу такъ не умолимо и безпощадно гонишъ мя? Въ изобиліи и роскошныхъ збыткахъ всего летомъ минали дни мои: дорогіи одежи, солодкіи вина и вся-
кіи выгоды були достаткомъ на выплеканье моихъ бажливостей. И щожъ менѣ по тому всему? на що менѣ все оно?... Мабуть на тое, щобъ въ конци умерти лютою смертю, якою не умирає послѣдній нищій въ королевствѣ. Ба и мало ще того, що така страшна судьба моя, мало того, що передъ кончиною мою я буду видѣти, якъ неизтерпиміи муки подолъютъ отця и неньку мою, за котрыхъ я сто разъ рада отдать свою жизнь, щобъ ихъ спасти вѣдь страданія. — Мало всего того; менѣ нужно було ще передъ кончиною мою увидѣти его, учтуи слова любви якои я не зазнала, забажати не смѣла. Еще менѣ було треба, щобъ онъ своею бесѣдою въ куснѣ роздеравъ мое сердце, щобъ мое горе було ще разъ горше, щобъ еще больше жаловати моей молодой жизни, щобъ смерть моя бачилася ще страшнѣйшою, та щобъ умираючи я нарѣкала на дукаву судьбу мою и на тебе, прости мое прогрѣшеніе, святая Божая Матерь!«

Утихла и безнадеждное, та безнадеждное чувство отразилось въ лицѣ еи; нынющю грустью заговорила вся черта его, и все, вѣдь печально-поникшаго чола, и опустившихся очей, до слезъ, застигшихъ и засохшихъ на пламенно-горящихъ рожахъ, все видѣлось, говорило: »нема щастя на тѣмъ лицю!«

»Нѣ, ще сего не бувало въ свѣтѣ, не можно, нѣ, сему не бути«, казавъ Андрѣй: « щобъ сама найкрасивѣйша, найшляхетнѣйша изъ дѣвиць ненесла такую горкую долю, коли она родилася на тое, щобъ передъ нею, мовь передъ святынею, пре-

клонилось все, що лишь есть лучшого на свѣтѣ.
Нѣть, ты не умрешъ, не тебѣ умирati! клянусь
вѣрою и вѣрмъ, що лишь святе моей душѣ, ты не
умрешъ! А коли уже сему мае бути такъ, и ничѣмъ
ни силою, ни молитвою, ни мужествомъ не можъ
буде отклонити горкай судьбы, то мы вразъ обое
умремъ, и впередъ умру я, умру передъ тобою, у
твоихъ нѣгъ, и хибань уже умертвого мене розлучать
съ тобою.«

»Не обманывай, рыцарю, и себе и мене«, гово-
рила она, кивая своею прекрасною головою: »знаю
и про велике мое горе, знаю дуже добре, що тебѣ
нельзя любити мене, знаю я, якій довгъ и завѣтъ
твой: тебе взываютъ отецъ, товариши, отчина, —
а мы вороги тебѣ.«

»На що менѣ отецъ, товариши, отчина?« скажавъ Андрѣй, встрѣпнувши быстро головою и выпрямивши поставою, мовь буйный дубчакъ: »та коли уже такъ, то отъ що: нема у мене никого!
Никого, никогисѣнко!« повторивъ онъ упрямымъ
голосомъ, махнувши рукою якъ звычайно упругий,
несокрушимый козакъ выражаети рѣшиимость на дѣло
нечуване, невидане, лишь его незломнїй воль возможне. »Кто казавъ, що Украина моя отчина? отъ
кого я ею маю отчиною? Отчина у мене то, чого
душа бажа', чого сердце иська', що для него милѣйше
бѣль всего. Отчина моя — ты! Отъ то моя отчина!
Тую отчину понесу я въ сердцѣ моемъ, понесу еи, поки
стане мого вѣку, и побачу, нехай лишь кто нибудь изъ
козаковъ требуе вырвати еи отъ отсель! я все, що но
есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчину!«

На хвильку станувъ мовь врityй, а она будто
якъ чудесне божественнымъ духомъ одушевлене
созданіе исскусного ваятеля, заглянула ему въ очи

и вразъ розплакалась, зарыдала, и съ чудною женскою стремительностю, на якую бувае способна лишь одна безрозважно великодушна женщина, со-здана на страстне, сердечно любое движение, кинулась ему на шею, обнимала его нѣжными своими руками и зарыдала. Въ тое время розляглись на улицѣ мутніи крики и засурмѣли трубы, але Андрѣй не чувъ ихъ; онъ лише чувъ, якъ солодивіи уста обдавали его благованною теплотою своего дыханія, якъ зъ еи лица ручьями слезы розльялись по его лицу и розпущеное волосье разстелилось своимъ темнымъ и блещущимъ шовкомъ по нему.

Въ сейже часъ вбѣгла къ нимъ съ радостнымъ крикомъ служница Татарка: »Избавленій, избавленій мы!« кричала, ледви тямля що о собѣ:» нашій вѣшли въ городъ, привезли хлѣба, пшона, муки и звязаныхъ Запорожцѣвъ«. Но никто не чувъ изъ нихъ якіи »нашій« вѣшли въ городъ, що привезли съ собою и якихъ связали Запорожцѣвъ. Повный чувствъ, якихъ не кушавъ на семъ свѣтѣ, увесъ Андрѣй лишь цѣловавъ еи благованніи уста, онаже сама въ отвѣтъ вся потопилась въ цѣляхъ его лица. Ляснули уста и въ тѣмъ обоюдно сльяномъ поцѣлунѣ очутилось то, что одинъ только разъ въ жизни дася чувствовать чоловѣкови.

И погибъ козакъ! пропавъ для всего козацкого рыцарства! уже ему не видати больше ни Запорожья, ни батьковскихъ хуторовъ, ни церкви божой. Тай Українѣ уже невидѣти одного изъ самыхъ хоробрѣйшихъ сыновъ своихъ, которы принялись защищати ею!.... Вырве собѣ старый Таравъ не одинъ клапоть сивого волося изъ своей поважной чуприны и проклине и день и хвилю, которая породила ему на соромъ такого сына.

Андрѣй и дочка польскаго воеводи.

VII.

Шумъ и клекотъ заводився въ запорожскому табору. Зъ разу никто не мгъ того уторопати, якъ се лучилось, що войска прошли въ городъ. Ажъ геть-геть показалось, що увесь Переяславскій курень, расположенный передъ посторонними городскими воротами, бувъ пянъ мертвецки: стало ся уже.... годъ и чудоватись, що половина була побита, а друга ще передъ повязана. Зачемъ ближніи куренъ розбудились шумомъ, за чемъ успѣли скопитись, та взяти за оружіе, войско уже уходило въ ворота и послѣдніи ряды отстрѣливались дть напрасныхъ набѣговъ полусонныхъ и полуутверезыхъ Запорожцївъ. Кошовий давъ приказъ собратися всѣмъ и коли всѣ стали кругомъ него и замокли, снявши шапки, тогды онъ промовивъ такую рѣчъ:

»Такъ отъ щожъ, панове-братья, сталося сей ноchi? отъ до чого довѣвъ хмѣль! Отъ, якое поруганіе показавъ намъ непріятель! У васъ, бачу, уже таке заведеніе, коли позволишъ удвоити порцію, такъ вы готовы уже такъ нахлыстatisя, що ворогъ христового воинства не лише здойме зъ васъ шаравары, но и въ саме лицо вамъ начхае, такъ вы и того не учуете.

Козаки всѣ стояли понутивши головы, знаючи, що провинили; одинъ лише Назамайкѣвскій куреній атаманъ Кукубенько отозвався: »Погоди но

батьку!« сказавъ онъ: »хотя оно и не въ законѣ, щобъ сказать якое возраженіе, когда говоритъ кошовыи передъ лицемъ всего войска, та коли дѣло не таке було, то и нужно сказать. Ты не совсѣмъ справедливо попрекнувъ. Козаки булибы виннii и достойнii смерти, если бы напились въ походѣ, на вѣйнѣ, на труднѣй, тяжкѣй роботѣ; но мы сидѣли безъ дѣла, маячились на пусто передъ городомъ. Ни посту, ни другого христіянскаго воздержанья не було; якимъ же правомъ може бути, щобъ на бездѣліи не напився чоловѣкъ? Грѣха тутъ нема. — Але мы отъ лучше покажемо имъ, якъ то нападати на невинныхъ людей. Упередъ мы били добре, а теперъ побьемъ уже такъ, що и пять не унесуть домовъ.«

Рѣчъ куренного атамана подобалася козакамъ. Они уже поподнимали були совсѣмъ понутившиися головы, и многіи покивали головами съ досадою, говоря: »Добре сказавъ Кукубенько!« А Тарасъ Бульба, стоявшій недалеко самого кошоваго, сказавъ: »А що кошовыи, бачу, Кукубенько правду сказавъ! щоже ты скажешъ на тое?«

»Та щожъ скажу? скажу: блаженъ и отецъ родившій такого сына: та ще то не велика мудрость сказать сякъ такъ укорительне слово, але больша мудрость, сказать такое слово, котре не наругавшиися надъ бѣдою чоловѣка, разбудило бы его, придало бы духа ему, якъ острога придае, духа коню, освѣженному водопоемъ. Я самъ хотѣвъ сказать вамъ потому потѣшительне слово, та Кукубенько догадався упередъ.«

»Добре сказавъ кошовыи!« отзывалось въ рядахъ Запорожцѣвъ. »Доброе слово!« повторили други. И саміи сивіи, стоявшіи, мовь сизіи голубы,

и ті кивнули головою, моргнувши сивымъ усомъ,
тихо сказали: »добрѣ сказаное слово!«

»Теперь слухайтежъ панове!« продовжавъ ко-
шовий: »брати крѣпость, термоситись и подкопу-
ватись, якъ роблять чужоземніи нѣмецкіи генерали
— мара бы ихъ тамъ! и не прилично, и не козац-
кое дѣло. А судивши по тому, що есть, непріятель
войшовъ въ городъ съ небольшимъ запасомъ; во-
здовъ, щось було съ нимъ не много; нарбдъ въ го-
родѣ голодный, духомъ съѣсть, та такожъ и конямъ
тое.... уже я незнаю, хибань зъ неба кине имъ на
вилахъ якій нибудь ихъ святый.... только за тое,
то ще Богъ вѣсть, а ксьондзы у нихъ гараздъ лише
въ словахъ. Про одно або друге они уже выйдутъ
зъ города. Роздѣляйже ся всякий на три купы
и становивись на три дороги передъ трома во-
ротами. Передъ головными воротами пять куреней,
передъ другими по три куренѣ. Дядиновскій и Кор-
суньскій курень на засаду! Полковникъ Тарасъ
съ полкомъ на засаду; Тытаревскій и Тунношевскій
курень на запасъ зъ правого боку обоза; Щерби-
новскій и Стебликівскій верхній зъ лѣвого боку!
Та выбирайтесь съ ряду молодцѣ, котріи позуба-
стії на слова, задиратись съ непріятелемъ! У ляха
пустоголовая натура, сварнѣ не стерпить, и може
бути, ще сегодня хаохвативши свѣжимъ хлѣбомъ,
выйдутъ всѣ на прогоны изъ вордѣ. Куренній ата-
маны, всякий перегляди курень свой: у кого недо-
четъ, доповни его изъ Переяславскаго. Перегляди
все знова! Що перепились, дати на опохмѣлье
всѣмъ по чарцѣ и по хлѣбу на козака! Але знать
всякий еще вчерашнимъ сытъ, бо и ни куда дѣти
правды, почадились всѣ такъ, що ми чудно, якъ
ночью непукъ котрый. Та отъ ще одинъ наказъ:

если якій нибудь, шинкарь-жидъ, продасть козаку хоть одинъ кухоль сивухи, то я пробью ему со-бацѣ, на самый лобъ свинске ухо, и повѣшу горѣ ногами! До роботы же, братцѣ, до роботы!«

Такъ розпоряжалъ кошовый, и всѣ поклони-лись ему въ поясъ, и не наряжая шапокъ, отпра-вились къ своимъ возамъ и таборамъ, и отойшов-ши уже совсѣмъ далеко нарядили шапки. Всѣ начали прибератись: трибовали шаблѣ и палаши, насыпывали порохъ изъ мѣшкобъ въ порошницѣ, становили возы и выбирали коней. Отходя къ сво-му полку Тарасъ Бульба думавъ и не мѣгъ при-думати, куда дѣявався Андрѣй; чи полонили его ляхи разомъ съ другими и связали сонного чи що; толь-ко нѣ, не такій Андрѣй, щобъ отдався живымъ въ полонъ. Межи убитыми козаками такожъ не было его видно. Задумався крѣпко Тарасъ и ишовъ передъ полкомъ не зважаючи, же его давно кли-кавъ ктось по имени. »Кому треба мене?« обер-нувшись сказавъ. Передъ нимъ стоявъ Янкель.

»Пане полковнику, панъ полковникъ!« ска-завъ жидъ поспѣшнымъ и перерывистымъ голосомъ, будьто бы хотѣвъ объявити важне дѣло, та не пу-сте: »я бувъ въ городѣ, пане полковнику!«

Тарасъ зиркнувъ на жида и немало почудо-вався тому, що его бѣда и туда носила. »Якійже чортъ тебе занѣсь туда?«

»Я сейчасъ розкажу« сказавъ Янкель: »скоро лише учувъ я на досвѣтѣ шумъ, и козаки стали стрѣляти, то я ухопивъ каftанъ и не задягнувшись ще, побѣгъ туда швытко, дорогою уже я пакъ надягнувъ рукавы, бо хотѣвъ чимъ скорѣйше до-знатись, отъ чого той клекотъ, и чого козаки у досвѣта стали стрѣляти. Я взявъ и прибѣгъ къ са-

мымъ воротамъ города въ тое время, коли послѣдне войско входило въ городъ. Ажъ ту дивлюсь, кто — въ самомъ переду отряда панъ хорунжій Галяндовичъ. Онъ менѣ дуже знакомый; уже три роки тому задовживъ у мене сто червоныхъ; я за нимъ нѣбы то за тымъ, щобъ менѣ отдавъ довгъ, и вѣйшовъ такъ съ нимъ въ самый городъ».

»Якъ же ты, вѣйшовъ въ городъ, та ще доправлявся довгу!« сказавъ Тарасъ: и онъ не казавъ тебе повисѣти, якъ собаку?«

»Ахъ, ейбогу, хотѣвъ було повисѣти« отвѣчавъ жидъ, »уже пакъ було его слуги совсѣмъ схватили мене и закинули мотузокъ на шею, але я выпросився у пана, що підожду довгу, сколько онъ схоче и ще обѣцявъ дати въ займы, якъ лише поможе менѣ сдѣрати довги отъ другихъ рыцарей; бо то знаютъ панъ полковникъ, я все скажу панови: у пана хорунжого, хоть онъ, ему неуроки, великий панъ, такъ ни одного червонца при душѣ: у него есть хуторы, и осадьбы, и чотыре замки и степу до самого Шклова, та таки грошей у него, такъ якъ у козака, — катъ мае. И теперъ, кобы були не вооружили его Брацлавскій жиды, не було бы въ чёмъ ему на вѣйну выѣхати. Онъ тому и на сеймъ не бувъ...«

»Щожъ ты робивъ въ городѣ? видѣвъ есъ нашихъ?«

»А якже, нашихъ тамъ много: Ицикъ, Шмуль, Берешъ, жидъ арендарь...«

»Чортъ бы имъ всадився, собаки!« крикнувъ, разсердившись Тарасъ; »що ты менѣ пхаешь свое жидовское племя! я тебе пытаю про нашихъ Запорожцѣвъ!«

»Нашихъ Запорожцѣвъ не видѣвъ; але пакъ видѣвъ пана Андрѣя.«

»Андрѣя видѣвъ есь?« вскрикнувъ Тарасъ: »щожъ онъ? гдесть видѣвъ его? въ касаматѣ? въ ямѣ? обезчещенъ? связанъ?«

»Борони Боже: кто бы смѣвъ связати пана Андрѣя! онъ теперь такій важный рыцарь же ну.... далибугъ, я не познавъ. И наплечники золоті, и на поясѣ золото, и всюди золото, и все золото: такъ якъ сонце взгляне весною, коли въ огородѣ всякая пташка пищить и поетъ, и всякая трава пахнетъ, такъ и онъ весь сіяе въ золотѣ, и коня ему давъ воевода що найлучшого пойдь верхъ: двѣстѣ червоныхъ стоять одинъ коњъ.«

Бульба задеревѣвъ. »Зачемъ же онъ надягнувъ чужую барву?«

»За тымъ, що лучше, про тое надягнувъ. И самъ проѣзжаєся и другіи проѣзжаются и онъ учить, и его учать, онъ собѣ якъ найбогатшій ляцкій панъ.«

»Кто жъ его присиловавъ?«

»Та я пакъ не говорю, щобъ его кто присиловавъ. Хибань панъ полковникъ не знаютъ, що онъ по своей волѣ перешовъ къ нимъ?«

»Кто перешовъ?«

»Ну, панъ Андрѣй!«

»Куда перешовъ?«

»Ну, та перешовъ на ихъ сторону; онъ вже теперь совсѣмъ къ нимъ приставъ.«

»Брешешъ, ты свиняче ухо!«

»Якже можно, щобъ я брехавъ? або я дурный, щобъ я брехавъ? та щобъ на свою голову набрехавъ; або я не знаю, що жида повѣсять якъ собаку, коли онъ збреше передъ паномъ.«

»Якъ же, то на тое выходитъ же онъ продавъ отчину и вѣру?«

»Гмъ, яжь бо пакъ того не говорю, же онъ що продавъ, я сказавъ только, що онъ перешовъ къ нимъ.

»Брешешъ, чортовъ жиде! такого дѣла не було на христіанской землѣ! ты туманишъ, собако!«

»Нехай трава поросте на моимъ порозѣ, коли я туманю! нехай всякий наплюе на грѣбъ моего отца, моей матери, свекра, отца моего отца и отца моей матери, коли я туманю. Если панъ полковникъ, схочтять, то я скажу, чого онъ перешовъ къ нимъ.«

»Чогожъ?«

»У воеводы есть дочка красавица, ай, ай, ай, милый Боже! яка красавица!« — Тутъ жидъ постарався, що лишь мѣгъ прискалившъ око и скрививши ротъ выражити цѣлу красоту воеводянки.

»Ну, такъ щожъ изъ того?«

»Ну, онъ учинивъ для неи все и перешовъ. Коли человѣкъ влюбится, то ему все рѣвно; онъ якъ пѣдоша, коли размочишъ въ водѣ, возьми, согни — она и согнется.«

Крѣпко задумався Тарасъ отъ такой бесѣды. Прішло ему на тѣмку, що то велика власть женщины, що многихъ сильныхъ погубила она, що податлива въ той сторонѣ природа Андрѣя и стоявъ сердека довго мовъ вкованый, на однѣмъ мѣстѣ.

»Послухайте, панъ полковникъ, я все пану роскажу,« говоривъ жидъ: »я, якъ лише почувъ шумъ и увидѣвъ, що проходять въ ворота, то я вхопивъ съ собою нитку жемчуги, думаю оно здастся, бо въ городѣ есть красавицѣ и дворянки; а коли есть красавицѣ и дворянки, сказавъ я про себѣ, то хоть имъ юсти нема що, а жемчугъ, коралъ все-

таки куплять. И якъ только хорунжого слуги мене пустили, я побѣгъ въ воеводинъ двбръ продавати жемчугъ. Выпытахъ все у служницѣ Татарки: буде весѣлье сейчасъ, якъ только проженутъ Запорожцѣвъ. Панъ Андрѣй обѣцявъ, прогнати Запорожцѣвъ.«

»И ты не убивъ его на мѣстци, чортова сына крикнувъ Бульба.«

»За щожъ пакъ его убивати? онъ перейшовъ по доброй волѣ. Що онъ виноватъ? тамъ ему лучше; туда и перейшовъ.«

»И ты видѣвъ его зъ самого лица?«

»Ейбогу зъ самого лица! такій славный воинъ, показнѣйши всѣхъ. Дай ему Боже здоровье, мене заразъ познавъ; а якъ я прїшовъ до него, сейчасъ казавъ...«

»Щожъ онъ сказавъ?«

»Онъ сказавъ, — впередъ кивнувъ пальцемъ а потому сказавъ: Янкель! А я сказавъ: »Панъ Андрѣй!« »Янкель скажи отцу, скажи брату, скажи козакамъ, скажи Запорожцямъ, скажи всѣмъ, що отецъ менѣ теперь не отецъ, братъ уже братъ, товаришъ не товаришъ, и що я съ ними буду битись со всѣми, со всѣми буду битись!«

»Брешешъ, чортовъ Юдо!« — закричавъ въ злости Тарасъ: »брешешъ собако! Ты и Христа ропаявъ, богомъ проклятый чоловѣче! Я тебе убью, сатано! утѣкай отси, бо тебѣ тутъ и смерть.« То сказавши Тарасъ выхопивъ шаблю. Испужаный жидъ гей же! — на утѣкача, удеравъ, що могли тонкіи, сухіи лытки выскочити. И довго ще бѣжалъ онъ, не оглядаясь по межи козацкимъ тaborомъ, и ще далеко чистымъ полемъ, хотя Тарасъ совсѣмъ не гнавъ за нимъ, розгадавши що нерозумно, запальчивымъ бути на всяко, кто лишь въ руки попадеся.

Теперь ему зъ очей злѣзли полуды и онъ собѣ пригадавъ, что видѣвъ въ минувшую ночь Андрѣя, проходившаго по табору съ якоюсь то женщиною и опустивъ голову; а все ще не хотѣвъ вѣрити, щобы могло случитись таке погане дѣло, и щобы властный сынъ его продавъ вѣру и душу.

На конецъ повѣвъ онъ свой полкъ въ засаду и скрывся съ нимъ за лѣсомъ, котрый бувъ еще неспаленый козаками. А Запорожцѣ и пѣши и конніи, выступали на три дороги къ тромъ воротамъ. Одинъ курень за другимъ валился: Уманьскій, Поповическій, Каневскій, Стебликовскій, Незамайковскій, Гургуздѣвъ, Тытаревскій, Тымошевскій. Одного лишь Переяславскаго не было. Крѣпко подпили собѣ козаки его, тай пропили свою долю. Кто проснувшись связанный во вражихъ рукахъ, а кто не пробуркавшись сонный перейшовъ въ сырью землю, и самъ атаманъ Глѣбъ, безъ шараваръ и верхней одежи, очутився въ ляцкихъ рукахъ.

И въ городѣ почули козацкое движенѣе. Всѣ, мовь пчоли, высыпалися на валъ — и представилася козакамъ живая картина: польскіи витязѣ, одинъ другого красшій, одинъ другого лучшій, стояли на валу. Мѣдяніи шишаки сяли, якъ солнце, та все бѣлыми китицями закосичены. На другихъ були легкіи рогатіи шапочки, червоніи и синіи, съ верхами спадающими на бакеръ. Кунтушѣ съ откидными рукавами, золотомъ и шнурками вышивани. Шаблѣ и оружья въ дорогихъ оправахъ, за котрой дорого переплачивали паны, и много було всякихъ другихъ убранствъ.

Изъ самого переду стоявъ, въ красной шапцѣ, въ самомъ золотѣ, Буджаковскій капитанъ. Засадистый то панъ бувъ той полковникъ, за всѣхъ

высшій и товстѣйшій, и широкій, дорогій жупанъ ледви мѣстивъ въ собѣ его вельможе. На другой сторонѣ, при самыхъ боковыхъ воротахъ, стоявъ другій капитанъ, невеличкій, худощавый человѣкъ; але маліи, зоркі очи живо поглядали изъ подъ густыхъ бровъ, и вертѣвся жваво на всѣ стороны, всказывая метко тонкою, сухою рукою, роздавая приказы; видно було, же хотя малый тѣломъ, зная днъ хорошо ратную науку. Недалеко отъ него стоявъ хорунжій довгій-довгій, съ густыми усами, и выдѣлось, не збувало ему краски въ лицѣ: любивъ панъ крѣпкіи меды и шумніи бенькеты. И много было видно за ними всякои шляхты, вооружившоися то за свои червонцѣ, то за королевскіи, то за жидовскіи гроши, заставивши все, что лишь найшлось въ дѣдовскихъ замкахъ. Не мало было и всякихъ сенаторскихъ лизуновъ, которыхъ брали съ собою сенаторы на обѣды для почету и котрій часомъ крали изъ стола и изъ буфетовъ серебряніи кубки и тосля сегодняшнаго почету на другой день садились на козлы, поганяти конѣ у якого нибудь пана. Много тамъ всякихъ было. Бувало и напитись ни откиль было взяти, а на войну все таки принарядилось. Козацкіи ряды стояли тихо передъ стѣнами. Не было на нихъ ни на кимъ золота, только хибань где куда блеснуло оно на шабельныхъ рукоятьяхъ и оружныхъ оправахъ. Не любили козаки богато наряжатися на битвахъ; простіи були на нихъ кольчуги и свиты, и далеко чорнѣли и червонѣли, чорніи червоно-верхіи ихъ шапки.

Два козаки выѣхали пвередъ изъ запорожскихъ рядовъ. Одинъ еще со всѣмъ молодой, другой прыстарый, оба зазубастіи на слова, на дѣлѣ таожъ не лedaщо козаки: Охримъ Нашъ и Микита

Голокопитенько. Слѣдомъ за ними выѣхавъ и Демидъ Поповичъ, коренястый козакъ: уже давно маячивъ онъ на Сѣчѣ, бувъ підъ Адріянополемъ и много претерпѣвъ въ своемъ житью: горѣвъ въ огни и прибѣгъ на Сѣчь съ обсмаленою головою и усами. И вылизався зновъ Поповичъ, запустивъ оселедецъ, выросли и уса густіи и чорніи, якъ смоль, а крѣпокъ бувъ на Ѣдкое слово.

»А, бачу, красній жупаны на вашемъ войску годѣ що и казати, та хотѣвбы я знати, чи красная сила у того войска?«

»Отъ я васъ!« кричавъ зъ верху грубый капитанъ: »всѣхъ повязжу! отдавайте, хлопы! оружья и коней. А бачилисьте, якъ я повязавъ вашихъ? Выведѣть имъ^к на валъ Запорожцѣвъ!« И вывели на валъ личаками повязаныхъ Запорожцѣвъ, а изъ самого переду куреного атамана Глѣба, безъ шароваръ и верхней одежи, таки якъ схватили его були пьянѣсѣнъкого. И понуривъ въ землю голову бѣдный атаманъ, стыдясь наготы своей передъ своими козаками, тай того, что попався въ неволю, мовъ невѣста, сонный. За одну ночь посивѣла крѣпкая голова его.

»Не печались Глѣбе! выручимо!« кликали ему снизу козаки.

»Не печались брате!« отозвався куренный атаманъ Бородатый: »въ тѣмъ не твоя вина; що схватили тебе голого; бувае то всякому человѣку; но, глянь, имъ стыдно, що выставили тебе, нѣбы на соромъ, не прикрывши прилично наготы твоей.«

»Вы, бачу, на сонныхъ людей хоробре войско?« сказавъ, поглядая на валъ, Голокопытенько.

»Ой погодѣте, обрѣжемъ мы вамъ чубы!« кричали имъ зверухъ.

»А хотѣвбы я побачити, якъ они намъ обрѣжутъ чубы!« говоривъ Поповичъ, повернувшись передъ ними на кони, а потому зиркнувши на своихъ, сказавъ : »А щожъ може бути, ляхи и правду говорятъ : коли выведе ихъ на поле той пузатый капитанъ, буде имъ всѣмъ добрая зъ него защита«.

»А то якъ се ты думаешьъ, що буде имъ добра зъ него защита?« сказали козаки, знаючи, що Поповичъ приготовився уже съ чимъ нибудь добрымъ.

»А щожъ, та позадъ него упрячеся все войско, и погоди, чорта съѣбъсь, чи изъ за его пуга досягнешъ якого ляшка ратищемъ!« Всѣ засмѣялись козаки ; и довго многіи держались за животы отъ реготу, и казали : »ну вже то Поповичъ ! уже коли днъ кому досадить слово, такъ только ну...!« — Та уже не сказали козаки що такое »ну«.

»Отступайте, отступайте борзо отъ стѣнъ!« закричавъ кошовий; и дѣйстно, казалось, ляхи не выдержали єдкого слова, и полковникъ махнувъ рукою. Ледви отступились козаки, якъ гріянутъ зъ валу картечью. Засуетились на валу, показався самъ сивый воевода на кони. Ворота отчинились и выступило войско. Упередъ выѣхали ровнымъ коннымъ строемъ гусары, за ними кольчужники (панцирники), потому латники съ копьями, потому всѣ въ мѣдныхъ шоломкахъ, потому єхали лучшіи шляхтичі, каждый по своему одѣтый. Не хотѣли гордіи шляхтичі вмѣшатись въ ряды съ другими, и который немавъ ніякого начальства, той єхавъ одинъ съ своими чурами. Потому опять ряды, и за ними выѣхавъ хорунжій, за ними зновъ ряды, и выѣхавъ дужій капитанъ, а позаду всего уже войска выѣхавъ послѣдній низенъкій полковникъ.

»Не давай имъ ! не давай имъ строитися и ста-

новитися въ ряды !« кричавъ кошовый : »разомъ напирайте на нихъ усѣ куренѣ ! Оставляйте прочіе ворота ! Тытаревскій курень нападай зъ боку ! Дядьковскій курень нападай изъ другого ! Напирайте на тыль Кукубенько и Паливода ! Мѣшайте, мѣшайте и рознѣте ихъ !«

И ударили изъ всѣхъ сторонъ козаки, сбили и смѣшали ляховъ и сами смѣшались. Ба недали и стрѣлбы допустити ; пошло дѣло на мечи и на ратища : все на рукопашъ. Всѣ сбились въ купу, и каждому случилось, показати себе. Демидъ По-

повичъ трохъ заколовъ простыхъ и двохъ лучшихъ шляхтичей зваливъ зъ коней : »Отъ добріи конѣ ! Такихъ коней я давно хотѣвъ дѣстati«. И выгнавъ

коней далеко въ поле, та кричавъ щобъ переняли. Потому зновъ кинувся въ гурму, напавъ опять на повалену изъ коней шляхту, одного убивъ, а другому накинувъ арканъ на шею, привязавъ къ сѣду и поволѣкъ по всему полю, знявши зъ него впередь шаблю съ дорогою рукоятью и отвязавши отъ пояса цѣлый чересь съ червонцами. Кобита, добрый и еще молодый козакъ, ставъ такожъ съ однимъ изъ хоробрѣйшихъ въ польскомъ войску боротись, и довго бились они. Збішлись уже въ рукопашь, и козакъ бувъ уже подолѣвъ, тай ударивъ острымъ турецкимъ ножемъ въ грудь. Но не остерѣгся и самъ: тутъ же въ саму голову лопнула его горячая куля. Зваливъ его якійсь значнѣйшій изъ пановъ, красивый и древного княжеского рода рыцарь. Якъ стройная смерека, носився онъ на буландѣ кони своемъ. И много уже показавъ боярского богатырского удальства: двохъ Запорожцѣвъ разрубавъ на двое, Федора Коржа, доброго козака, перекинувъ разомъ съ конемъ, выстрѣливъ въ коня, а козака досягнувъ копьемъ изъ за коня; многимъ постигавъ головы, поваливъ козака Кобиту, кулею задавши въ високъ. »Отъ тебѣ хлопяка: съ нимъ менѣ попробовать силы!« закричавъ Незамайковскій куренный атаманъ Кукубенько. Припустивъ коня, нагнавъ прямо ему изъ заду и сильно вскрикнувъ, такъ, что вздрогнули всѣ близь стоящіи отъ нечоловѣческого крику. Хотѣвъ бувъ ляхъ повернути коня и поставитись ему въ лицѣ; но не послухавъ кднъ; испужаный страшнымъ крикомъ метнувшись на сторону, и тутъ дѣставъ его Кукубенько кулею своего ружья. Застрягла ему куля межи лопатки и онъ звалився зъ коня. Но и ту не поддався ляхъ, все еще силився сягнути ворога, але ослабла рука

и упала вразъ съ шаблею. А Кукубенько, взяви
въ обѣ руки свой тяжелый палашъ, загнувъ ему
его въ самое поблѣднѣвшое лицо. Розплатавъ па-
лашъ чоло, вышибъ два переднія зубы, розсѣкъ на
двоє языка, разбивъ горловый позвонокъ и загнався
далеко въ землю. Такъ пришибъ онъ его на вѣки
къ сырой землѣ, и высокая дворянская кровь по-
красила весь золотомъ вышиваный дорогій контушъ.
А Кукубенько уже кинувъ его и пробивъ съ сво-
ими Незамайковцями въ другую сторону. »Ехъ
лишивъ, та не переглянувъ таке дороге убранство«,
сказавъ Уманьскій куренный Бородатый, отѣзжая
отъ своихъ къ мѣстцу, где лежавъ убитый Куку-
бенькомъ шляхтичъ. »Я семохъ убивъ шляхтичей
свою рукою, а така одежда не попалася менѣ на
встрѣчъ ни на кимъ.« И польстився корыстю Бо-
родатый, нагнувшись, щобъ изняти изъ него дорогую
добичу, вынявъ уже турецкій кинжалъ въ оправѣ
изъ дорогоцѣнныхъ каменѣвъ, отвязавъ отъ пояса
чересъ съ червонцами, изнявъ зъ груди тобовку
красной роботы, серебромъ вышиваной съ дѣвочими
кучерями, сковаными на незабудь. И не потямысь
Бородатый, якъ наѣхавъ на него изъ заду червоно-
носый хорунжій, той самый, что онъ его уже разъ
зваливъ зъ коня и добре почастувавъ шаблюкою.
Розмахнувшись ляхъ со всеми силы и затягъ шаблею
по шей, same коли она нагнулась. Не на добре повелась
корысть: отскочила сильная голова и упавъ обезголов-
ленный трупъ, далеко скропивши кровью землю. По-
неслась къ вышинамъ хоробрая козацкая душа, хму-
рясь и негодуя и разомъ дивуясь, что такъ рано вылетѣла
изъ такъ крѣпкого тѣла. Не успѣвъ хорунжій ух-
ватити за чубъ атаманскую голову, щобъ ею привя-
зати къ сѣду, а уже бувъ тутъ и страшный мститель.

Якъ коли плавающій въ небесахъ ястрѣбъ,
покруживши много по воздуху своею хваткою крылами,
и уносившись въ высотѣ, вразъ розѣстивши се-
редъ воздуха остановится на одномъ южнѣцци, и
стрѣлою вержеся на розкричавшагося самца пер-
пела; такъ Тарасовъ сынъ Остапъ злетѣлъ на
хорунжого и до разу накинувъ ему на шею посто-
ронокъ. Посинѣло здорове красне лице хорунжого,
якъ зашморгнула ему горло жестокая петля: схва-
тився ще за пистолеть, але судорожно зведена
рука не годна була направити выстрѣла и даромъ
полетѣла куля въ поле. Остапъ отвязавши у куль-
баки шовковый мотузокъ, що возивъ его зъ собою
хорунжій для вязаня плѣнныхъ, связавъ ему тымже
руки и ноги, причепивъ конецъ къ своей кульбацѣ
и поволѣкъ его черезъ поле, упоминая по дорозѣ
козаковъ Уманскаго куреня, щобъ ишли отдати
послѣдную честь атаману. Якъ почули Уманцѣ,
що куренного ихъ атамана въ живыхъ уже нема,
кинули поле битвы и прибѣгли приберати тѣло его,
и тутже стали совѣтовати, кого выбрать на ку-
ренного. Наконецъ сказали: »Та на що совѣтовати :
лучше не можно поставить въ куренніи, якъ Буль-
бенка Остапа: онъ правда за всѣхъ насть молод-
шій, але розумъ въ него якъ у старого чоловѣка«.

Остапъ изнявъ шапку, и поклонивши бла-
годаривъ козаковъ товарищай за честь, не отка-
зовався ни на молодость, ни на молодой розумъ,
знаючи, що время военне и не до того теперь;
але тутже заразъ повѣвъ ихъ до гущї и уже онъ
показавъ имъ всѣмъ, що не даромъ его выбрали
въ атамани. Побачили ляхи, що дѣло уже стано-
вилось same жарке, отступили, и перебѣгли поле,
щобъ собратись на другомъ кônци. А низенький

капитанъ ^{старшина} мажнувъ на стоявшій отдѣльно у самыхъ воротъ ^{сторонъ} чотирь ^{сторонъ} свѣжіи сотнѣ, и грянули отси картечью на ко- ^{сторонъ} цкіи купы; но мало кого дѣстали: кулѣ ^{сторонъ} сягну ^{сторонъ} и быкѣвъ козацкихъ, дико поглядавшихъ ^{сторонъ} витву. Заревѣли изпужаній волы, повернули ^{сторонъ} на козацкіи таборы, поломали и многихъ ^{сторонъ} допали. Але Тарасъ, въ той же часъ вырвавшись изъ засады съ своимъ полкомъ, съ крыкомъ кинувся на переймы. Повернулось назадъ все бѣшене стадо, изпужане крикомъ и метнулось на ляшкіи ^{сторонъ} полки, опрокинуло конницю, всѣхъ смяло и розсыпало.

»О, здоровій були волы!« радовались Запорожцѣ: »служилисьте доси походную службу, а теперь и военную отслужилисьте«. И ударили новыми силами на непріятеля. Много тогда побили вороговъ. Многіи показали себѣ: Метелица, Шило, оба Писаренки, Вовтузенько, и не мало було всякихъ другихъ. Увидѣли ляхи, что круто на конецъ выходитъ, выставили хоруговъ и закричали отворяти городскіи ворота. Со скрипомъ отворились желѣзніи ворота и приняли толпы утѣкающихъ, мовь ѿвцѣвъ ѿвчарню, изнуреныхъ и пилью покрытыхъ єздцѣвъ. Многіи изъ Запорожцѣвъ погнались були за ними, лише Остапъ своихъ Уманьцѣвъ остановивъ, сказавши: »Здалеку, здалеку, панове братя, отъ стѣнь! не годится близъко подходить къ нимъ«. И правду сказавъ, бо за хвильку якъ грянуло и посыпали всѣмъ, чимъ ся не попало, и многимъ дѣсталось. Въ той часъ подъѣхавъ кошовый и похваливъ Остапа, сказавши: »Отъ новый отаманъ, а веде войско, якбы старый!« Оглянувшись старый Тарасъ подивитись, якій то тамъ новый атаманъ, що его похваляютъ, и увидѣвъ,

що на чолѣ Уманъцѣвъ, гулявъ на кони Остапъ, и шапка заломлена на бакеръ и атаманьска, а булава въ руцѣ. »Бачь якій ты!« сказавъ онъ, поглядая на него, и урадовався старый и ставъ благодарити всѣхъ Уманцѣвъ, що сынови его такую честь оказали.

Козаки зновъ отступили, готовясь ити въ тaborы, а на городскому валу показались ляхи уже съ пошарпаными плащами. Запеклася кровь на многихъ дорогихъ жупанахъ и пыломъ покрылись красиїи мѣдяніи шоломки.

»А що повязали?« кричали имъ знизу Запорожцѣ. »Отъ я васъ!« кричавъ зверху грубый капитанъ, показуючи мотузокъ; и все ще не переставали грозити запыленіи, изнуреніи воины, и перекидали съ обохъ сторонъ самими Ѣдкими словами.

Наконецъ роздйшлисъ всѣ. Одни протягнулись отыхати, утомившись отъ бою; другіи присыпали землею свои раны и дерли на перевязки платки зъ дорогои одежи, изнятой зъ убитого непріятеля. Іншіи, котрій були свѣжшіи, стали приберати тѣла и отдавати имъ послѣднюю почесть. Палашами, ратищами копали ямы, шапками, приполами носили перстъ, сложили честно козацкіи тѣла и засыпали ихъ свѣжою землею, щобъ недосталось воронамъ и хищнымъ птицямъ выпивать ихъ очи. А ляшскіи тѣла привязали, якъ попалось, и по десять къ хвостамъ дикихъ коней и пустили ихъ по всему полю и ще довго уганялись за ними и хлястали паровинами по бокамъ. Летѣли бѣшеніи конѣ по бороздамъ и горбамъ, черезъ ровы и потоки, и розбивались о землю кровью и порохомъ покрытіи ляшскіи трупы.

Потому сѣли кругами всѣ куренъ вечеромъ и довго розказовали одинъ другому о своихъ дѣлахъ и подвигахъ на вѣчный розсказъ пришелцямъ и потомству. Довго не клались они спати; а за всѣхъ довше не клався старый Тарасъ, все розмышляя, щобъ значило, же Андрѣя не было межи ворогами. Чи не мавъ Юда смѣлости выступити противъ своихъ, чи обманувъ жидъ, и попався онъ таки просто въ неволю. Але заразъ пригадавъ онъ собѣ, що сердце Андрѣя не въ мѣру было наклончиве на женскіи рѣчи, почувствовавъ скорбь и заклявся сильно въ душѣ противъ ляшки, очаровавшой его сына. И бувъ бы онъ выполнавъ свою клятву; не поглянувъ бы онъ на еи красоту, выташивъ бы еи за густую, пышную косу, поволѣкъ бы еи за собою по всему полю, помеже всѣхъ козаковъ. Избились бы о землю, закипѣли кровью покрывшись пылью, еи чудніи груди и плечай, блескомъ ровніи нетаящимъ снѣгамъ, що покрываютъ саміи вершины горъ, рознесъ бы онъ въ куски еи пышное, прекрасное тѣло. Але Бульба не зновъ того, яке завтра Богъ для него готовить, и ставъ забуватись сномъ и на конецъ заснувъ. А козаки все еще говорили промежъ собою и стражъ стояла всю ноћъ у огней, приглядаясь пристально во всѣ кѣнцѣ, тверезо и не спуская очей.

VIII.

Еще сонце не дойшло до половины неба, якъ всѣ Запорожцѣ сѣбрались въ купу. Извъ Сѣчи прѣйшла вѣсть, что Татары, во время отлучки козаковъ, ограбили въ ней все, вырыли скарбъ, который въ тайнѣ держали козаки подъ землею, побили, то забрали въ неволю всѣхъ, котріи були остались, и со всѣми забраными стадами и табунами направили путь прямо къ Перекопу. Одинъ лише козакъ Максимъ Голодухъ, вырвався на дорозѣ изъ татарскихъ рукъ, заколовъ мирузу, отвязавъ у него мушонку съ цехинами, и на татарскому кони, въ татарской одеждѣ, повтора дня и двѣ ночи уходивъ погони, загнавъ на смерть коня: пересѣвъ на другого, загнавъ и того, и уже на третомъ приѣхавъ въ Запорожскій таборъ, розвѣдавши по дорозѣ, что Запорожцѣ були подъ Дубномъ. Лише успѣвъ днъ розказати, что за лихо случилось; але отъ чого оно дойшло, чи запилися були оставшияся Запорожцѣ по козацкому обычая, и пьяными отдались въ полонъ, и якъ дѣзнали Татары мѣстце, где бувъ зарытый войсковый скарбъ.— того всего не сказавъ днъ. Сильно утомившися козакъ, обпухъ весь, лице опалилось вѣтромъ; кинувся днъ на землю и заснувъ крѣпкимъ сномъ.

Въ такихъ случаяхъ водилося у Запорожцѣвъ погнатися въ тужъ хвилю за ворогами, щобъ ихъ

настигнути ще на дорозѣ, бо плѣнніи якъ стой могли очутитися на базарахъ Малої Азії, въ Смирнѣ, на Критскомъ островѣ и Богъ знає въ якихъ мѣстахъ не показовали бы ся чубатіи запорожскіи головы. Ото про тое собрались Запорожцѣ. Всѣ до одного стояли они въ шапкахъ, про тое, что прійшли не на тое, щобъ слухати по начальству атаманскій приказъ, але совѣщоватись, якъ ровніи межи собою. »Давай совѣтъ старшино!« закричали толпы: »Давай совѣтъ кошовый!« говорили другіи. И кошовый, знявши шапку, уже не такъ якъ начальникъ, але якъ товаришъ благодаривъ всѣхъ козаковъ за честь и сказавъ: Много есть межи нами старшихъ и совѣтомъ умнѣйшихъ; але коли мене уже почтились, то мой совѣтъ не теряти, товариши времени и за Татариномъ на вздохонъ; ибо вы сами знаете, що за чоловѣкъ Татаринъ: онъ не стане съ награбленымъ добромъ ожидати, ажъ мы прійдемо, але гнетъ разтриняе его такъ, що и слѣду не знайдешъ. Такъ мой совѣтъ: ити. Мы тутъ уже погуляли. Дали ляхамъ познати, що е козаки! за вѣру, сколько було въ силахъ, отомстили, корысти же зъ голодного города не много. И такъ мой совѣтъ: ити.«

»Ити!« розляглось громко въ запорожскихъ куреняхъ. Лише Тарасу Бульбѣ не по гадцѣ прійшли такіи слова и онъ натягнувъ ще низше на очи свои хмурніи, зchorна бѣліи бровы, подобніи малинникови на высокомъ хребтѣ горы, на котрому осѣвъ густый осѣнний шпильчастый иней.

»Нѣть, кошовый, лихій твой совѣтъ!« сказавъ онъ: »тобѣ не такъ говорити; ты, бачу, позабувъ, що въ неволѣ остаются нашій, захваченіи ляхами? Ты хочешъ, бачу, щобъ мы не уважали первого

святого закона товарищества, та бы оставили на-
шихъ братій на тое, щобъ зъ нихъ живцемъ здерли
кожу, або почвертовавши на части козацкое тѣло,
розвозили бы ихъ по городамъ, селамъ, якъ уже
починили они съ гетьманомъ и лучшими рускими
вытязами на Украинѣ. Хибань мало они поругались
и безъ того надъ святынею? Абожъ то мы якоб-
скій? пытаю я васъ всѣхъ; що за козакъ той, ко-
торый кинувъ бы въ бѣдѣ товариша, кинувъ бы
его, мовь собаку, пропадати въ чужинѣ? Коли уже
на тое пойшло, що всякий въ ни на що пустивъ
козацкую честь, позволивши собѣ плюнути на сѣ-
дї усы свои и себѣ попрекати обиднимъ словомъ,
такъ мене же не укорить никто. Одинъ остаюсь.«

Поколибались вся козачня, поглянувъ одинъ
на другого.

»А хибань ты забувъ, бравый полковнику,«
сказавъ тогди кошовий: »що у Татаръ въ рукахъ
такожъ наші товариші, що если мы теперь ихъ
не выручимо, то жизнъ ихъ буде продана на вѣчную
неволю поганскую, а то есть горше всякои лютой
смерти; позабувъ хибань, що у нихъ теперь вся
казна наша, добытая христіянскою кровью?«

Задумались всѣ козаки и незнали що сказати.
Нікому изъ нихъ не хотѣлось имя козацкое згань-
бити. Тогди вийшовъ впередъ всѣхъ найстарѣйший
вѣкомъ во всѣмъ запорожскому вѣйску Касянь
Бовдюгъ. Въ чести бувъ онъ у всѣхъ козаковъ;
два разы вже выберали его кошовымъ и на вѣйнахъ
такожъ бувъ сильно добрый козакъ, но уже давно
постарѣвся и не бувавъ ни въ якихъ походахъ, не
любивъ такожъ совѣтівъ давати никому, лишь лю-
бивъ старий вѣчно лежати локтемъ подпершися
у козацкихъ кругобѣй, и прислуховатися розсказамъ

про всякую бувальщину и козацкій походы. Николи онъ не мѣшався въ ихъ рѣчи, а все лише слухавъ, та жолобавъ пальцемъ въ своей коротенькой люльцѣ, которой изъ рота не выпускавъ и довго сидѣвъ онъ потому прижмуривші злегка очи, и не знати було, чи онъ спавъ, чи все еще слухавъ. Всѣ походы оставався онъ дома; на сей разъ розбрало старого. Махнувъ рукою по козацки и сказавъ: »Гей хлопцѣ! пôду и я, може въ чемъ нибудь буду пригоденъ козачеству!« — Всѣ козаки притихли, коли онъ теперь выступивъ передъ собраніе, бо давно уже не чули отъ него ніякого слова. Всякій хотѣвъ знати, що скаже Бовдюгъ. — »Прійшла и менѣ очередь сказать слово, панове братя« такъ онъ начавъ: »послушайте, дѣти, старого. Мудро сказавъ кошовий, и якъ голова козацкого войска, обвязанный перестерегати его и печися о войсковомъ скарбѣ, мудрѣйшаго онъ не мôгъ ничего сказать. Отъ щожъ! Сесе нехай буде первая моя рѣчъ: а теперь послушайте, що скаже моя другая рѣчъ: великую правду сказавъ такожъ и полковникъ Тарасъ, дай Боже ему прожити довгій вѣкъ, и щобъ такихъ полковниковъ було много на Украинѣ! Первый довгъ и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько живу на свѣтѣ, не чувъ я, панове братя, щобъ козакъ покинувъ где, або продавъ якъ нибудь своего товариша. И тіи другіи намъ товариши, — чи тамъ ихъ больше, чи менше, все ровно, всѣ намъ дорогіи. Такъ отъ такая моя рѣчъ: тіи, котрымъ миліи захваченіи Татарами, нехай отправляются за Татарами; а котрымъ миліи ляхами занятии въ неволю, и котріи не хотятъ оставляти правого дѣла, нехай остаются. Кошовий по своей довжности пойде съ одною половиною за Татарами, а другая половина

выбере собѣ наказнаго атамана. А наказнымъ атаманомъ, коли хотите послухати бѣлои головы, уже никому другому бути, якъ лише одному Тарасови Бульбѣ. Нема изъ нась никого рѣвного ему въ до-
бласти.«

Такъ сказавъ Бовдюгъ и замовкъ, и обрадо-
валися всѣ козаки, что ихъ старый такимъ совѣтомъ
на умъ навѣвъ. Всѣ кинули въ гору шапками и за-
кричали: »Спасибогъ тебѣ, батьку! мовчавъ ѿнъ,
мовчавъ довго, та отъ и сказавъ наконецъ: не да-
ромъ ѿнъ говоривъ, выбираясь въ походъ, що при-
годится козачеству; такъ отъ и якъ пригодивсь!«

»Щожъ согласній вы на тое?« спытавъ ко-
шовий.

»Всѣ согласній!« закричали козаки.

»Такъ по сему и бути радѣ конецъ?«

»Конецъ радѣ!« кричали козаки.

Слухайтежъ теперь войскового приказа, дѣти,
сказавъ кошовий, выступивъ на передъ, нарядивъ
шапку, а всѣ Запорожцѣ, сколько ихъ було, изняли
свои шапки и остались съ непокрытыми головами;
потупивши очи въ землю, якъ бувало всегда межи
козаками, коли сбираўся що говорити старшій. »Те-
перь отдѣляйтесь панове братъя! кто хоче ити,
ступай на правую сторону, кто остается, перейди
на лѣвую, куда большая часть куреня переходитъ,
туда и лишня; коли меншая часть переходитъ, при-
ставай къ другимъ куренямъ.

И отъ стали переходити то на правую, то на
лѣвую сторону. Котрого куреня большая часть пе-
реходила, туда и куренный атаманъ переходивъ,
котрого меншая часть, то приставали къ другимъ
куренямъ: и выпало безъ малу не по рѣвному на
всякой сторонѣ. Захотѣли оставитися: весь безъ

малу Незамайковскій курень, большая половина Поповического куреня, весь Уманьскій курень, весь Каневскій курень, большая половина Стебликівскаго куреня большая половина Тымошевскаго куреня. Всѣ оставшия возвались ити на вздогонъ за Татарами. Много было на обоихъ сторонахъ дерзкихъ, хоробрыхъ козаковъ. Меже тыми, шо рѣшились ити вслѣдъ за Татарами, бувъ Череватый, добрый старый козакъ, Покотиполи, Лемышъ, Прокоповичъ, Хома; Демидъ Поповичъ такожъ перешовъ туда, бо бувъ дуже завзятого нрава козакъ, и не мѣгъ довго высидѣти на мѣстци, съ ляхами онъ уже по-пробовавъ дѣла, такъ захотѣлось ще съ Татарами. Куренніи атаманы були Ностюганъ, Покрышка, Невымскій, и много ще другихъ славныхъ и хоробрыхъ козаковъ захотѣли попробовать меча и могущаго плеча въ захватцѣ съ Татариномъ.

Не мало было такожъ славныхъ и хоробрыхъ козаковъ меже тыми, котріи захотѣли остатися: куренніи Демытровичъ, Кукубенько, Вертихвостъ, Баланъ, Бульбенько Остапъ. Потому много было ще другихъ именитыхъ и крепкихъ козаковъ: Вовтузенько, Черевиченко, Степанъ Гуска, Микола Густый, Задорожный, Метелица, Иванъ Закрутигуба, Мосѣй Шило, Дегтяренко, Сидоренько, Писаренько, потомъ другій Писаренько, потдмъ ще Писаренько и много было другихъ добрыхъ козаковъ. Всѣ були бувальскіи; ходили по анатольскимъ берегамъ, по крымскимъ солончакамъ и степамъ, по всѣмъ рѣкамъ, большимъ и меньшимъ, котрый впадали въ Днѣпръ, по всѣмъ походамъ и днѣпровскимъ островамъ; бувиали въ молдавской, волошской, и турецкой землѣ; и зѣвздили все Чорное Море двокермовыми казацкими човнами, нападали въ пятьде-

сять човнѣвъ на богатіи и превысокіи кораблѣ; пе-
ретопили не мало турецкихъ галерѣвъ и много-много
выстрѣляли пороху въ своимъ вѣку; не разъ драли
на онучи дороги паволоки и аксамиты; не разъ
чересы поверхъ штанныхъ учкуровъ набивали са-
мыми чистыми цехинами. А сколько всякой зѣ нихъ
пропивъ и прогулявъ добра, якого бы другому стало
на всю жизнь, тому и щета не було. Все пустили
по козацки, угощая весь міръ и нанимаючи музику,
щобъ все веселилось, що но есть на свѣтѣ. Ще и
теперь мало у кого изъ нихъ не було закопаного
добра; горнецъ серебряныхъ ковшей и запястей по
комышахъ на днѣпровскихъ островахъ, щобъ не
довелось Татарину найти его, если бы въ случаю
нешастья, удалось ему напасти въ розполохъ на
Сѣчъ; але трудно було бы Татарину найти, бо самъ
хозянинъ ставъ забувати, въ котрѣмъ мѣстци закоп-
авъ его. Такіи то були козаки, що захотѣли оста-
тися и отомстити ляхамъ за вѣрныхъ товаришей
и Христову вѣру! Старому Бовдюгу захотѣлось та-
жѣ остатися зѣ ними: »Теперь не такіи мои лѣта
щобъ гонитися за Татарами; та и тутъ есть мѣстце
отпочити доброю козацкою смертью. Давно уже
просивъ я Бога, щобъ если прыиде кончити жизнь,
то щобы скончити на вѣйнѣ за святе христіянське
дѣло. Такъ оно и случилось. Славнѣйшой кончины
не буде вже нигде для старого козака.«

Коли уже роздѣлились всѣ и стали на двѣ сто-
роны въ два ряды куренями, кошовий перешовъ
по межѣ рядами и сказавъ: »А що, панове братя,
довольний одна сторона другою?«

»Всѣ довольный, батьку!« отвѣчали козаки.

»Ну такъ поцѣлуйтесь же и отдайте одинъ дру-
гому прощенье, бо Богъ знае, чи пригодится вамъ

въ жизни ще коли увидѣтися. Слухайте вашего атамана, а дѣлайте то, що сами знаете; сами знаете, що велитъ козацкая честь.«

И всѣ козаки, сколько ихъ было, перецѣловались межи собою. Начали первіи атаманы, и повѣвши рукою сивіи свои усы, поцѣловались на вкrestъ и потомъ, взявши за руки и держа крѣпко, бачилось, хотѣвъ одинъ другого спытати: »а що, пане брате, увидимся ще, чи уже не увидимся?« та и не спытали, замовчали и загадались обѣ сивіи головы. А козаки всѣ до одного прощалися, знаючи, що много буде роботы однимъ и другимъ; але однакожъ не розлучились въ тойже часъ, але, ажъ дождали темной ночи, щобъ не дати непрѣятелю увидѣти, що убуло козацкого войска. Потому всѣ отправились въ куренѣ обѣдати. Посля обѣда всѣ, котрымъ было въ дорогу ити, лягли отдыхати и спали крѣпко и довгимъ сномъ, якъ бы причували, що може уже послѣдного сну поведеся имъ покушати на такої свободѣ. Спали ажъ доки солнце закотилося; и якъ зайшло солнце и трохи потемнѣло, стали мастити возы. Выбравши, пустили впередъ возы, а сами, пошапковавши ще разъ съ товаришами, тихо пойшли вслѣдъ за возами, кѣннота чинно безъ крику и посвисту на коней, злегка затопотала вслѣдъ за пѣшими и небавомъ стало ихъ невидно въ темнотѣ. Глухо отдавався только кѣнскій топотъ, та скрыпъ где якого колеса, котре ще не розходилось, або не було добре підмащено про ночную темноту.

Довго ще товаришъ, що ся остали, махали имъ изъ даля руками, хотя не було ничего видно. А коли вернулись на свои мѣстца и увидѣли при ясныхъ звѣздахъ, що половины возовъ нема, що многихъ, многихъ уже не було, невесело стало у всякого на

сердци, и всѣ задумались противъ воли, потупивши
въ землю свои гулячніи головы.

Тарасъ увидѣвъ, якъ смутніи стали козацкіи
ряды и якъ горесть, неприличная хоробрымъ, стали
тихо обнимати козацкіи головы; але мовчавъ, днъ
хотѣвъ дати время всему, щобъ звыклисъ они съ бан-
ностію, наведеною прощаньемъ съ товаришами; тым-
часомъ готовився въ тишинѣ разомъ розбудити ихъ
всѣхъ, гукнувші по козацки, щобъ зновъ и съ боль-
шою силою, якъ впередъ, вернуласъ бодрость кож-
дому въ душу, на що способна одна лише славян-
ска порода, широка и могучая порода, передъ дру-
гими то, що море передъ мѣлкими рѣками. Коли
время бурливое, все перевертаесь оно ревомъ и гро-
момъ, жбураля и поднимая волны, якъ подняти ихъ
годѣ безсильнымъ рѣкамъ. А коли беззвѣтенно ти-
хо, яснѣйше за всѣ рѣки розстеляе оно свою не-
объятную склянную поверхность, вѣчную нѣгу очей.

И повелѣвъ Тарасъ своимъ слугамъ розпако-
вати одинъ возъ, стоявшій особнякомъ. Большій
и сильнѣйшій днъ бувъ отъ всѣхъ другихъ
въ козацкому таборѣ; подвѣйною шиною були об-
тягнутіи ободястіи колеса, сильно наметано було
терху, укрѣтый ряднами, крѣпкими воловыми ко-
жами и обвязанъ туго засмоленымъ мотузьемъ.
Въ возѣ були боклаги и бочевки старого доброго
вина, котре довго стояло у Тараса въ подземницахъ.
Взявъ днъ собѣ его про запасъ на торжественный
случай, щобъ если случится великая доба, и буде
всѣмъ предстояти дѣло, достойне памяти потомкѣвъ
то щобы всякому козаку, до одного, дѣсталось
 выпити завѣтного вина, щобъ въ великую хвилю
 великое чувство оволодѣло чоловѣкомъ. — Учуши
 полковничій приказъ, слуги кинулись къ возамъ,

перерѣзовали палашами тугое мотузье, здоймили грубій воловій кожи и рядна и таскали зъ воза боклаги и бочевки.

»Ану ! берѣте всѣ«, сказавъ Тарасъ : »всѣ, сколько васъ есть, берѣтъ, що у кого есть : кавушъ чи черпакъ, що нимъ поищъ коня, рукавицю або шапку, а коли не туди, то и просто подставляй пригоршнїкъ.«

И козаки всѣ, сколько ихъ ни було, брали у кого бувъ кавушъ, то кавушъ, у кого черпакъ, то черпакъ, що нимъ поивъ коня, то рукавицию, то шапку, а гдекотрї подставляли и пригоршнїкъ. Всѣмъ имъ слуги Тарасовий, ходящи помежъ рядами, наливали изъ боклаговъ и бочевокъ. Но не казавъ Тарасъ пити, поки не дастъ знаку, щобъ выпити всѣмъ разомъ. Видно було, же онъ хотѣвъ щось сказати. Знавъ Тарасъ, же якъ сильне само изъ себе старе вино, и якъ способно оно укрѣпити духъ чоловѣка, такъ коли ему еще добрымъ словомъ догодишь, такъ вдвое крѣпчая стане сила вина и духа.

»Я угощаю васъ, панове братъя!« такъ сказавъ Тарасъ : »не во честь того, що вы наставили мене атаманомъ, хотя се великая честь, не во честь такожъ прощеня съ нашими товаришами : нѣть, другимъ часомъ погодится и тое и другое ; но теперь не такая доба передъ нами. Передъ нами дѣло великого поту, великої козацкої доблести! И такъ выпьемъ товаришъ, разомъ, выпьемъ упередъ всего за святую православную вѣру, щобъ прїйшло наконецъ тое время, щобъ по всему свѣту розйтись и всюди бы була одна святая вѣра, и всѣ, сколько лишь есть бисурмановъ, та щобъ всѣ учинились христіянами ! Та за однимъ уже разомъ

выпьемъ иза Сѣчъ, щобъ довго она стояла на погибель всему бисурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ неи молодцѣ одинъ другого лучшій, одинъ другого красшій. Та уже разомъ выпьемъ и за нашу общественную славу, щобъ сказали внуки и сыны тыхъ внуковъ, что були колысъ такіи, котрый не постыдали товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, панове братья, за вѣру ! «

»За вѣру!« загомонѣли всѣ въ близшихъ рядахъ, густыми голосами. »За вѣру« подхватили дальшіи — и все, что но було, и старое и молодое, выпило за вѣру.

»За Сѣчъ!« сказавъ Тарасъ и высоко надъ головою поднявъ руку.

»За Сѣчъ!« отдалося густо въ передныхъ рядахъ. »За Сѣчъ!« сказали тихо старіи, моргнувши сивымъ усомъ; и встрепенувшись, якъ молодіи соколы, повторили молодіи : »За Сѣчъ!« И слухало далече поле, якъ поминали козаки свою святую Сѣчъ.

»Теперь послѣдній глотокъ, товаришъ, за славу и всѣхъ христіянъ, якіи живутъ на свѣтѣ !

И всѣ козаки до послѣднаго выпили послѣдній глотокъ »за славу и всѣхъ христіянъ, якіи лишь суть на свѣтѣ!« И довго ще повторялось по всѣмъ рядамъ помежъ всѣми куренями : за всѣхъ христіянъ, якіи лишь суть на свѣтѣ«.

Уже пусто было въ кавушахъ, а все ще стояли козаки, поднявши руки, хоть весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просиявшіи виномъ, то таки сильно задумались они. Не о корысти, не о военной добычѣ теперь думали они, не о тѣмъ, кому пощастится набрати червонцѣвъ, дорогое оружья, вышиванныхъ жупановъ и черкесскихъ коней ; але задумались они, мовъ

брлы, съвшіи на вершинахъ скалистыхъ горъ, обрывистыхъ, высокихъ бердъ, зъ которыхъ далеко видно розстеляющеся безконечне море, усыпане мовь дрбными птицами, такъ галерами, кораблями и всякими суднами, огороженое по сторонахъ тонкими ледви видными поморями, съ прибережными якъ мушки, городами и склонившимися, якъ мала травиця лѣсами. Якъ брлы сизопѣріи обзирали они окресть себе очами все поле и чорнѣющуся въ дали судьбу свою. Буде, охъ! буде все поле съ облогами и дорогами покрыто ихъ бѣлыми костями, щедро обмывшись ихъ козацкою кровью, и покрывшись обломками розбитыхъ воздвѣ и трѣсками перерозколотыхъ шабель и ратицей; далеко розкинутся чубатыи головы съ завернутыми и запечеными въ крови чубами и спущеными въ низъ усами; будутъ брлы налѣтати, выдерати, выпивать изъ нихъ козацкіи очи. Но добро великое въ такой широко, далеко вольно розметаной смертной отпочивѣ! не погибае ни одно велиководное дѣло, и не пропаде козацкая слава якъ малая порошинка зъ оружной цѣвки. Буде, знайдется бандуристы, съ сивою на грудь сплывающою бородою, а може и повный зреялого мужества, але сѣдоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скаже онъ про нихъ свое густое, могучое слово. И пойде, загремитъ загуде, генъ — генъ загомонитъ по всему свѣту ихъ слава, и все, що лишь зъ матери народится, бесѣдоватиме, спѣватиме, ихъ славу; ой бо далеко розносится могучое слово, будучи подобнымъ гудящому спѣжови церковного звона, въ который звѣнникъ много повергъ дорогого, чистого серебра, щобъ далече по городахъ, хуторахъ, селахъ и палатахъ розносився красный звукъ, взываючи всѣхъ ровно на молитву за всѣхъ и за вся.

IX.

Въ городѣ не дѣзновався никто, що половина Запорожцѣвъ пустилась за Татарами на вздохонь. Лише зъ ратушной вежи замѣтили стражи, же часть возѣвъ потягнулась за лѣсъ, але они думали, що козаки готовилися зробити засаду ; французскій инжинѣръ такожъ такъ думавъ; а тымъ часомъ слово кошового не пойшло даромъ, и въ городѣ оказался недостатокъ живностей : бувало бо давныхъ вѣкѣвъ войска не оглядались добре, сколько имъ буде треба. Попробовали они выступомъ пробитись, але бѣльша половина смѣльчаковъ погибла отъ козацкого оружья. Жиды однако не безъ пользы вернулись изъ выступу, они пронюхали все : куда и за чимъ отправились Запорожцѣ, котріи именно куренѣ, съ якими начальниками, и сколько ихъ числомъ осталось на мѣстци и що они думаютъ дѣлати ; словомъ, черезъ колька хвиль въ городѣ уже все знали.

Полковники зхаменулись и готовились дати сраженіе. Тарасъ видѣвъ уже тое по движенью и торкотѣ въ городѣ, и розторопно дogleядавъ, строивъ, дававъ приказы и наказы, уставивъ куренѣ въ три таборы, казавъ обставити ихъ возами по прѣмѣру крѣпостей, родъ битвы, въ котрой бували не побѣдимыми Запорожцѣ : двомъ куренямъ повелѣвъ забратися въ засаду ; набивъ часть поля острѣмъ кольемъ, поломанымъ оружiemъ, обломками рати-

щей, щобъ при случаю загнati туда непріятельскую конноту. И коли уже все было готове, якъ треба, сказавъ рѣчъ козакамъ, не для того, щобъ имъ додати охоты и освѣжити ихъ; онъ зновъ, що и безъ того они крѣпки духовъ; але такъ просто, ему самому хотѣлось изнурити все, що лишь було на сердцю.

»Хочу я^т вамъ сказать, панове братъя, що то такое есть наше товарищество. Вы чували отъ цѣвъ и дѣдовъ, въ якой чести у всѣхъ була земля наша; и Грекамъ дала познати себе, и зъ Цариграда брала червонцъ, и города були пышні, и храмы, и князъ руского рода, свои князъ, а не чужіи ляцкіи недовѣрки. Все взялі бисурманы, все пропало; лише остались мы сиріи, якъ та вдовиця посля свого крѣпкого мужа бѣдная, такъ же якъ и мы, такъ и земля наша! Отъ въ такое время подали мы, товаришъ, руку на братство; отъ на тѣмъ стоить наше товарищество! Отецъ любить свое дитя, мати любить свое дитя, дитя любить отця и матеръ; но се не то, братцъ, любить бо и звѣрь свое дитя! але породнитися родствомъ по душѣ, а не по крови, може одинъ только чоловѣкъ. Бували и въ чужихъ земляхъ товаришъ, но такихъ, якъ въ рускѣй землѣ, не було товаришей. Вамъ случалось не одному не мало пропадати на чужинѣ; видишъ; и тамъ люде! такожъ божій чоловѣкъ, и побесѣдуешъ съ нимъ, якъ изъ своимъ; но якъ дойде уже до того, щобъ сказать ему сердечное слово — такъ нѣть! умніи люде, та не тіи; такоже люде, та не тіи! нѣть братцъ! такъ любити, якъ козацка душа любить, любити не то, щобъ умомъ, або чимъ другимъ, але всѣмъ, чимъ давъ Богъ, що лишь есть въ тобѣ-охъ!...« сказавъ Тарасъ и махнувъ рукою, и потрясь сивою

головою, и усомъ моргнувъ, и каже: »Нѣть, такъ любити никто не може! Знаю я, подло завелось теперь въ землѣ нашой: думаютъ лише, щобъ у нихъ були стоги та стырты, та кѣннї табуни ихъ, та щобъ були цѣлі въ подземныя хъ запечатаніи меды ихъ: перенимаютъ, чортъ знае, якіи бисурманскіи обичаи; гнушаются языккомъ своимъ; свой зъ своимъ не хочеговорити; свой своего продае, якъ продаются бездушную вещь на торговицѣ. Милость чужого короля, та ще и не короля, а скудную милость польского магната, который жовтымъ своимъ чботомъ бье ихъ въ морду, дорожша имъ бѣть всякаго братства; но и у послѣдного подлюки, якій онъ тамъ есть, хотя весь извалявся въ пылу и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцѣ, хоть крихотка руского чувства; погодѣть проснется онъ колинибудь, и ударится онъ, сердешный, о полы руками, схватить себе за голову, проклявши громко, подлую жизнь свою, готовый муками искупити плюгавое дѣло. Нехайже знаютъ они всѣ, что такое значитъ въ рускѣ землѣ козацке товарищество. Уже, коли на тое пойшло, щобъ умирати, такъ никому зъ нихъ не доведется такъ умирати! никому, никому! негодна того нечестива ихъ душа.«

Такъ говоривъ атаманъ, и коли уже скончивъ свою рѣчь, все еще потрясавъ посивѣвшою въ козацкихъ дѣлахъ головою; всѣхъ, кто лишь слухавъ, розобрала сильно такая рѣчь, дойшла до самого сердца, саміи старшіи въ рядахъ стояли неподвижній, потупивши сивіи головы въ землю; слеза тихо закрутилась въ зрѣницѣ и покотилась по лицю; тихо отирали еи рукавомъ, и потому всѣ якъ бы смывившись, махнули вразъ рукою и потрясли бувалыми головами. Знать, бачу, много напомнувъ имъ

старый Тарасъ знакомого и лучшого, що бувае на сердцю у чоловѣка, котрый горемъ, трудомъ, удальствомъ и всякимъ невзгодьемъ жизни добивався розуму, або хотя и не дознавъ ихъ, но много почувъ молодою, женчужною душою на вѣчную радость старцямъ родителямъ, породившимъ ихъ.

А зъ города уже выступали непріятельскій войска, гремѣли въ сурмы и трубы, и подбоченившись, выѣжали паны, окружениіи безчисленными слугами. Товстый капитанъ роздаваль приказы. И стали они быстро наступати на козацкіи таборы, грозячи, прикладаючись до рушницъ, сверкаючи очами и блестячи мѣдяными приборами. Но козаки, лишь увидѣли, що подбѣшли на выстрѣль, всѣ разомъ гранинули въ семипядніи пищалѣ, и неперерывно все палили изъ цѣвокъ. Далеко понѣсся громкій лоскотъ по всѣхъ поляхъ и нивахъ, сливаясь въ одинъ гомонъ; дымомъ закурилося все поле; а Запорожцѣ все палили и не отыхаючи: задніи лише набивали, та передавали переднимъ, що непріятель ажъ изумѣвъ, не могши поняти, якъ стрѣляли козаки, не заряжая рушницъ. Уже за великимъ дымомъ, обнявшимъ одно и другое воинство, не было видно, якъ то одного, то другого не становило въ рядахъ; але почули ляхи, що густо летѣли кулѣ и жарке становилось дѣло; а коли усунулись назадъ, отъ дыму и оглядѣлися, то увидѣли, що много не доставало въ рядахъ; а у козаковъ може быти, другій третій бувъ убитый на всю сотню. И все не переставали козаки палити изъ самопаловъ, не даючи ни на хвильку отпочинку. Самъ чужеземный инжинѣръ почудовався не мало такої, николи не виданої тактицѣ, и сказалъ при всѣхъ: «Браво! молодцѣ, Запорожцѣ! отъ такъ нужно и другимъ битись въ другихъ земляхъ!» И давъ совѣтъ

повернути тутъ же на таборъ пушки. Тяжело ревнули широкими горлами желѣзніи пушки; вздрогнулась далеко земля, загудѣвши въ двое болѣе затягнулось все поле дымомъ. Занюхали запахъ пороха середъ площадей и улицъ въ близкихъ и далекихъ городахъ. Но пушкарѣ взяли трохи высоко, и розжареній ядра въ стрѣльбѣ пошли высоко дугою, засвиставши страшно по воздуху, перелѣли черезъ головы всего тaborа и застрягли далеко въ землю, взоравши и подметнувшіи высоко на воздухъ чорную землицю. Ухопивъ себѣ за волосье французскій инженеръ, увидѣвши таке неискусство и самъ принявся наводити пушки, не зважая на тое, же жарили и сыпали кулями безпрерывно козаки.

Тарасть видѣвъ ще зъ далеку, что бѣда буде всему Незамайкѣвскому и Стебликѣвскому куреню, и крикнувъ громко: «Выберайтесь скорѣйше изъ за возовъ и садись всякий на коня!» Але не успѣли бы були козаки тое здѣлати, если бы Остапъ не ударивъ бувъ въ самую середину: выбивъ онъ лунты у шести пушкарей; у четырохъ лише не мѣгъ выбити; отогнали его ляхи. А тымчасомъ чужеземный капитанъ самъ взявъ въ руку лунть, щобъ выпалити изъ наибольшой пушки, якой козаки ще доси и не видали. Грозно поставилась она широкою пащею своею и тысячи смертей выглядало изъ неї. И якъ грянула она, а за нею въ слѣдъ три другіи, четырекротно стряслась земля и глухо отвѣтно задуднѣла — и много они наѣсли горя! Не по однѣмъ козаку зарыдае старая мати, ударитъ себѣ костистыми руками по дряхлыхъ персахъ; не одна останется вдовиця въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и иныхъ городахъ. Буде, сердечная выбѣгати всякий день на

базарь, спиняти всѣхъ проходящихъ, розпѣзнавати каждого изъ нихъ въ очи, чи нема межи ними милого друга; але много перейде черезъ городъ всякого войска и вѣчно не буде межи ними того, за которымъ еи сердце тужитъ, усыхае.

Пропала половина Незамайковскаго куреня, такъ, мовь бы то ей и не було! якъ градомъ тяжка туча нагле вымолотыть ниву, котра мовь повноважными червонцами красуется повнымъ колосомъ, такъ выбило, выстелило Незамайковцѣвъ.

Якъ же прочуняются козаки! якъ не кинутся всѣ! якъ не закипитъ куренный атаманъ Кукубенько, увидѣвши, що лучшой половины его куреня катъ має! такъ отъ и вбився съ своими послѣдними Незамайковцами въ саму середину, въ гнѣвѣ изсѣкъ въ капусту, кто ему попався, многихъ конниковъ збивъ зъ коня, дѣставши ратищемъ и ъздця и коня, пробрався къ самимъ пушкарямъ, и уже отбивъ одну пушку; а уже тамъ, видить садится Уманський куренный атаманъ, и Степанъ Гуска уже отбивъ головную пушку. Оставилъ онъ тамъ тыхъ козаковъ, а самъ повернувшись въ другую непріятельскую гущу; такъ куда перешли Незамайковцѣ, такъ тамъ и улицы! куда повернулись — такъ тамъ и переулокъ! Такъ и видно, якъ рѣдились ряды и снопами валились ляхи! А у самыхъ возовъ Вовтузенько, а зъ переду Черевиченъко, а у дальшихъ возовъ Дегтяренъко, а за нимъ куренный атаманъ Вертихвостъ; а всѣ бьють — молотятъ, що ажъ земля стогне. Дегтяренъко двохъ уже шляхтичей поднявъ на спису, тай напавъ на третьего, якогось неподатливого. И крѣпкій и моторный бувъ ляхъ, пышною зброю укращенъ, а пятьдесятъ самыхъ слугъ вѣвъ съ собою. Погнувъ онъ сильно Дегтяренъка, сбивъ его

на землю и уже, замахнувшись на него шаблюкою, кричавъ: »Нема межъ вами, собачіи козаки, ни одного, щобъ противъ мене поставитись годенъ бувъ.«

»А отъ же есть!« сказавъ Мосѣй Шило и выступивъ на передъ. Сильный бо то бувъ козакъ, не разъ атаманствовавъ на морѣ и много бѣды зазнавъ въ свѣтѣ. Схватили були ихъ Турки у самого Трапезонта и всѣхъ забрали були въ неволю на галеры, руки и ноги заковали желѣзными цѣпями, по цѣлымъ недѣлямъ не давали пшона и поили просивною морскою водою. Все знесли, вытерпѣли бѣдніи невольники, лишь бы не змѣняти православной вѣры. Ой, не вытерпѣвъ же атаманъ Мосѣй Шило, подоптавъ ногами святый законъ, скверною чалмою обвивъ грѣшную голову, вѣйшовъ въ довѣренность у паши, ставъ ключникомъ на кораблѣ и старшимъ надъ всѣми невольниками. Много опечалились на тое бѣдніи невольники; бо знали, что если свѣтой прѣдасть вѣру и пристане до угнетателей, то тяжше и горше бути пѣдъ его рукою; такъ исталось. Всѣхъ посадивъ Мосѣй Шило въ новіи пута по три въ рядъ, прикрутивъ мотузье до самыхъ бѣлыхъ костей, тай набився не мало по хребтѣ. И коли Турки, урадовавшись, що дѣстали собѣ такого слугу, стали гуляти и забувши законъ свѣтой, всѣ попились, то онъ принѣсь всѣ шестьдесятъ чотири ключи и роздавъ невольникамъ, щобъ себе отмыкали, пута и кайданы въ море метали, а за шаблѣ брали, та щобъ Туркѣвъ въ пень рубали.

Много тогди козаки набрали добычи и вернулись со славою въ отчину, и довго бандуристы прославляли Мосѣя Шила. Выбрали бы були его въ кошовіи, та бо бувъ совсѣмъ чудный козакъ.

Одного разу вымудровавъ таке дѣло, якого найропумнѣйшому не выдумати, а другій разъ просто дурь бралася его головы. Пропивъ и прогулявъ все, задовжився всѣмъ на Сѣчи, а щобъ довершити, то ще укравъ що, якъ уличный злодѣй: нѣчю вытаскавъ изъ чужого куреня всю козацкую зброю и заложивъ у жида. За такій соромъ привязали его на базарѣ до стовпа и положили быля него дубчакъ, щобъ всякий потягнувъ его по разу сколько силъ стане; але не нашовся такій изъ всѣхъ Запорожцѣвъ, щобъ поднявъ на него руку, помянувши его прежніи заслуги. Такій то козакъ бувъ Мосѣй Шило.

»Отъ стане ще такихъ, котрїй васъ побьють собакъ!« сказавъ онъ, кинувшись на ляха. Ой тоже то рубались они! и наплечники и зерцала погнулись у обохъ отъ ударовъ. Розрубавъ на немъ вражій ляхъ желѣзную сорочку, доставъ лезвiemъ самого тѣла, зачервонѣла козацкая сорочка; але Шило на тое и байдуже, замахнувъ всею жиластю рукою (тяжела бо була коренастая рука) и оглушивъ его до разу. Розлетѣвся мѣдный шишакъ, покотивсь и грянувъ собою ляхъ; а Шило принялъ рубати и крестити оглушеного. Не добивай, козаче ворога, а лучше обернись назадъ! Ой не встигъ козакъ назадъ обернутися, а уже хвативъ его одинъ изъ слугъ убитого номежъ въ шею. Повернувшись Шило и уже бувъ бы досягнувъ зухвалця; але онъ пропавъ въ туманѣ пороховѣмъ. Изъ всѣхъ сторонъ поднявся грдомъ самопаловъ, пошатнувшись Шило и почуявъ, що рана була смертельна. Упавъ небога, хвативсь рукою за рану и сказавъ, обернувшись къ товаришамъ: »Прошайте, панове братя товарищї! нехай же стоитъ на вѣчніи времена

православная русская земля и да буде еи вѣчнаѧ честь!« И зажмуривъ ослабшіи очи, и унеслась ко-зацкая душа изъ твердого тѣла. А тамъ уже вы-ѣзжавъ Задорожный съ своими, ломивъ ряды куренный атаманъ Вертихвѣстъ и выступавъ Ба-лабанъ.

»А що, панове!« сказавъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными: »есть ще порохъ въ поро-шицахъ? не ослабѣла-ли ще козацкая сила? не гнутся-ли козаки?«

»Ой! ще есть, батьку, порохъ въ порошицахъ, ще не ослабѣла козацкая сила; ще не гнутся ко-заки!«

И наперли сильно козаки, и совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низенькій капитанъ казавъ ударити на сбѣръ, и велѣвъ выставити осьмъ мальованыхъ зна-менъ, ѩобъ сбрати своихъ, разсыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ ляхи сбѣгались къ знаменамъ; але ще не успѣли устроитись, якъ уже куренный атаманъ, Кукубенько, ударивъ зновъ съ своими Не-замайкѣвциами въ середину и напавъ прямо на тов-стопузого капитана. Не выдержавъ капитанъ, и по-вернувшi коня, пустился на утѣкача; а Кукубенько гнавъ его далеко полемъ, и не давъ ему соедини-тись съ полкомъ. Увидѣвъ тое изъ бокового куреня Степанъ Гуска, и съ арканомъ въ руцѣ пустился за нимъ на вздохонъ, прилегши до гривы коня и до-стигши хвилю, якъ стой, закинувъ арканъ ему на шею: увесъ посинѣвъ капитанъ, ухвативъ обома руками за посторонокъ силуючись розбрвати его, але зъ сильной руки выпущене ратище загналось гибелю въ самый живѣтъ: покотивъ и протягнувся капитанъ на землю. Але не съ добромъ и Гусцѣ! Не ospѣли оглянутися козаки, якъ уже увидѣли

Степана Гуску, хороброго козака, якихъ мало, застромленого на чотири ратища. Лишь успѣвъ бѣдняка ще сказати: »Нехай же пропадуть всѣ вороги, да лikuеть вѣчніи вѣки русская земля!« Послѣдне слово послѣднимъ було духомъ его жизни. Оглянулись козаки, а уже тамъ зъ боку козакъ Метелиця угощае ляховъ, громя шляхту на стороны, а тамъ же зъ другого боку напирае со своими атаманъ Невеличкій; а у воздвъ гонить и бѣе ворога Закрутигуба; а у дальнихъ возвъ третій Писаренко отогнавъ уже цѣлую ватагу; а уже тамъ у другихъ возвъ схватились и бются на самыхъ возахъ.

»А що панове!« перекликнувся атаманъ Тарасъ выѣхавши впередъ всѣхъ: »есть ще порохъ въ порошницяхъ, крѣпка-ли еще козацкая сила? не гнутся-ли уже козаки?«

»Ой! есть еще, батьку, порохъ въ порошницахъ; есть ще крѣпка козацкая сила, ще не гнутся козаки!«

А уже упавъ зъ воза Бовдюгъ; прямо пôдъ самое сердце прошибла его куля; але сбравъ старый весь духъ свой и сказавъ: »Не жаль розставатись съ свѣтомъ! дай Боже и всякому такои кônчины! нехайже славитя до кônца вѣка русская земля!« И понеслась къ небесамъ Бовдюгова душа, розскзати давно уже усопшимъ старцямъ, якъ умѣютъ умирati козаки за святую вѣру.

Балабанъ, куренный атаманъ, борзо посля того грянувъ собою на землю. Три смертельніи раны дoстались ему отъ копья, отъ кулѣ и отъ тяжелого палаша; а бувъ то одинъ изъ доблестнѣйшихъ козаковъ, много отбувъ онъ за своего атаманства морскихъ походовъ, но славнѣйший за всѣ бувъ походъ на анатольскіи береги. Много они набрали тогда цехиновъ, дорогой турецкої габы,

киндяківъ и всякого убранства. Но съ горемъ було имъ на поворотѣ; попались сердечніи, пôдъ турецкіи ядра. Якъ хватило ихъ изъ турецкого корабля; половина човнôвъ закрутилась и перевернулась, потопивши не одного козака въ водѣ; але привязаніи къ човнамъ комышѣ спасли човна отъ потопленія. Балабанъ взявъ пороти во всѣ весла, отплывъ дальше и станувши прямо къ сонцю стався кораблю невиднымъ. Всю нôчь черпаками и шапками выбирали они воду, заправляли пробитіи мѣстця, изъ козацкихъ штановъ нарѣзали парусовъ и почмыхали борше отъ найбыстрѣйшого турецкого корабля. И не досыть, что прибули безбѣдно на Сѣчь, они привезли ще золотошитую ризу для архимандрита Межигорскаго Кіевскаго монастыря и на покровь, що на Запорожье, окладъ изъ чистого серебра. И славили довго потому бандуристы удачливостъ козаковъ. Покивавъ онъ теперь головою, почуявши передсмертніи муки и тихо сказавъ: »Ничо, панове братъя, здается менѣ, умираю хорошою смертью: се-мохъ порубавъ-емъ, девятьюхъ ратищемъ заколовъ, потоптавъ конемъ до воли, а уже не памятаю, сколькохъ кулею доставъ. Нехай же цвите вѣчно руская земля!« И унеслась великая его душа.

Ей! козаки, козаки! не выдавайте самого цвѣту вашего войска! Уже обступили Кукубенька, уже лишь семеро козака осталось изъ всего Незамайковскаго куреня, уже и тіи отбиваются черезъ силу, окровавилась на немъ одежа. Самъ Тарасъ, увидѣвшіи бѣду, поспѣшивъ на выруку. Але пôзно прибыли козаки: уже загнавъ ему ворогъ копье пôдъ саме сердце впередъ, чимъ можно было отбнгати. Тихо склонившися онъ на руки подхватившихъ его козаковъ и хлюснула ручаемъ молодая кровь, подобно

дорогому вину, котре несли въ скляннѣмъ сосудѣ изъ пивницѣ неосторожнїи слуги, и пѣткнувшись у самого входа, розбили дорогое начинье, и розлялось на землю вино, и прибѣгши хозяинъ, схвативъ себе за голову горюючій за виномъ, хороненимъ про лучшую добу жизни, щобы, коли дастъ Богъ, на старбѣсть встрѣтитись съ товаришемъ юности, та щобъ помянути разомъ съ нимъ прежнее лучшее времѧ, коли инакше веселився чоловѣкъ. Повѣвъ Кукубенько въ окресть себе очима и промовивъ: Благодарю Бога, що позволивъ менѣ умирati въ очехъ вашихъ, товариш! нехай же посля наасъ живуть лучше, якъ мы, и нехай красуеся вѣчно Христомъ любимая русская земля!« И полетѣла молодая душа. Пѣдняли ею ангелы и понесли въ небеса; хорошо буде ему тамъ. »Сѣдай, Кукубеньку, одесную мене!« скаже ему Христосъ Спаситель: »ты не измѣнивъ товарищества, безчестнымъ дѣломъ не провинивъ, не оставилъ въ бѣдѣ чоловѣка, хоронивъ и стерегъ мою церковь.« Всѣхъ опечалила смерть Кукубенька. Уже рѣдѣли сильно козацкіи ряды, многихъ хорошихъ не было въ счету; але козаки ще стояли и держались.

»А що, панове братъя!« перекликнувся Тарасъ съ оставшимися куренями; »чи есть ще порохъ въ порошницахъ? не затупились ще шаблѣ? не утомилась-ли еще козацкая сила? не погнулись ще козаки?«

»Стане, батьку, еще пороху, ще рубаютъ шаблѣ; не утомилася ще козацкая сила, ще не гнутся козаки!«

И кинулись козаки, якъ бы ще нова сила прибула. Уже лише три куренныя атамановъ лишилось въ живыхъ; кровь плыла ручаями; высоко гатились затарасы изъ козацкихъ и вражихъ тѣль. Взгля-

нувъ Тарасъ на небо, а уже потягнулась герелиця кречетовъ. Ну, буде вамъ чимъ поживитись!.... А уже тамъ подняли на копіи Метелицу; уже голова другого Писаренька закрутилась, заклипала очима, якъ бы его подтяли, бухнувъ собою о землю; а Охрима Гуску на четверо порубали. »Ну!« сказавъ Тарасъ и махнувъ платкомъ. Понявъ Остапъ той знакъ, и ударивъ сильно, вырвавшись изъ засады, на саму конноту. Не выдержали ляхи сильного нападу, а онъ ихъ гнавъ и загнавъ прямо на мѣстце где вбите было въ землю колье и обломки копьевъ. Подшли ляхи на погибель, конѣ потыкались и падали, а єздцѣ летѣли комѣть головою. А въ тое время Корсунцѣ, якъ стояли послѣдніи за возами, та увидѣли, что уже досягне ружейная куля граничили вразъ изъ семипяднихъ самопаловъ. Отъ ляхи сбились и потерялись, а ободрились козаки. »Отъ и наша побѣда!« роздались голосы Запорожцѣвъ изо всѣхъ сторонъ, засурмили въ сурмы и выкинулу побѣдную хоруговъ. Всюди утѣкали и крылись ляхи. — »Онѣть, еще не совсѣмъ побѣда!« сказавъ Тарасъ, глянувши на городскіи ворота, и сказавъ онъ правду.

Отворились ворота и вылетѣвъ гусаркій полкъ, лѣпота всѣхъ конныхъ полкѣвъ. Подъ всѣми всадниками були всѣ, якъ одинъ, буріи аргамаки; а изъ самого переду уносився витязь, за всѣхъ красшій, удатнѣйшій, а бойкій, якъ туръ, чорне волосье, мовь бархатъ, уносилось въ воздухъ изъ подъ мѣдяного шлема; на руцѣ вилася завязана дорогая перепояска, шитая рукою первой красавицѣ. Такъ и оставленѣвъ Тарасъ, увидѣвші, что то бувъ Андрѣй. А той тымчасомъ, объятый пыломъ и жаромъ битвы и жаждою, заслужити на руцѣ привязаный подарокъ, понесся якъ молодый хортъ кра-

сивѣйшій, быстрѣйшій и молодшій за всѣхъ другихъ. А тюкнувъ на него опытный мысливецъ, а онъ понесся, пустивъ прямою чертою по воздуху свои ноги, на бѣкъ похилившись всѣмъ тѣломъ взрывающи снѣгъ и десять разъ выпережая заяця въ жару своего бѣгу.

Остановившись старый Тарасъ, поглядая на тое, якъ онъ ломивъ передъ собою дорогу, розганявъ, рубавъ, и сыпавъ удары въ право и въ лѣво. Не вытерпѣвъ Тарасъ и закричавъ: »Якъ? своихъ? своихъ? чортовъ сыну, своихъ бѣшъ?« Но Андрѣй не различавъ, кто передъ нимъ бувъ, свои, чи другіи якіи, онъ ничего не видѣвъ. Косы, косы онъ видѣвъ, довгіи косы, и снѣжную шею и лебедью грудь и плече и все, что создано для безумныхъ цѣлованій.

»Ей, хлопята! заманѣте менѣ его лишь близше къ лѣсу, заманѣть ми лишь его!« кричавъ Тарасъ.

И вызвалось заразъ тридцать быстрѣйшихъ козаковъ заманити его. И поправивши на собѣ высокіи шапки, пустились конѣми прямо на перерѣзъ гусарамъ. Удали зъ боку на переднихъ, збили ихъ, отдѣлили отъ заднихъ, дали по гостинцу одному и другому, а Голокопытенько хвативъ ще палашомъ Андрія по спинѣ и въ тотъ же часъ пустились будто на утѣкача, сколько стало козацкой силы. Якъ стрѣпнесь Андрѣй! якъ закипить по всѣхъ жилахъ молодая кровь! Ударивъ острогою коня и сколько стало духа, полетѣвъ за козаками, не оглядаясь назадъ, не видя, что изъ заду за нимъ лишь зо двадцять мужа поспѣшало; а козаки лѣтѣли во всю прыть и прямо къ лѣсу звернулись. Розбгнався конемъ Андрѣй, и ледво що уже не настѣгнувъ Голокопытенька, якъ вразъ чіясь сильна рука ухватила за поводы его коня. Оглянувшись Андрѣй; передъ нимъ Тарасъ! Зжахнувся, затрясся всѣмъ

тѣломъ и ставъ блѣдый, якъ коли ребенокъ-школьарь, неосторожно задрапнувшій своего товариша и доставшій за тое отъ него линійкою по чолу, вспламенится, мовь огонь, шаленый дреся на лавку и гонить за испужанимъ товарищемъ, готовый роздерти его на куснѣ, и вразъ встрѣчае учителя входящаго въ училище, мигомъ остуджаesъ жаркій порывъ и упадае безсильная ярость. Томужъ подобно въ одинъ мигъ пропавъ, мовь то и николи не бувавъ, гнѣвъ Андрѣя. И онъ видѣвъ передъ собою одного лише страшного судью, своего отца.

»Ну щожъ мы теперь будемъ дѣлать?« сказавъ Тарасъ, прошибая его глубокимъ взрокомъ. Але ни слова не мѣгъ на тое отповѣсти Андрѣй и стоявъ, затопивши въ землю очи.

»Що сынку! помогли тобѣ твои ляхи?«
Андрѣй не давъ отвѣта.

»Такъ, продати? продати вѣру? продати своихъ? стѣйже, злѣзай зъ коня!«

Покорно, мовъ ребенокъ, злѣзъ зъ коня Андрѣй и поставивши ни живъ, ни мертвъ передъ Тарасомъ.

»Стой, не хитайсь! Я тебе породивъ, я тебе и убью!« сказавъ Тарасъ, и отступивши шагъ назадъ, снявъ зъ плеча рушницю. Блѣденъ, якъ хуста, бувъ Андрѣй; видно було, якъ тихо порушались уста его и якъ онъ произнѣсь чіесь имя, але то не було имя отчина, ни матери, ни братій — то було имя прекрасной ляшки.

Тарасъ выстрѣливъ. —

Якъ колосъ пшеницѣ, подрѣзаный серпомъ, якъ молодый баранокъ, почувши підъ седцемъ смертельное желѣзо, повисъ Андрѣй головою и поваливши на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановившись сыноубѣйца и глядѣвъ довго на

Андрѣй погибъ изъ руки своего отца.

бездушный трупъ. Онъ бувъ и мертвъ чудно красивы: мужественное лицо, недавно повное силы и не-побѣдимого для женщинъ очарования, все ще выражало чудную красоту; черніи брови, мовь сумный бархатъ, отъняли поблѣднѣвшіи черты. — »Не чимъ то онъ бувъ козакъ?« сказавъ Тарасъ; »и ростомъ высокій, и чорнобровый, и лицо, мовь у дворянина, и рука була крѣпка въ бою! пропавъ, пропавъ безъ славы, якъ подлая собака!«

»Батьку, що ты сдѣлавъ? то ты убивъ его?« сказавъ пôдъѣхавшій въ тое время Остапъ.

Тарасъ кивнувъ головою.

Пильно глядѣвъ Остапъ мертвому въ очи. Жалко ему було брата и промовивъ мягкимъ голосомъ: »Передайможъ батьку, его честно землѣ, щобъ не поругались надъ нимъ вороги и щобъ не рознесли его тѣла хищніи птицѣ.«

»Погребутъ его и безъ нась!« сказавъ Тарасъ: »буде кому и плакати и заводити.«

И хвилѣ зо двѣ подумавъ онъ: чи лишити тѣло на розхищеніе вовкамъ сѣроманцямъ, чи пощадити въ немъ рицарскую доблесь, которую хороший довженъ поважати въ кимъ нибудь. Ажъ видить, жene къ нему на кони Голокопитенько. »Бѣда атамане, покрѣпились ляхи, прибула на пôдпомогу свѣжая сила!« Не успѣвъ сказать Голокопитенько, а уже прибѣгае Вовтузенько; »Бѣда, атамане, новая валится сила!« Не успѣвъ сказать Вовтузенько, бѣжитъ Писаренько та уже безъ коня. »Где ты, батьку ищуть тебе козаки. Уже убитый куренный атаманъ Невеличкій, Задорожный убитый, Черевиченко убитый, но козаки стоять, не хотятъ умирati, не увидѣвшiи тебе въ очи, хотятъ, щобъ поглянувъ ты на нихъ передъ ихъ смертью!«

»На коня, Остапе!« сказавъ Тарасъ и поспѣшивъ, щобъ застать ще козаковъ, щобъ надивитись ще на нихъ и щобъ они ще поглянули передъ смертью на своего атамана. Но ще они не выѣхали зъ лѣсу; а уже непріятельская сила окружила изъ всѣхъ сторонъ лѣсъ, и меже деревами всюди показовалися ъздцѣ съ шаблями и копіями.

»Остапе! Остапе! не поддавайся!« кричавъ Тарасъ, а самъ схвативши голую шаблю, начавъ чистити первыхъ що ся попали на зустрѣчъ на всѣ боки. А на Остапа уже напало вразъ шестеро, та не въ добрый часъ видно прискочили, зъ одного полетѣла голова, другій перевернувся оступивши, третього угодило ратищемъ въ ребро, четвертый бувъ отважнѣйшій, уклонившися головою та пошла коневи въ грудь горячая куля: — вздубившися бѣшеный конь, грязнувъ собою о землю и задавивъ подъ собою ъзда. »Добре сынку, добре Остапе!« кричавъ Тарасъ; »я ось слѣдомъ за тобою.« А самъ все отбивавъ напастниковъ. Рубае и бѣе Тарасъ, сыпле гостинцѣ одному, другому въ лобъ, а самъ глядить все впередъ на Остапа, ажъ видить, що уже зновъ чепилось Остапа ледви чи не осьмеро разомъ. »Остапе, Остапе! не поддавайся!.... Но уже одолѣваютъ Остапа, уже одинъ накинувъ ему на шею арканъ, уже вяжуть, уже берутъ Остапа. »Ехъ Остапе, Остапе! кричавъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубая въ капусту стрѣчныхъ и поперечныхъ. »Ехъ! Остапе, Остапе!.... Но мовь тяжелимъ каменемъ хватило его самого въ туожъ хвилю; все закружило и перевернуло въ очахъ его. На мигъ сумѣшно сверкнули передъ нимъ головы, ратища, туманъ дыму, блески огня, листье деревинъ. И грязнувъ собою мовь подрублений дубъ на землю. И туманъ покрывъ очи его. —

X.

»Довгожъ я спавъ!« сказавъ Тарасъ, очутившись; якъ коли пôсля тяжкого похмѣля прїде сонъ, и стараясь розпóзнати окружающіи его предметы. Страшна слабость одовалѣла его члены. Ледви метались передъ нимъ стѣны и куты незнакомой свѣтлицѣ. На конецъ замѣтивъ Ѹнъ, что передъ нимъ сидѣвъ Товкачъ и бачилось, слѣдивъ всякоего его дыханія.

»Ай ба«, подумавъ про себя Товкачъ: »заснувъ бы ты бувъ, може и на вѣки;« но ничего не сказавши, погрозивъ палцемъ и давъ знакъ, щобъ мовчати.

»Та скажижъ менѣ, где я теперь?« спытавъ Тарасъ напружая умъ и стараясь припомнити, що съ нимъ було.

»Мовчи же!« крикнувъ на него остро това-ришъ: »чого ты хочешь ще знати? та хибань не видишъ, щось увесь порубаный. Уже двѣ недѣли, якъ ты въ горячцѣ и въ жару белкотишъ, мовь опутаный. Отъ первый разъ заснувъ-есь спокойно. Мовчижъ, кѣли тебѣ ще не бѣда.«

Але Тарасъ все силився сбрати свои мысли и пригадати собѣ бывшое. »Та бачь, мене либонь були схватили ляхи и окружили совсѣмъ? менѣ уже ніякъ не було выбитися изъ толпы?«

»Мовчижъ, говорятъ тебѣ, чортова дитина!«

вскричавъ Товкачъ сердито, якъ нянька, коли ей
уже годъ зтерпѣти, кричитъ вересливому хлопцеви:
»По що тобѣ знати, якъ ты выдобувся? досыть що
выдобувся. Найшлисъ люде, котрый тя оборонили —
ну, и буде зъ тебе. Намъ ще не мало ночей ъхати
разомъ! Ты подумай, що за тобою бѣльше шны-
ратъ, якъ за простымъ козакомъ? о нѣтъ, за твою
голову поставили двѣ тысячи червоныхъ.«

»А Остапъ?« вскричавъ Тарасъ, натуживши
подняться и якъ стой, вспомнивъ собѣ, якъ Остапа
схватили и связали въ его очахъ, и що онъ теперь
въ ляцкихъ рукахъ. И обняло горе старую голову.
Здрявъ и здеръ всѣ перевязки ранъ своихъ, ки-
нувъ ихъ отъ себе, хотѣвъ громко ѿсказати —
и мѣсто того забелкотѣвъ якусъ нѣсенѣтницю,
жаръ и бредъ зновъ оволодѣли нимъ, и ставъ гово-
рити безумнii рѣчи безъ толку и связи. А тымча-
сомъ вѣрный товаришъ стоявъ передъ нимъ, сва-
ривъ и доганявъ всякими укорительными словами
и упереками. Наконецъ схвативъ его за ноги и ру-
ки, опеленивъ мовь дитинъча, поправивъ всѣ пере-
вязки, обвинувъ его въ воловую кожу, обложивъ
лубовыми лещатами и прикрѣпивши мотузками до
кольбаки, помчався въ дальшую дорогу.

»Бодай неживого, а довезу тебе! не попущу
щобъ ляхи поглумились надъ твою козацкою по-
родою, щобъ на куски рвали твое тѣло, та пускали
на воду. Нехайже, хотя и буде орель зо лба выпи-
вати твои очи, та нехайже степовый нашъ орель
а не ляцкій, не той, що прилѣтае изъ польской
земли. Хоть неживого, а довезу тебе до Украины!«

Такъ говоривъ вѣрный товаришъ, гнавъ безъ
отдыха днемъ и ночью и привѣзъ его безчувствен-
ного въ самую запорожскую Сѣчь. Тамъ принялъ

онъ лѣчити его неутомимо всякими зѣлями; допытавъ якоись захорки жидовки, которая цѣлый мѣсяцъ поила его якимись снадобьями, и на конецъ стало Тарасови лучше. Чи лѣкарство, чи его же лѣзная сила взяла верхъ, а въ повтора мѣсяца ставъ онъ уже на ноги; раны загоились и лишь одинъ шабельніи рубцъ давали знать, якъ глубоко колись бувъ раненый старый козакъ. Однакожъ замѣтно ставъ онъ понурый, и печаливый. Три тяжеліи морщины насунулись на чоло его и уже больше николи не сходили изъ него. Оглянувшись онъ теперь окресть себе: все было нове на Сѣчи, всѣ погибли старіи товаришій. Ни одного изъ тыхъ, которіи стояли за правое дѣло, за вѣру и братство. И тіи, которіи отправились були съ кошовымъ на вздохонъ за Татарами, и тыхъ уже не было давно: всѣ сложили головы, всѣ погинули; одинъ положили въ самомъ бою честніи головы; другіи отъ безводья и безхлѣбья посреди крымскихъ солнечаковъ; инніи пропали въ неволѣ, не изнесши сорому; и самого прежнього кошового уже давно не было на свѣтѣ и никого изъ старыхъ товаришей и уже остуденѣла колись кипѣвшая козацкая сила. Надармо старались занести и розвеселити Тараса; надармо бородатіи сивіи бандуристы, проходя по два и по три, розславляли его козацкіи подвиги — сурово и рѣвнодушно поглядавъ онъ на все, и на незмѣнимомъ лицу его выступала неугасимая горесть, и тихо понуривши голову, говоривъ онъ только: «Сыну мой, Остапе мой!»

Запорожцѣ собрались на морскую выправу. Двѣстѣ байдаковъ спущеній були въ Днѣпръ, и малая Азія увидѣла козаковъ съ подголеными чупрынами и довгими чубами, якъ они пустошили огнемъ

и мечемъ цвѣтущи береги еи, увидѣла чалмы своихъ магометанскихъ жителей порозиданій на скропленыхъ кровью поляхъ, и плавающіе по приберахъ. Она увидѣла не мало дегтемъ замашеныхъ запорожскихъ шараваръ, жиластыхъ и коренястыхъ рукъ зъ нагайками. Запорожцѣ перебѣли и переломали весь виноградъ; загноили всѣ мечеты; персидскими дорогами шалями подперѣзовали мѣсто очкуровъ свои шаравары и забацкани свитки. Довго ще посля того находились по тыхъ сторонахъ запорожскіи коротенькіи люльки. Козаки весело плыли назадъ; за ними гнався десятипушечный турецкій корабель и одnymъ выстрѣломъ изъ всѣхъ орудій розбгнавъ, мовь птицѣ, утліи ихъ лоды. Третья часть изъ нихъ потопилась въ морскихъ глубинахъ: але оставшияся сѣбрались зновъ разомъ и прибули до устья Днѣпра съ дванадцять бочелками, набитыми цехинами. Но все тое уже не занимало Тараса. Онъ уходивъ въ луги и степы, будто на охоту, но зарядъ его рушницѣ лишався не выстрѣленымъ и положивши оружье, певный тоски, сѣдавъ онъ на морскому берегу. Довго сидѣвъ онъ тамъ, понуривши голову, и все говоривъ: »Сыну мой, Остале мой!« Передъ нимъ сверкало и розстилялось Чорное Море, въ дальномъ тростнику кричала чайка, бѣлый усь его серебрився, и слеза капала одна за другою.

И не выдержавъ наконецъ Тарасъ: »Нехай буде, що хоче, пойду розвѣдатись, що зъ нимъ? чи онъ живъ? чи въ землѣ? а може и въ самой землѣ нѣть его? Розвѣдаюсь, будь, що будь!« И затыжденъ уже очутився онъ въ городѣ Уманью, вооружений, на кони, съ ратищемъ, шаблею, дорожнымъ боклагомъ у кульбаки, походнымъ горшкомъ съ лемѣшкою, набоями пороху, путами на конѣ

и прочимъ снарядомъ. Тамъ прибувши прямо ъхавъ къ нечистому, замурданому домку, у котрого не величкій оконця ледви видніи, закопченіи уже не познати чимъ; коминъ накрытый бувъ веретяною плахтою, а дѣравый дахъ увесь бувъ покритый воробцями; купа всякого смѣтъя лежала передъ самыми дверьми. Изъ окна выглядала голова жидовки въ корнетѣ съ почорнѣлыми перлами.

»Мужъ дома?« сказавъ Бульба, злѣзающи зъ коны и привязуючи поводы до кѣлка у дверей.

»Дома,« сказала жидовка и поквапилась тотъ же часъ выйти съ пшеницею въ нецахъ для коня и со склянкою пива для рыцаря.

»Где же твой жидъ?«

»Онъ въ другої свѣтлици, молится,« промовила жидовка кланяясь и поздоровкуючи въ ту хвилю, коли Бульба пôднѣсь къ устамъ склянку пива.

»Останься тутъ, накорми и напой моего коня, а я пôду, поговорю съ нимъ самъ. У мене есть до него дѣло.«

Тотъ жидъ бувъ знакомый Янкель. Онъ опинився уже тутъ арендаторомъ и корчмаремъ; позатягавъ помалу всѣхъ окрестныхъ пановъ и шляхтичей въ свои руки, высисавъ помалу всѣ гроши и давъ крѣпко всѣмъ почувствовати, что есть въ той сторонѣ жидъ. На три милѣ въ круги не осталась ни одна хатина въ порядку! все валилось и дряхлѣло, все порозивалось, и очевидна нищета, тай повольна гибель; мовь посля огню или джумы вывѣтристивъ весь край. И если бы ще десять лѣтъ поживъ тамъ Янкель, то онъ, по всему правдоподобію вывѣтристивъ бы и цѣле воеводство.

Тарасъ войшовъ въ свѣтлицю. Жидъ отпра-
влявъ борухи, накрывши своимъ подранымъ сава-
номъ, и обернувшись, щобъ ѿ послѣдній разъ
плонути, по обычай своей вѣры, якъ вразъ его
очи встрѣтили Тараса Бульбу. Перша гадка, котра
ему попалась, була про двѣ тысячи червоныхъ, ѿ
були на его голову наложеній; але днѣ постыдався
своей корысти и силився задавити въ собѣ мысль
о золотѣ, котра, мовь червь, вѣчно точитъ душу
жida.

»Слухай, Янкель!« сказавъ Тарасъ жидови,
котрый начавъ передъ нимъ кланятися и заперъ
осторожно дверь, щобъ ихъ никто не видѣвъ: »я
спасъ твою жизнь — тебе бы були розбрвали За-
порожцѣ въ шкаматье, якъ собаку — теперь на
тебе колъя, теперь отслужи менѣ!« Лице жida по-
моршилось.

»Якъ отслужити, коли така вже услуга, ѿ
мокно сдѣлати, то чомужъ бы я не здѣлавъ?....
ахъ!«

»Не говори ничего. Вези мене до Варшавы!«

»До Варшавы? якъ до Варшавы?« сказавъ Ян-
кель, прискуливши плечи и нашурившіи бровы стро-
помъ горѣ бѣзъ изумленія.

»Не кажи менѣ ничего. Вези мене до Варшавы.
Будь ѿ будь, а я хочу ѿ разъ увидѣти его, сказати
ему хоть одно слово.«

»Кому сказати слово?«

»Ему, Остапу, сыну моему.«

»Та хибань панъ не чувавъ, ѿ уже....«

»Знаю, знаю все: за мою голову даютъ двѣ
тысячи червоныхъ. Знаютъ же они, дурнѣ, цѣну ей!
Я тебѣ пять тысячъ дамъ. Отъ тебѣ двѣ тысячи
сейчасъ!« (Бульба высыпавъ изъ калитки двѣ ты-

сячи червоныхъ) »а злишнїй, якъ вернусь.« Жидъ схвативъ сейчасъ полотенце и накрывъ нимъ червонцѣ.

»Ай, славній гроші! ай, хороши гроші!« говоривъ онъ, обертаючи одинъ червонецъ въ руцѣ на всѣ боки и пробуючи на зубахъ: »я думаю, той человѣкъ, у котрого панъ отобравъ такій хороший червонцѣ, и години посля того не проживъ на свѣтѣ, пойшовъ сейчасъ въ рѣку на same дно, та погнувшись тамъ посля такихъ славныхъ червонцѣвъ?«

»Я бы не просивъ тебе, я бы самъ може найшовъ дорогу въ Варшаву; але мене могутъ познати и схватити проклятия ляхи, бо я не способенъ на выкруты. А вы, жиды, на тое уже сотвореній. Вы, хоть бы и чорта, такъ отуманите, вы знаете всѣ штуки: отъ для тогожъ я прійшовъ до тебе! Тай въ Варшавѣ я бы самъ съ собою ничего не здѣлавъ. Сейчасъ запрягай вѣзъ, та вези мя!«

»Якто? панъ думае, що то такъ заразъ взяти кобылу, запрягчи, тай — вье-гій булана! — Думае панъ що можно пана такъ якъ есть, везти и не спрятивши где?«

»Ну, такъ прячъ, якъ знаешъ: въ порожнюю бочку — або якъ?«

»Ай, ай! а панъ думае, що хибанъ можно пана спрятити въ бочку? Хибанъ панъ не знае, що всякий погадає, же въ бочцѣ горѣлка?«

»Ну, то добре нехай гадає, же горѣлка.«

»Якъ то? щобъ онъ думавъ, же горѣлка? сказавъ жидъ и схвативъ себе обома руками за пейсы и закрутивъ головою.

»Ну, чогоже ты такъ уторопѣвъ?«

»А панъ хибанъ не знае, що Богъ на тое сотворивъ горѣлку, щобъ ей всякий кушавъ? а ще

тамъ саміи мудрагелѣ-ласуны: шляхтичъ побѣжитъ и пять верствъ за бочкою, продовбае, якъ стой, дѣрочку, увидитъ, же не тече, и подумае: — жидъ не везе порожнои бочки, мусить бути тамъ що нибусть ишного! И що? схватити жида, связати жида, отобрati всѣ гроши у жида, посадити въ дыбы жида! — Бо вже все, що лишь есть лихого, тельмомъ валится на жида, на жида всякий гбршъ якъ на собаку; тамъ думаютъ, що уже не чоловѣкъ, коли жидъ.«

»Ну, то всади мя на вѣзъ съ рыбью!«

»Не можно, пане, ейбогу, не можно; по всей Польщѣ люде голодній теперь, якъ собаки: и рыбу розкрадутъ, и пана намацаютъ.«

»То вези мене хоть бы на чортѣ, лишь вези!«

»Але такъ, знае панъ що?« сказавъ жидъ: зашморгнувши вылоги рукавовъ своихъ и наставившись къ Тарасу мовь низенъкимъ приклономъ: »отъ що мы здѣлаемъ: теперь ставлять всюди крѣпости и замки; изъ Нѣмеччины прїѣхали Французкіи инжинѣры, и для того везутъ всѣми дорогами много цегли и каменя. Нехай панъ ляже на сподѣ воза, а поверхи я закладу цеглою. Панъ здоровый и крѣпкій невроки, и про тое ему ничего, же буде трохій за тяжко; а я зроблю въ низу воза дѣру, щобъ кормити пана.«

»Роби, якъ хочешъ; ино вези!«

И за годину вѣзъ съ цеглою выѣхавъ изъ Уманя, запряженый въ двѣ кобылы. На одной изъ нихъ сидѣвъ высокій Янкель, и довгіи, кострубатіи пейсы телепались изъ пѣдъ жидовской ярмурки по мѣрѣ того, якъ его пѣдкіовало на кобылѣ.

XI.

Въ ті часы, коли тое дѣялось, на розгряничью не було ніякихъ таможенныхъ урядникôвъ, объѣздчиковъ, тои страшної грозы для предпріимчи- выхъ людей и для того всякий мôгъ везти, що ему забаглось. И если кто пантрувалъ границцѣ, то дѣлавъ тое бóльше зъ властной охоты, особливо если кто перевозивъ для очей заманчивій предметы, и

если на вагу и силу своей властной руки спуститься ему было можно. Але на цеглу никто не полакомився, и Янкель въѣхавъ безъ перепоны въ головніи городскіи ворота. Тарасъ изъ своей тѣсной клѣтки мѣгъ лише чути шумъ и туркотъ возвѣ и крики возницъ тай болѣше ничего. Янкель подскакуючи на своей въ болотѣ захляпанѣй кобылцѣ, покрутившись колькома улицами, повернувъ въ одну темную, узенькую улицю, названою Болотною, а разомъ и жидовскою, бо тутъ находились ледви що не всѣ жиды цѣлой Варшавы. Тая улиця надзвѣчайно подобала на вывороченою внутренность домового затылка. Солнце, бачилось, совсѣмъ не заглядало сюда. Обкопченіи, чорні деревяніи дому со множествомъ изъ оконъ протягнутыхъ жердей, ще побольшали помороку. Гдѣсь куда червонѣла меже ними цегляная стѣна, тай та уже по большей части почорнѣла, бо еи вапно не держалось. Въ иномъ мѣстци лише въ верху выправленый кусокъ стѣны, обхваченый свѣтломъ сонца, миготѣвъ нестерпимо для очей бѣлизною. Тутъ все состояло изъ самыхъ противныхъ рѣдкостей: розбитіи горшки, смѣти и всяка дрань порозидана по грузи уличной. Всякій, що лишь у него было непотребного, жбурлявъ на улицю, доставляя прохожимъ всякимъ чувствомъ налюбоватись надъ сею драню. Сидячій на коні ъздецъ ледви що не досягавъ рукою жердей, протягнутыхъ черезъ улицу изъ одного дому до другого, на которыхъ высѣли жидовскіи панчохи, коротенькии штанята и обкопченая гусь. Иногда досыть красненькое личко еврейки, убраное въ почорнѣліи склянніи пацерки, выглядalo изъ ветхого оконца. Купа баҳурѣвъ, запацьканыхъ, обѣраныхъ, пейсатыхъ, кричала и валялась въ грузи. Рудый жидъ

съ пѣговатымъ лицемъ, якъ индиче яйце, выглянувъ изъ окна; заразъ заговоривъ съ Янклемъ своимъ тарабарскимъ языкомъ и Янкель сейчасъ въѣхавъ въ одну господа. Улицею ишовъ другій жидъ, остановився, запустився такожъ въ бесѣду, и коли Бульба выдобувся изъ подъ цегли увидѣвъ трохъ жидовъ, котрый жарко съ собою говорили.

Янкель обернувшись къ нему и сказавъ, что всему буде ладъ, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и хотяй тяжко подмовити стражь, то онъ однакожъ надѣялся, что буде можно его видѣти.

Тарасъ вѣйшовъ съ трома жидами разомъ въ комнату.

Жиды стали опять говорити межи собою своимъ непонятнымъ языкомъ. Тарасъ поглядавъ на кождого изъ нихъ. Щось видѣлось, сильно стрясло его: на грубомъ и рѣвнодушномъ лицю его появився якійсь сокрушительный пламень надежды, надежды тои, которая посѣщае часомъ человѣка въ послѣднѣмъ степени отчаянія: старе серце начало сильно битись, якъ въ юноши.

»Слухайте жиды!« сказавъ онъ, и въ словахъ его было щось восторженного: »вы все на свѣтѣ можете здѣлати, выкопаете хотя бы изъ подъ дна морскаго, что нибудь захотете, и приповѣдка не дармо каже, что жидъ и самого себе украде, коли схоче украсти. Освободѣть менѣ моего Остапа! дайте случай ему утечи изъ діяволскихъ рукъ. Отъ я тому чѣловѣкови обѣцявъ дванадцать тысячи червоныхъ — я придамъ ще дванадцать; всѣ, якіи у мене суть дорогіи кубки и закопане въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами угоду на всю жизнь мою, съ тымъ щобъ все, що лишь добуду на вѣйнѣ, дѣлити съ вами по половинѣ!«

»Ой, неможно, пане любезный, не можно!«
сказавъ вздохнувши Янкель.

»Нѣть, не можно!« повторивъ другій жидъ.

Всѣ три жиды взглянули одинъ на другого.

»А пробуймо!« сказавъ третій, боязливо поглядая на другихъ: »може, дастъ Богъ, и удастъся.«

Всѣ три жиды заговорили по нѣмецки. Бульба, хоть якъ нащуривъ свои слухи, немогъ ничего утрапати, ни отгадати; ему чулось лише одно слово »Мардохай« и больше ничего.

»Слухай панъ!« сказавъ Янкель; треба порадитись съ такимъ человѣкомъ, якого ще николи не бувало на свѣтѣ; ехъ! то такій мудрый, якъ Соломонъ, и коли онъ уже ничего не здѣлае, то уже и никому на свѣтѣ тое не здѣлати. Сидѣть пане, тутъ! отъ ключъ! и не впускате никого!« Такъ жиды вышли на улицю.

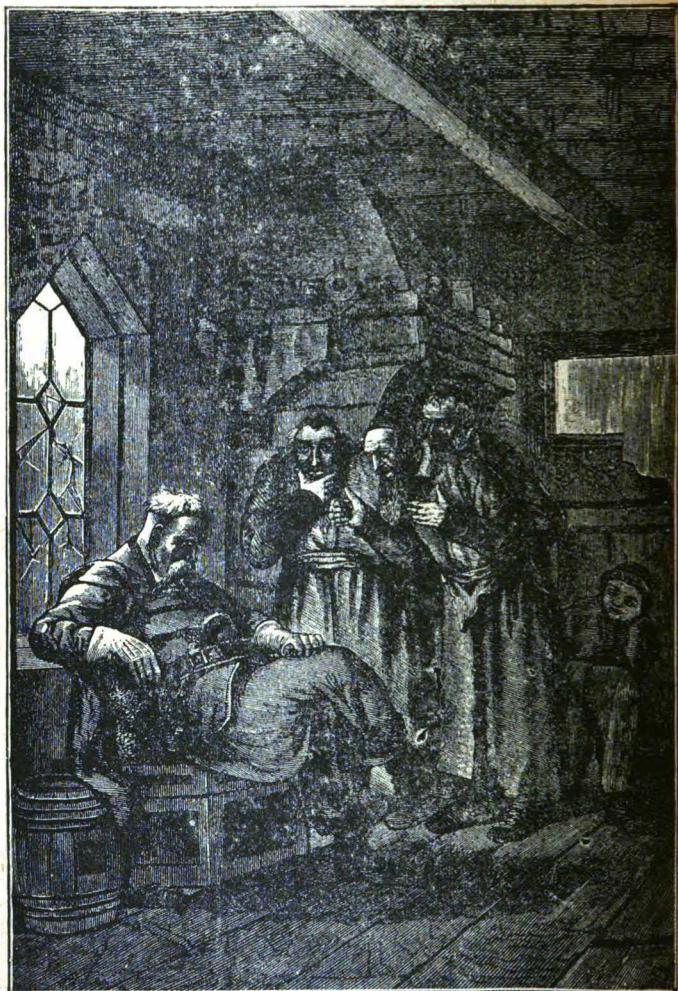
Тарасъ заперъ дверь и смотрѣвъ въ маленьке оконце на тое грузне жидовскoe зрѣлице. Три жиды остановились посерединѣ улицѣ и стали говорити досыть живо; къ нимъ пріишовъ по немнога четвертый, а наконецъ и пятый Тарасъ чувъ повторяне: »Мардохай, Мардохай.« Жиды безпрестанно поглядали въ одну сторону улицѣ: на конецъ въ концѣ улицѣ изъ за одного дрянтикового дома показалася нога въ жидовскомъ получеревику и за нею фалды кафтана. »А, Мардохай, Мардохай!« закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ. Сухорлявый жидъ, трохи коротшій отъ Янкеля, но съ лицемъ далѣко больше поморщенымъ, и товстогубый, приближившися къ нетерпеливымъ жидамъ, котрый одинъ на перерывѣ квапились розказовати ему, при чѣмъ Мардохай колька разовъ поглядавъ на маленькое оконце, и Тарасъ догадувався, что за него була бесѣда. Мардохай

роздмахувавъ руками, слухавъ, перебивавъ бесѣду, часто плювавъ на сторону и поддоймая фалды кафтана, сягавъ руки въ кишеню и выймавъ якісіе бренъкалця, при чѣмъ показувавъ свои прескверніи штаны. Наконецъ всѣ жиды пôдняли такій крикъ, шо жидъ, который стоявъ на сторожи, мусѣвъ дати знакъ щобъ мовчали и Тарасъ начавъ боятись про свою беспечність, але подумавши шо жиды не могутъ інакше розправляти, якъ лише на улиці, и шо самий чортъ не уторопае ихъ бесѣды, онъ успокоився.

По колькохъ хвиляхъ вôйшли жиды въ его комнатау. Мардохай приближився къ Тарасу, потрѣпавъ его по плечу и сказавъ: «Якъ мы схочемъ здѣлати, то уже буде такъ, якъ треба.»

Тарасъ поглянувъ на того Соломона, якого еще не бувало на свѣтѣ и ставъ надѣятьтись. Истинно, видъ его мôгъ дати якесь довѣріе: верхная губа була мовь у страшилища; въ бородѣ Соломона не було больше пятнадцяти волоскôвъ, и то лишь на лѣвой сторонѣ. На лицю у него було только знакôвъ отъ побития за удальство, шо уже давно имъ и лѣку не було и онъ привыкъ ихъ природными считати.

Мардохай пойшовъ разомъ съ товаришами, подивляющими его мудрость. Таасть остався одинъ... Онъ бувъ въ дивномъ, перебуваломъ положенію: ему стало первый разъ въ жизни сумно, банно, неспокойно. Душа его була мовь въ пропасницѣ. Онъ не бувъ тотъ самый, шо впередъ, непреклонный, непоколебимый, крѣпкій, стальной, мовь дубъ; онъ ставъ малодушенъ, онъ ставъ теперь слабый. Онъ вздрывавсь при кождомъ шелестѣ, при кождомъ новомъ жидовскомъ порушенію, показавшемся на конци улицї. Въ такомъ состоянію перебувъ онъ на конецъ

Жидъ Мардохай у Тараса въ дѣлѣ освобожденія
его сына Остапа изъ ляцкой неволи.

весь день; не ъвъ, не пивъ, и очи его не отрывались ни на хвильку отъ маленького оконца на улицю. Наконецъ уже позно вечеромъ показався Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

»А что? удалось?« спытавъ Тарасъ съ нетерпѣniемъ дикого коня.

Але ще впередъ, зачѣмъ жиды собрались отвѣчати, Тарасъ постерѣгъ, ѩо у Мардохая не было уже послѣднаго пейса, который хотя досыть неопрятно, но все ще вився изъ подъ ярмурки. Познати було, же онъ хотѣвъ Ѣось сказать, але наговоривъ такои сумѣшки, ѩо Тарасъ ничего не понявъ. Та и самъ Янкель прикладавъ дуже часто руку къ роту якъ будто бы простуджовавъ.

»О любезный пане!« сказалъ Янкель: »теперь совсѣмъ не можно! ейбогу, не можно! Такій теперь нехорошій нардѣ, ѩо ему лишь на голову наплювати. Отъ и Мардохай скаже; Мардохай робивъ уже таке, якого никто въ свѣтѣ неробивъ, але Бѣгъ не позволивъ, ѩобъ такъ було. Три тысячи войска стоять и завтра будутъ ихъ всѣхъ казнити.«

Тарасъ глянувъ жидамъ въ очи, але уже безъ нетерпѣливости и гнѣву.

»А если панъ хоче видѣтися, то завтра треба рано такъ, ѩобъ ще солнце не сходило. Часовіи пристають на тое, и одинъ лентарь обѣцявшися. Але нехай имъ на тѣмъ свѣтѣ небуде щастья, ой вей миръ! ѩо то за корыстолюбивый нардѣ, и межи нами такихъ нема: пятьдесятъ червонцѣвъ я давъ каждому, а левентарю...«

»Добре, добре. Веди мене до него!« сказалъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость вернулась въ его душу. Онъ приставъ на предложеніе Янкеля переодѣтися за чужестороннаго графа, прѣхавшаго

изъ нѣмецкой земли и до того уже принѣсъ и одежду дальновидный жидъ. Настала уже нѣчь. Хозяинъ, извѣстный рудый жидъ, рябoliцій, вытащивъ напханный сѣнникъ, накрытый якоюсь рогожиною и розстеливъ его на лавцѣ для Тараса. Янкель лѣгъ на скрынѣ на такомже сѣннику. Рудый жидъ выпивъ невеличку чарочку якоись настойки, скинувъ кафтанъ подобающи въ своихъ панchoахъ и черевикахъ на цыпленка, полѣзъ съ своею жидовкою гдеъ въ якоись нибы шафу. Двое жиденятъ, якъ домашнихъ песять легло на земли биля шафы. Але Тарасъ не спавъ; онъ сидѣвъ неподвижный и тромкотѣвъ пальцами по столѣ; онъ державъ люльку въ ротѣ и пускавъ туманы дыму, же ажъ жидъ зъ просоня чихавъ и загортавъ въ покрывало свой носъ. Ледви небо зашарѣло блѣднымъ предвѣствиемъ зары, то уже онъ торкнувъ ногою Янкеля.

»Вставай, жиде, и давай твою графскую одежду!«

За хвилю одягнувшись; почорнивъ усы, бровы, нарядивъ на голову маленьку темную шапочку — и никто бы изъ самыхъ знакомыхъ козаковъ не могъ бы познать его. Поглянувши на него, бачилось не больше ему було, якъ тридцять и пять лѣтъ. Здоровый румянецъ ажъ горбѣвъ на его щокахъ и саміи рубцы придавали ему щось повелительного. Одежа, убраная золотомъ, дуже припадала ему къ лицю.

Улицѣ ще спали. Ни одно торговельное существо не показалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пріѣшли къ строенію подобающему на сидящую чаплю. Оно було низке, широке, розлягалось далеко, чорнѣлось, а зъ одной стороны его стремѣла, якъ шея бузька, довгая, узкая башта, на еиже верху сидѣвъ ще обломокъ крыши.

Тое строеніе отправляло многіи услуги: тутъ були кошары, темница, тай уголовный судъ. Наші путники вйшли въ ворота и очутились среди просторонной сали, или крытого двора. Около тысячи людей спали разомъ. Прямо ишла низенькая дверь, передъ котрою сидѣли два жолнѣры и забавлялися игрою, котра состояла въ томъ, же одинъ другого бивъ двома палцами по долони. Они мало зважали на пріишовшихъ и повернули головы ажъ тогды, коли Янкель сказалъ: »То мы, чуете, паны, то мы!«

»Идѣтъ!« казавъ одинъ зъ нихъ, отчиняя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товаришу, абы той влѣпивъ ему двома палцами.

Такъ вступили они въ узкій, темный проходъ, котрый зновъ привѣвъ ихъ въ такую же салю съ маленькими оконцами въ верху. »Кто иде?« закрычало колька голосомъ и Тарасъ увидѣвъ досить много воиновъ въ повнѣмъ вооруженюю. »Намъ никого не вольно пускати.«

»То мы!« кричавъ Янкель, »ейбогу то мы, ясніи паны!« Але никто не хотѣвъ того слухати. На счастье, въ тое время надойшовъ якійсь толстякъ, котрый, по всѣмъ примѣтамъ, здавався бути начальникомъ, бо за всѣхъ найбѣльше клявъ и сваривъ.

»Пане, тажъ то мы; вы пане уже насъ знаете, и панъ графъ буде еще благодарити.«

»Пропустѣте, сто чортовъ всадилобъ ся! И бѣльше никого не пускайте: А шаблѣ щобъ никто не скидавъ, та не пустовавъ....«

Продовженія краснорѣчивого приказу уже не слухали нашіи путники... — »То мы, то я, то свои говоривъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

»А що можно теперь?« — спитавъ онъ одного

изъ стражей, коли уже наконецъ поддйшли въ тое мѣстце, где уже кончився проходъ.

»Можно; лишь не знаю, чи пропустятъ васъ въ самую темницю. Теперь уже нема Яна, мѣсто него стоитъ другой,« — отвѣчавъ часовой.

»Ай, ай!« шепнувъ тихо жидъ: »то кепско, любезный пан!«

»Веди!« сказавъ упраимо Тарасъ. Жидъ повинновався.

У дверей подземныхъ стоявъ гайдукъ, съ усами трекорчастыми. Верхний корчъ усомъ ишовъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, а такъ подобавъ онъ совсѣмъ на кота.

»Жидъ съѣжився въ три погибели и хилцемъ бокомъ подсувався къ нему. »Ваша ясневельможность! ясневельможный панъ!«

»Ты жиде, ты то менѣ говоришъ?«

»Вамъ ясневельможный пане.«

»Гмъ... а я, таки собѣ по просту гайдукъ!« сказавъ трикорчайтый усачъ съ повеселѣвшими очима.

»А я, ейбогу, думавъ, что то самъ воевода. Ай, ай, ай....« При томъ жидъ покрутивъ головою и розставивъ палцѣ. »Ай, якій важный видъ! Ейбогу, полковникъ, совсѣмъ полковникъ! Отъ ще лишь на палецъ додати, такъ и полковникъ зъ васъ. Належало бы пана посадити на коня, такого быстрого, якъ муха, та нехай панъ муштруетъ полки!«

Гайдукъ поправивъ нижній корчъ усомъ своихъ; при чѣмъ очи его совершенно розвеселились.

»Що за народъ военный!« говоривъ дальше жидъ: »ахъ вей миръ, що за народъ хороший! Шнурочки, бляшочки, пуговички... такъ ось отъ нихъ и блышить, якъ отъ сонца; а панночки, где лишь уви-

Тарасъ Бульба пробираеся съ жидомъ до сына.

дятъ военныхъ.... ай, ай, ай!« Жидъ опять покрутивъ головою.

Гайдукъ муснувъ рукою верхніи усы и пустивъ скрбзъ зубы звукъ, думавбысь, що конске ржаніе.

»Прошу пана оказати услугу!« просивъ жидъ: »отъ князь прїехавъ изъ чужого краю, хоче посмотретьъти на козаковъ. Онъ еще николи зъ роду не видавъ, що се за нарбдъ козаки.«

Появлениe чужесторонныхъ графовъ и бароновъ было въ Польщѣ досить звычайне: они часто волоклись изъ самой цѣкавости розглянулись въ тѣмъ полуазіатцкому углѣ Европы. Московщину и Україну они уже почитали принадлежными самой Азіи. И про тое гайдукъ поклонившись досить низко думавъ приличнымъ, сказать що отъ себе:

»Я не знаю, ваша ясневельможність« говоривъ онъ: зачѣмъ вамъ хочеся смотрѣти на нихъ. То собаки, а не люде. И вѣра у нихъ такая, що никто ей не поважае.«

»Брешешъ ты, чортовъ сыну!« сказалъ Бульба: »ты самъ собака! Якъ ты смѣешъ говорити, що нашу вѣру не поважаютъ! То ваше недовѣрство не поважаютъ!«

»Еге, ре!« скавъ гайдукъ: »а я уже знаю, пріятелю, якій ты князь, ты самъ одинъ изъ тыхъ, котріи уже сидятъ у мене. Погоди же, я покличу нашихъ.«

Тарасъ увидѣвъ свою неосторожність; але упрямство и досада не дали ему о тѣмъ подумати, якъ бы еи направити. Счастьемъ, що Янкель зновъ скрутити рѣчъ.

»Ясневельможный пане! якъ може бути, щоби графъ бувъ козакомъ? А еслибы онъ бувъ козакомъ,

то гдѣжъ бы онъ дѣставъ такого убраньства и такій видъ графскій?«

»Говори себѣ!« И гайдукъ уже бувъ роздзявивъ свой широкій ротъ, щобъ крикнути.

»Ваше королевске величество! мовчѣте! мовчѣте, ради Бога!« закричавъ Янкель: »мовчѣте! мы уже вамъ заплатимъ за тое такъ, якъ вы ще никогда не видали: мы дамо вамъ два золотыхъ червоныхъ!«

»Еге, два червонцѣ! Два червонцѣ менѣ ба и дуже: я цибулику даю два червонцѣ за то, щобъ менѣ лише половину бороды обголивъ. Сто червоныхъ давай, жиде! тутъ гайдукъ закрутивъ верхніи усы. »А якъ не дасы сто червоныхъ, сейчасъ закричу!«

»И нашо такъ много?« горестно сказавъ поблѣднѣвшій жидъ, розвязуючи свою скбряну мошонку. Алѣ онъ бувъ счастливый, що въ его мошонцѣ не було больше и що гайдукъ дальше ста не знавъ числити.

»Пане, пане! пойдѣмъ скорѣйше: Видите, якій тутъ нехорошій народъ!« сказавъ Янкель, зобачивши, що гайдукъ перебирає на руцѣ гроши, мовъ ему жаль було, що не зажадавъ больше.

»Щожъ ты, чортовъ гайдуче,« сказавъ Бульба: »гроши взявъ есь, а показати и не думаешьъ? Ты мусишъ показати. Уже колись гроши взявъ, то ты не долженъ теперъ отказать!«

»Вступйтесь до чорта! а ни, то я сейчасъ дамъ знати, и васъ тутъ.... Заберайтесь скорше, кажу вамъ!

»Пане! пане! ходѣмъ, ейбогу ходѣмъ. Цуръ имъ! Нехай имъ приснится таке, що ажъ гидко!« кричавъ блѣдный Янкель.

Тарасъ поволи, понуривші голову, обернувся и йшовъ назадъ, уступая укорамъ Янкеля, которому доѣдала грусть на тую мысль, що даромъ пострадавъ червонцѣ.

»И на що було зачѣпати? Нехай бы собака уже сварився! Та уже такій нарѣдъ, що не може не сваритися! Охъ вей миръ, яке то щастье Богъ посылає людемъ! Сто червонцївъ за тое лишь, що выгнавъ нась! А нашъ братъ: ему и пейсики обрѣвуть, и зъ морды зроблять таке, що и поглянути гидко, а никто не дастъ ста червоныхъ. О Боже мой! Боже милосердный!«

Але неудача тая далеко бѣльшне влѣянія мала на Тараса: она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его очахъ.

»Ходѣмъ!« сказавъ онъ вразъ, якъ бы прочувавшися: »ходѣмъ на площеадь. Я хочу подивитися, якъ будуть его мучити.«

»Ой пане, зачѣмъ ходити! Та-же тое уже ему не поможе.«

»Ходѣмъ!« упрямо сказавъ Тарасъ, и жидъ, якъ нянька, вздыхая, пойшовъ въ слѣдъ за нимъ.

Площеадь, на котрой звичайно казнено, не тяжко було отъискати: нарѣдъ валився туда изъ всѣхъ сторонъ. Въ тогдишномъ грубомъ вѣку становило то одно изъ занимателнѣйшихъ дивовищъ, не толь-ко для черни, але и для самыхъ благородныхъ. Мно-жество старухъ самыхъ набожныхъ, множество мно-лодыхъ дѣвчатокъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, котрымъ пôсля такого зрелица всю нôчь снились окровавленія трупы, котріи кричали изъ просоня такъ громко, якъ лише може крикнути пяный гусарь, не опускали однако же случаю надивитися. »Ахъ, якое мученье!« кричали изъ нихъ многіи съ исте-

рическою пропасницею, закрывая очи и отвертаясь, однакожъ потомъ приглядались зновъ досыть пильно. Другій, и ротъ раздзявивъ, и руки вытягнувъ впередъ, и радъ бы вскочити всѣмъ на головы, чтобы отси приглядатись прилежнѣйше. Изъ толпы узкихъ, невеличкихъ звычайныхъ головъ высувавъ свое товсте лице рѣзникъ, разглядывъ все, что ся дѣяло съ видомъ знахора и разправлявъ односложными словами съ рушничаремъ, которого называвъ кумомъ, понеже въ недѣлю напивався съ нимъ въ однѣмъ шинку. Инніи разсуджали рѣчь съ жаромъ, другіи даже закладалися: але больша часть була такихъ, котріи на весь міръ и на все, что но случается на свѣтѣ, смотрятъ, шпортаючи палцемъ въ своимъ носѣ. На передней галевѣ, биля самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоявъ молодый шляхтичъ, или называющійся шляхтичемъ, въ военнѣмъ строю, который надягнувъ на себе рѣшительно все, что было у него, такъ что въ его обытвищу лишился лише подраная сорочка и старіи чоботы. Два ланцушки, одинъ верхъ другого, висѣли у него на шеи съ якимъ дукачомъ. Онъ стоявъ съ коханкою своею Юзысею и безпрестанно оглядывався, щобы кто не замуравъ еи шовковой юбки. Онъ еи разтолковавъ совершенно все, такъ що уже рѣшительно не можно было придати ничего. »Отъ сесе, душечко Юзысю,« говоривъ онъ »весь нардѣ, що но видишъ прійшовъ за тымъ, щобъ подивитись, якъ будуть казнити преступникѣвъ. А отъ той, душечко, що видишъ, держить въ рукахъ сокиру и другіи инструменты, то катъ, и онъ буде казнити. И якъ начне колесовати и другіи дѣлати муки, преступникъ буде еще живый; а якъ отрубаютъ голову, то онъ душечко, сей часъ умре. Упередъ буде кри-

чати и двигатись, но якъ отрубаютъ голову, тогди не буде можно ему ни кричати, ни ъсти, ни пити, для того, что у него, душечко, не буде больше головы!» И Юзыся все тое слухала со страхомъ и цѣкавостью. — Крыши домовъ були усѣяній народомъ. Изъ оконъ выглядали широкіи усатіи и почепченіи головы. На балконахъ, подъ балдахинами сидѣло аристократство. Хорошенькая рученька смѣющеїся блистающей, якъ бѣлый цукоръ панночки держалась за поручье. Ясневельможніи паны довольно засадистіи поглядали съ важнымъ видомъ. Локей въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными рукавами, разносивъ всякии напитки и марципаны. Часто шалунья, съ чорными очима, схвативши свѣтлою ручкою своею пирожокъ або марципанъ, кидала межи народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла свои шапки, и якій небудь высокій шляхтичъ, высунувши ся изъ толпы своею головою, въ изполовѣломъ червонѣомъ контуши, съ почернѣлыми золотыми шнурками, хвативъ первый своими довгими руками, цѣловавъ свою добычу, притулявъ къ сердцю и клавъ потому въ ротъ. Соколь, высѣвшій въ золотой клѣтцѣ подъ балкономъ, бувъ такожъ зрѣтелемъ: перегнувши на бокъ носъ и поднявши лапу, днъ зъ своей стороны пильно приглядався народови. Але вразъ толпа зашумѣла, и изъ всѣхъ сторонъ розляглись голосы: »Ведутъ! ведутъ! козаковъ!«

Козаки ишли съ открытыми головами, съ довгими чубами: бороды були у нихъ запущеніи. Они ишли ни боязливо, ни угрюмо, но съ якоюсь тихою горделивостью; ихъ одежа изъ дорогого сукна, износилась и обвисала на нихъ старыми кавалками, они не разглядались и не кланялись народови. Впереди всѣхъ ишовъ Остапъ.

Що почувствовавъ старый Тарасъ, увидѣвши
своего Остапа? Що було тогди въ его сердцю! Онъ
поглядавъ на него изъ толпы и не проминувъ ни
одного движенія его. Козаки приближились уже къ
лобному мѣстцу. Остапъ остановився. Ему первому
приходило выпити тую горкую, тяжелую чашу. Онъ
глянувъ на своихъ, поднявъ горѣ руку и сказавъ
громко: »Дайже Боже; щобъ всѣ, якіи тутъ стоять
недовѣрки, не учали, нечестивіи, якъ мучится хри-
стіянинъ! щобъ ни одинъ изъ насъ не промовивъ
ни одного слова!« Постія того приближився къ катуши.

»Добре сынку, добрѣ!« сказавъ тихо Тарасъ и
опустивъ въ землю сивую свою голову.

Кать здеръ изъ него старіи лахманы; привя-
зали ему руки и ноги до нарочно зробленого ру-
штования и.... не будемъ разити чувства читателей
образомъ пекельныхъ муکъ, отъ которыхъ дубомъ
поднялось бы ихъ волосье. Они були порожденьемъ
тогдашнаго грубого, свирѣпого вѣка, коли человѣкъ
живъ ще кровавою жизнью самыхъ лише военныхъ
подвиговъ, и задуббевъ въ ней душою, не чуя чело-
вѣчества. Напрасно гдекотріи, немногіи, бувши из-
ключеніями вѣка, ставились противниками тыхъ
ужасныхъ мѣръ. Напрасно король и немногіи рыцарі,
просвѣтленіи умомъ и душою, представляли, же така
жестокость казненія може лише розпалити месть
козацкой нації. Але власть короля и умныхъ мнѣній
була ничемъ передъ безладомъ соймовъ и упрямою
волею государственныхъ вельможъ, которіи своею
необдуманностью, непостижимымъ отсутствіемъ вся-
кой дальновидности, дѣтинячемъ самолюбіемъ и нич-
тожною гордостью перевернули соймъ въ сатиру
на правленіе.

Остапъ изнесъ терзанія и пытки, якъ исполинъ.

Ни крику, ни стогнаня не было чути даже тогда, коли стали перебивати ему на рукахъ и ногахъ кости, коли ужасный хряскъ ихъ почули среди мертвай толпы саміи отдаленіи зреятелъ, коли панянки отвернули свои очи — нищо, чѣмъ бы оказалъ свое терпѣніе, не вырвалось изъ устъ его, и даже не скривилось лицо его. Тарасъ стоявъ въ толпѣ, похиливши голову, и въ той же часъ гордо поднявши очи, одобрительно говоривъ лише: »Добре, сынку, добре!«

Але якъ подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, бачилось, якъ будьто бы начала подаватися его сила. И повѣвъ онъ очима окресть себе: Боже, все незнакоміи лица! подумавъ онъ собѣ. Хоть бы кто нибудь изъ близкихъ бувъ при его смерти. Онъ не хотѣвъ бы чути риданій и сокрушенія слабой матері, або безъумныхъ воплей супруги, вырывающей собѣ волосье и роздирающеї бѣліи свои груды: онъ хотѣвъ бы теперь увидѣти твердого мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣживъ его и утѣшивъ при кончинѣ. И упавъ онъ силою и всклікнувъ въ душевнѣй немощи: »Батьку, где ты? чи видишъ ты все тое?«

»Виджу!« розляглось середъ всеобщой тишины и весь милюнъ народа въ одну хвилю вздрогнувъ. Часть военныхъ всадниковъ кинулась торопливо разглядати толпы народа. Янкель поблѣднѣвъ якъ смерть и коли всадники трохи отдалились отъ него онъ со страхомъ обернувся назадъ, щобъ взглянути на Тараса; але Тараса уже билия него не було; и слѣдъ его пропавъ.

XII.

Ой, нашовся слѣдъ Тарасовъ. Сто двадцать тысячъ козацкого войска появилось на границахъ Украины. Не була то уже якая нибудь малая часть или отрядъ, выступившій на добычу або на вздохъ за Татарами. Нѣтъ: то двигнувшись весь народъ, бо уже мѣра страданія народа переповнилась. Поднявся онъ отомстити за оскорблѣніе правъ своихъ, за сромотное униженіе своихъ обычаевъ, за поруганье вѣры предковъ и святого закона, за посоромленіе, своихъ церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за унію, за позорное владичество жицтва на христіянской землѣ, за все, що кормило и подстрекало изъ давнихъ временъ завзятую ненависть козаковъ. Молодый, але сильный духомъ гетманъ Остраниця предводивъ всею несчисленною козацкою силою. Биля него видѣнъ бувъ пристарѣлый, опытный товаришъ его и совѣтникъ Гуня. Осѣмъ полковниковъ вели дванадцать тысячніи полки. Два генеральніи асаулы и генеральный бунчужный єхали всѣдъ за гетманомъ. Генеральный хорунжій предводивъ головное знамя, много другихъ хоругвей и знаменъ розвѣвались въ дали; бунчуковіи товариши несли бунчуки. Много було такожъ другихъ чиновъ полковыхъ, обозныхъ войсковыхъ товаришей, полковыхъ писарей и съ ними пѣшихъ и конныхъ отрядовъ; ледви не только, сколько було реестровъ

выхъ козаковъ, набралось охотныхъ и вольныхъ. Отъ всѣхъ сторонъ поднялись козаки, отъ Чигирина, отъ Переяславля, отъ Батурина, отъ Глухова, отъ низовой стороны Днѣпра и отъ всѣхъ его верховій и острововъ. Безъ числа коней и не прозриміи тaborы воздвъ тягнулись по поляхъ.

И меже тыми то козаками, межи тыми осьмью полками самый лучшій бувъ одинъ полкъ: и тымъ полкомъ предводивъ Тарасъ Бульба. Все давало ему перевагу надъ другими; и преклоніі лѣта, и опитность, и проворность двиганія своимъ войскомъ, и за всѣхъ сильнійшая ненависть къ ворогамъ. Даже самымъ козакамъ видѣлась черезмѣрною его безпощадная свирѣпость и жестокость. Лише огонь, ташибень опредѣляя сѣдая его голова, и совѣтъ его въ войсковѣй радѣ дышавъ однимъ лише истребленьемъ.

Годѣ описовать всѣхъ битвъ, где показали себе козаки, и всѣго постепенного военнаго похода: все тое записано въ лѣтописяхъ. Извѣстно, якая була въ рускѣй земли вѣйна, за вѣру поднятая. Нема сили сильнѣйшиои надъ вѣру. Непоборимая и грозна она якъ нерукотворная скала середъ бурливого, вѣчно-измѣнчивого моря. Изъ самой середины морской безодни возносить она къ небесамъ непроломнїи свои стѣны, вся создана изъ одного цѣльнаго сплошнаго каменя. Отвсюди видна она и глядитъ прямо въ очи мимобѣгущимъ волнамъ. И горе кораблеви, который заженеся на ню! Въ скипочки разлетятся безсильніи его снасти, поринае и розсишае въ прахъ все, що лишь на немъ, и желкій крикъ погибающихъ разлягаеся въ пораженомъ воздухѣ.

Въ лѣтописныхъ книгахъ изображено подробно, якъ утѣкали польскии войсковіи осады изъ осво-

бодженныхъ городовъ: якъ повывѣшуваній були бѣз-
совѣстній арендаторы жида; якъ слабый бувъ ко-
ронный гетманъ Николай Потоцкій съ многочислен-
ною своего армією противъ той непреодолимой силы;
якъ розбитый; прослѣдованый, перетопивъ онъ
въ невеличкій рѣчцѣ лучшую часть своего войска;
якъ облягли его въ маломъ мѣстечку Полоннѣмъ
грозній козацкій полки, и якъ приведеный до край-
ности, польскій гетманъ клятвенно обѣщавъ полное
удовлетвореніе во всѣмъ изъ стороны короля и дер-
жавныхъ чиновъ и возвращеніе всѣхъ прежнѣхъ
правъ и преимуществъ. Но не такіи були козаки,
щобъ полягати на тѣмъ, знали они уже, что то ляц-
кая клятва. И Потоцкій не красовався бы уже больше
на своимъ шеститысячномъ аргамаку, прельщая
красній очи достойныхъ дамъ на зависть шляхты,
не шумѣвъ бы на соймахъ, давая роскошній бенкеты
сенаторамъ, еслибы не спасло его находившеся
въ мѣстечку руское духовенство. Колы выйшли на
встрѣчу всѣ попы въ свѣтлыхъ золотыхъ ризахъ,
съ иконами и крестами, а изъ самого переду самъ
архіерей съ крестомъ въ руцѣ и въ пастырской
митрѣ, приклонили всѣ козаки свои головы и сняли
шапки. Они никого не уважали бы були въ тую
пору, даже ни самого короля, но противъ своей
церкви христіянской не поважились и почитали
своє духовенство. Согласився гетманъ разомъ съ пол-
ковниками отпустити Потоцкого, взявши отъ него
клятвенную присягу, оставити въ свободѣ всѣ христі-
янскіи церкви, забуди старую вражду и не наносити
ниjakой обиды козацкому воинству. Одинъ лише
полковникъ не согласився на такій миръ. Тотъ одинъ
бувъ Тарасъ.

Вырвавъ онъ жмытъ волосья изъ головы своей

и вскрынувъ: »Ей гетмане, ей полковники! не дѣлайте такого бабьего дѣла! не вѣрьте ляхамъ: измѣнить псяюхи.« Когда же полковый писарь подавъ условія, и гетманъ приложивъ руку свою властную онъ изнявъ зъ себе чистый булатъ, дорогую турецкую шаблю изъ самой чельной крицѣ, разломивъ еи на двоє, мовь тростину, и кинувъ далеко въ рѣзни стороны оба концѣ, сказавши: »Прощайтежъ! Якъ двомъ концямъ сего палаша не соединиться въ одно и не составити одну шаблю, такъ и намъ товаришъ великихъ дѣль и того сорому, котрого откажуюсь, болыше не видѣтись на семъ свѣтѣ! Памятайтежъ прощальное тое слово«, (при семъ словѣ голосъ его выросъ, поднявся выше, принялъ невѣдомую силу и засмутились всѣ отъ вѣщихъ словъ): »передъ смертнымъ часомъ своимъ вы спомните мене! Думаете, що купилисьте спокойствіе и миръ, думаете, що пановати станете? Будете пановати, але не тымъ панованьемъ: здеруть гетмане изъ твоей головы скору! набютъ еи гречаною половою и довго буде ю видати по всѣхъ ярмаркахъ! Не удержите и вы, панове, головъ вашихъ! пропадете въ сирыхъ темницахъ, замуровани въ каменни стѣны, если васть, мовь барановъ, не свярять всѣхъ живыми въ кѣтлахъ.

»А вы, хлопцѣ!« говоривъ дальше, обернувшись къ своимъ: »кто изъ васть хоче умирati свою смертью? Не по запечкахъ и по бабьихъ постеляхъ, не пьяными подъ плотомъ коло щинку, якъ всякая падаль, але честною козацкою смертю, всѣ на одной постели, якъ женихъ зъ невѣстою! Або, може, хочете вернутись домовъ, та перекинутись въ недовѣркѣвъ, тай двигати на своихъ спинахъ ляцкихъ ксендзѣвъ?«

»За тобою, пане полковнику, за тобою!«

вскрикнули всѣ, що були въ Тарасовомъ полку, и до нихъ перебѣгло не мало другихъ.

»А коли за мною, такъ за мною!« сказавъ Тарасъ, нарядивши глубше на голову собѣ шапку, грозно поглянувъ на всѣхъ, що ся лишили, поправився на кони своеемъ и крикнувъ на своихъ: »Не попрекнетъ же никто нась обидною рѣчю! А ну, гайда, хлопцѣ, до бузувѣрѣвъ въ гостѣ!« И затявъ нагайкою своего коня, и потягнувся за нимъ тaborъ изъ ста телѣгъ, а съ ними много козацкои конноты и пѣхоты, обертаясь, грозивъ Тарасъ хмурнымъ окомъ всѣмъ оставшимся и съ гнѣвомъ позиравъ на нихъ. Никто не поваживсь спинити ихъ. Въ виду всего воинства уходивъ полкъ, и довго ще обертаўся Тарасъ и все грозивъ.

Смутніи стояли гетманъ и полковники; задумалися всѣ козаки и мовчали, якъ будто бы провѣдовали яке лихо. Не даромъ вѣщувавъ Тарасъ. Такъ все и наступило, якъ онъ проповѣвъ. Не много времене посля вѣроломного поступка підъ Каневомъ стремѣла голова гетмана на колѣ разомъ зъ многими изъ первѣйшихъ достойниковъ козачества.

А щожъ Тарасъ? Тарасъ гулявъ по всей Польщѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ осьмнадцять мѣстечокъ, до сорока костеловъ и уже доходивъ до Кракова. Много побивъ онъ всякой шляхты, розграбивъ всѣ богатшіи и лучшіи замки, розпечатали козаки и порозливали по землѣ вѣковіи меды и вина, сохрanno стереженій въ панскихъ погребахъ; подерли и попалили дороги сукна, одежи и утвари, находиміи въ складахъ. »Ничого не пощадьте!« повторявъ лише Тарасъ. Не пощадили козаки и чернобровыхъ панянокъ, бѣлогрудыхъ, свѣтлолицыхъ дѣвиць: у самыхъ олтарей не могли они спасти себе: зажигавъ ихъ

Тарасъ разомъ зъ олтарями. Не одніи снѣжнобѣліи руки, взносились изъ огненного пламене къ небесамъ, съ жалкими криками, отъ которыхъ застогнала бы самая земля и отъ жалости поникла бы степовая трава. Но жестокимъ козакамъ бай дуже: они ратищами подбѣмали изъ улицъ младенцевъ ихъ, и кидали до нихъ въ огонь. »То вамъ, вражій ляхи, поминки по Остапѣ! приговорюавъ лише Тарасъ. И такіи поминки по Остапѣ отправлявъ онъ въ кождомъ селѣ, поки польское правительство не увидѣло, що поступованье Тараса було щось больше, якъ звичайне розбойничество, и томужъ самому Потоцкому було поручено съ пятью полками поймити непремѣнно Тараса.

Шесть дней уходили козаки мановцями отъ преслѣдований; ледви вынесли конѣ необыкновенное бѣгство и спасали козаковъ. Але Потоцкій на сей разъ бувъ достоинъ возложенного порученія: не утомимо пронаслѣдовавъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣпра, где Бульба для отпочинку розложився въ залишенній розваленой крѣпости.

Надъ самою кручею Днѣстра видна була она своимъ обрваннымъ окопомъ и своими останками розваленыхъ стѣнъ. Рѣнью и розбитыми цеглами усъянный бувъ грунь утеса, готовый всяку хвилью обдрватись и злетѣти въ пропасть. Тутъ то изъ двохъ сторонъ отъ поля обступивъ его коронный гетманъ Потоцкій. Чотыре дни бились козаки, обивались цеглами и каменями. Але выйшли запасы и нестало силы, и Тарасъ рѣшився пробитись скрѣзь ряды. И пробились були уже козаки, и може бути еще разъ послужили бы имъ вѣрно ихъ быстріи конѣ, але якъ вразъ въ самомъ летѣ остановився

Тарасъ и вскрикнувъ: »Стой, выпала люлька съ тютюномъ; не хочу, щобъ и люлька дѣсталась вражимъ ляхамъ.«

И нагнувшись старый атаманъ и ставъ искати въ травѣ люльки съ тютюномъ, нѣотлучной сопутницѣ козака на моряхъ, и на сухопути, и въ походахъ, и дома. А тымчасомъ надѣгла ватага и схватила его подъ могучиі плечи. Шамотнувшись онъ всѣми членами, але уже не посыпались на землю, якъ бувало впередъ, схвативши его гайдуки. »Ехъ старость! старость!« сказавъ онъ, и заплакавъ дебелый старый козакъ. Але не старость була виною: но сила одолѣла силу. Ледви не тридцять мужа увисло у него по ногахъ и рукахъ. »Попалась ворона!« кричали ляхи. »Теперь лишь придумати, якую бы ему, собацѣ, отдать найлучшую честь.« И присудили съ гетманского розрѣшенія, спалити его живого въ виду всѣхъ. Стояло ось зъ боку голе дерево, котрого вершину грѣмъ розбивъ. Притягнули Тараса желѣзными ланцами до сухого дуба, приподнявши его wysoko, щобъ отвсюди бувъ виденъ, цвяками прибили руки, и принялись подъ деревомъ розкладати огонь. Але не на ватру дивився Тарасъ, не о огни думавъ онъ, котрымъ забирались его спалити; онъ глядѣвъ сердечный въ тую сторону, где отстрѣливались козаки; ему зъ высоты все было видно, якъ на долони. »Займайте, хлопцѣ, кричавъ онъ: займайте, чимъ скорѣйше! горбокъ, що за лѣсомъ: туда не подступятъ они!« Але вѣтеръ не донѣсъ слоує его. »Отъ пропадутъ ни за що!« говоривъ онъ отчаянно и взглянувъ въ низъ, где сверкавъ Днѣстеръ. Радость блеснула въ очехъ его: онъ увидѣвъ за корчами четыре кермы, и сбравъ всю силу голосу, и громко закричавъ: »До берега! до берега,

Польскій гайдуки беруть Бульбу въ неволю.

хлонцъ! спускайтесь по убочи стежкою, що на лѣво. У берега стоять лоды и човна, всѣ забырайтесь, щобъ не було погони.«

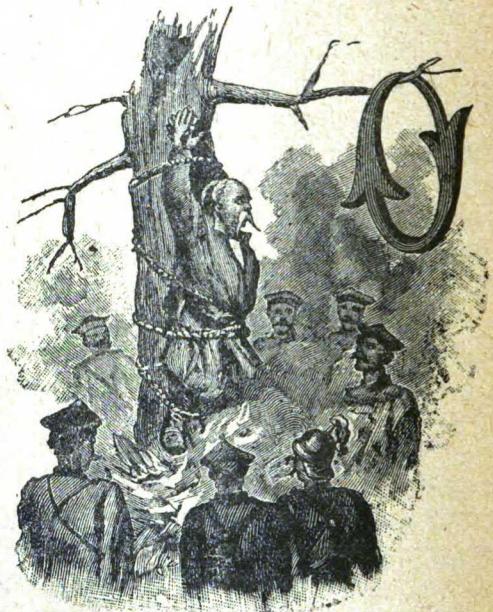
На тотъ разъ вѣтеръ завѣявъ зъ другой стороны, и всѣ слова учуди козаки. Але за такій совѣтъ загнали ему обухомъ въ голову, что ажъ все перевернулось ему въ очехъ.

Припустились козаки во всю прыть подгорною дорожиною, а уже погоня за плечима. Видять, що вьется дорожина и много ей выкрутасовъ. »Ей, товариш! не туда намъ ити!« стали всѣ, остановились на мигъ, подняли нагайки, свиснули — и татарскіи ихъ конѣ, отдѣлившись отъ землѣ, розкрячившись въ воздухъ, мовь зміи, перелетѣли черезъ пропасть и бухнули собою прямо въ Днѣстеръ. Двохъ лише не досягло рѣки, но грянули собою съ высоты о каменье и пропали тамъ на вѣки съ коньми, не давши ни крику учути. А козаки уже плыли съ конями рѣкою, и отвязовали лоды и човна. Надлетѣли ляхи и остановились надъ пропастю чудуясь неслыханому козацкому дѣлу и думая: чи шtryкати за ними, чи нѣтъ? Одинъ молодый полковникъ, живая горячая кровь, рѣдный братъ прекрасной ляшки, що очаровала бѣдного Андрѣя, не подумавъ довго и кинувся со всѣхъ силъ съ конемъ за козаками, надѣясь, що и другіи по его примѣру вержутся. Перевернувшись тричи въ воздухъ съ конемъ своимъ и прямо грянувъ собою на остріи утесы. Въ кусочки розбрвали его остріи каменѣ и онъ пропавъ въ пропасти, а мозокъ его смѣшавшись съ кровью, обрызгавъ по нерѣвныхъ стѣнахъ облаза выросшее зѣлье.

Коли очунявся Тарасъ отъ обухового удара и глянувъ на Днѣстеръ, то уже козаки були на

лодьяхъ и гребали веслами; кулѣ сыпались на нихъ зъ верху, но не досягали. И заблескотѣли радостній очи у старого атамана.

»Прощайте товариш!« кричавъ онъ имъ зъ верху: »вспоминайте мене, а будущою весною прибуйвайте сюда зновъ, та хорошенько погуляйте! А що дѣстали-сьте ихъ чортовія ляхи? думаете, же есть що на свѣтѣ, чого бы побоявся козакъ? Погодѣте, прійде ще время, а познаете вы, что то православная русская вѣра! Уже и теперь чують близкіи и далекіи народы: подоймесь колись изъ русской земли свой царь, и не буде въ мірѣ силы, котра бы не покорилась ему!....« А уже поломень подоймався надъ ватрою,

захвативъ его ноги, прилягъ къ дереву и обнявъ его...
Та хибань найдутся на свѣтѣ такіи огни и муки и сила

такая, котра бы перемогла тай одолѣла русскую силу.

Не малая рѣка Днѣстеръ, та много на ней заводьей, рѣчныхъ густыхъ шувардовъ и тростниковыхъ, мѣлинъ и безодень, блеститъ рѣчное зеркало, по немже розлягаешь звонке яchanье лебедей, и гордый гоголь быстро несется по надъ нимъ, и много куликовъ, краснорябыхъ курухтановъ и всякихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и на прибережьяхъ. Козаки быстро плыли на узкихъ двукирмовыхъ човнахъ, дружно гребли веслами, осторожно минали мѣлизны, всполошивая подоймавшися птицъ, и спѣвали про своего атамана:

*Полягla козацка, молодецка голова,
Якъ бѣтъ вѣтру у степу трава!
Слава не вмре, не поляже,
Рицарство козацке всякому розкаже!*

КОЖДЫЙ РУСИНЪ ПАТРЮТЬ

повиненъ мати

и собѣ и другимъ прочитати

слѣдующій изданія:

Тарасъ Бульба зъ многими образками	50 кр.
Не такъ склалось якъ гадалось	10 »
Олекса Добушъ	15 »
О патріотизмѣ	5 »
Сборникъ деклямацій	15 »
Якъ Наполеондеръ свѣтъ воюавъ	15 »
Хроника россійско-японской вѣйны 9 выпу- сковъ по 10 кр.	90 »
Вѣйна-мерзость	10 »
Настуня	10 »
Не веди нась въ искушеніе	10 »
Соединенными силами	5 »
Завируха, повѣсть козацка часть I	20 »
» . . . . . » . . . . . II-га	20 »
Галицко русскія патріотич. пѣсни	2 »

Пересылаетъ только за попереднимъ
надосланіемъ належитости

ПЕЧАТНЯ М. БѢЛОУСА

въ КОЛОМЫЇ.

Списъ книжочокъ высылаесь

===== Д А Р О М Ъ =====

Живъмся! == == Крипъмся!

ПАНОВЕ ГАЗДЫ и ГАЗДЫНЪ!

Печатня Михаила Бълоуса въ Коломыѣ,

повѣдомляе васъ, що выдруковала таку практичну книжку, якой еще русини не мали, а дуже важна она зъ того, що служить для найважнѣйшой потребы въ житю чоловѣка. Книжка тая научна, а называється

„РУССКАЯ ПЕКАРНЯ“

или наука якъ варити и печи всяки здоровії та смачні стравы и печива.

Чехи, Нѣмцѣ, Поляки, Жиди, а даже Японцѣ и Хинчики посвѣдають вже давно такія научнія книжки вареня и печеня, ба даже мають школы больші и менші, въ которыхъ учатся всякую страву смачно та здорово прилагодити, щобы здоровье удержати и даръ Божій не псувати, а придвигъмся имъ, свѣтъ завоевуютъ, бо где здорове тѣло, тамъ здоровий духъ, тамъ отвага, сила и воля.

Про тое накладаемъ на Васъ Панове
Газды и Газдынѣ строгій обовязокъ и при-
казуемъ Вамъ въ оборонѣ вашого здоровья.
щобы тая книжка въ каждой русской хатѣ
знаходилась и кожда русска газдыня, щобы
зъ неї кормила своего мужа дѣти и челядь,
а въ праздничніи дни, чи тамъ весѣля або
иншіи пригоды, честныхъ своихъ гостей.
Еще разъ приказуемъ не жалуйте гроша
бо за грбшъ здоровья не купите!

Купуйте Русскую Пекарню

или науку якъ варити и печи, смажити,
квасити, добріи напои робити, — ТУ ЗО-
ЛОТУ КНИЖКУ занимающу около 500
поучительныхъ всякого рода приписевъ, а
выайде Вамъ на пожитокъ та на здоровье.

Высылаеть только за попереднимъ надбслан-
немъ належитости переказомъ почтовымъ

 2 коронъ

Печатня Михаила Бѣлоуса
ВЪ КОЛОМѢѢ.

— Щасть Боже, — та на здоровье и пожитокъ. —

Гетьманъ Наливайко.